

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
В Я Т С К О Г О Г О С У Д А Р С Т В Е Н Н О Г О
У Н И В Е Р С И Т Е Т А**

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 7

Киров
2017

Главный редактор

В. Н. Пугач, кандидат экономических наук, ректор ВятГУ

Заместители главного редактора:

В. Т. Юнгблюд, доктор исторических наук, профессор ВятГУ;

С. Г. Литвинец, кандидат сельскохозяйственных наук, проректор по науке и инновациям ВятГУ;

Л. В. Калинина, доктор филологических наук, доцент, ВятГУ

Ответственный секретарь

О. В. Байкова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой, ВятГУ

Состав редакционного совета:

В. В. Блажеев, кандидат юридических наук, профессор, председатель Совета УМО по юридическому образованию, ректор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва);

И. Р. Гафуров, доктор экономических наук, профессор, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань);

Н. И. Егорова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению холодной войны, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, действительный член (академик) РАО, проректор по научной работе, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

А. А. Махнев, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом, Институт математики и механики УрО РАН (г. Екатеринбург);

Ю. А. Петров, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН (г. Москва);

Е. И. Пивовар, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва);

Н. Д. Светозарова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Е. Protassova, доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, отделение современных языков, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия);

H. W. Retterath, доктор филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия);

D. Stellmacher, доктор филологии, профессор, Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия)

Состав редакционной коллегии:

Н. М. Валеев, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (г. Казань);

П. И. Кононов, доктор юридических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

В. М. Лавров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва);

А. А. Машковцев, доктор исторических наук, доцент ВятГУ (г. Киров);

М. И. Ненашев, доктор философских наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

Н. О. Осипова, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

О. А. Останина, доктор философских наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

В. Я. Перминов, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

О. Ю. Поляков, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

Ю. А. Сауров, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ВятГУ (г. Киров);

Г. И. Симонова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой, ВятГУ (г. Киров);

Т. Н. Чугаева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Пермский научный центр УрО РАН (г. Пермь)

**Научный журнал «Вестник Вятского государственного университета»
как средство массовой информации зарегистрирован в «Роскомнадзоре»
(Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67510 от 18 октября 2016 г.)**

Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Адрес издателя/редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36,
тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Редактор **О. И. Коробкова**

Компьютерная верстка: **К. А. Ашихмина**

Дизайн обложки: **А. Ю. Чепурных**

Редактор выпускающий **А. Н. Петрова**

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Корнев Г. П., Кулагина Н. А.</i> Государственность и гражданственность как смыслообразующие признаки нации	5
<i>Шадрин Е. Н.</i> «Общественный договор» Томаса Гоббса: историко-философская реконструкция концепции	13
<i>Романов П. А.</i> Понимание как специфическая форма субъективного отражения объективной действительности	20
<i>Ладыгина И. В.</i> Социально-этические проблемы робототехники	27
<i>Ярмухаметова Р. С.</i> Смыслы и понимание музыки в христианских трактатах Средневековья.....	31
<i>Балабаева Л. В.</i> Идеи Софии и теургии в русском религиозно-философском символизме конца XIX – начала XX в.	39

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Машковцева В. В.</i> Ситминская молельня как духовный центр старообрядчества Вятской губернии	45
<i>Семенова Н. Л.</i> Оренбургский край в региональной политике Российской империи в XVIII – начале XIX в.	52
<i>Ершов М. Ф.</i> Девиация: два случая из жизни учителей Зауралья 70-х гг. XIX в.	60
<i>Шайдуллин Р. Р.</i> Судебные следователи округа Казанской судебной палаты: организация и улучшение их деятельности (вторая половина XIX в. – 1917 г.).....	64

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Осипова Н. О.</i> Семантика болезни в поэзии русской эмиграции 1920–1930-х гг.	70
<i>Анимова О. К.</i> Семантизация лингвокультурных единиц в толковых словарях русского языка	75
<i>Гарифуллина А. М., Губик С. В., Шакирова Н. Р.</i> О культурном потенциале аллюзивных единиц	81
<i>Швецова Т. В.</i> Дон Жуан и Владимир Бельтов: к вопросу о поступке героя.....	84
<i>Зырянова С. А.</i> Аббревиатурное заглавие романа Виктора Пелевина «Т» как инструмент репрезентации базового художественного концепта текста.....	90
<i>Лазуткина Е. В.</i> Специфика освещения темы благотворительности в социальных медиа.....	94
<i>Смирнова Д. Б.</i> Польский взгляд на проблему интеллигенции и революции в романе С. Жеромского «Канун весны»	98
<i>Мазова Е. В.</i> Кукольные пьесы как вставной текст в романе А. С. Байетт «Детская книга»	102
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	109
INFORMATION ABOUT AUTHORS	111

CONTENTS

- Kornev G. P., Kulagina N. A.* Statehood and citizenship as sensemaking signs of the nation
- Shadrina E. N.* "Social contract" of Thomas Hobbes: historic and philosophical reconstruction of the concept
- Romanov P. A.* Understanding as a specific form of a subjective reflection of the objective reality
- Ladygina I. V.* Social and ethical problems of robototechnics
- Yarmuhamedova R. S.* The meanings and understanding of music in Christian treatises of the Middle Ages
- Balabaeva L. V.* The idea of Sophia and theurgy in the Russian religious philosophical symbolism in late XIX – early XX century
- Mashkovtseva V. V.* Sitminskaya chapel as the spiritual center of the Old Believers of Vyatka province
- Semyonova N. L.* The Orenburg region in the regional politics of the Russian Federation in the XVIII – beginning of the XIX centuries
- Ershov M. F.* The deviation: two events from life of teachers of the Trans-Urals of the 70-th years of the 19-th century
- Shaidullin R. R.* Judicial investigators of the District of the Kazan Chamber of Justice: organization and improvement of their activities (Second half of the XIX century – 1917)
- Osipova N. O.* The semantic code of disease in the poetry of the Russian emigration 1920–1930-ies
- Ansimova O. K.* Semantisation of linguocultural units in the explanatory dictionaries of the Russian language
- Garifullina A. M., Gubik S. V., Shakirova N. R.* About allusions' cultural potential
- Shvetsova T. V.* Don Juan and Vladimir Bel'tov: to the question about the act of hero
- Zyryanova S. A.* Abbreviated title of the novel by Victor Pelevin "T" as a tool for representation of the basic artistic concept of the text
- Lazutkina E. V.* Features of coverage of the theme of charity in social media
- Smirnova D. B.* The Polish approach to the problem of the intelligentsia and the revolution in the novel by Żeromski S. "Eve of spring"
- Mazova E. V.* Puppet plays as an inserted text in A. S. Byatt's novel "The Children's Book"

Государственность и гражданственность как смыслообразующие признаки нации

Заявленная в статье концепция теоретически и практически актуальна в связи с подготовкой законопроекта «О российской нации», инициированного Президентом РФ. Сомнения в научности концепта «нация» и признание его исключительно нормативным понятием, имеющим лишь политическое оправдание, формирует ошибочное мнение о бесперспективности построения в социальной философии междисциплинарной модели нации вообще и российской нации в частности. Опираясь на различные эпистемологические (реализм и социальный конструктивизм) подходы к нациопониманию, авторы рассматривают нацию как политическую и гражданскую общность, делегирующую властные полномочия государству, которое осуществляет политико-правовое оформление нации и делает её тем самым высшим источником легитимности и суверенитета власти. Гражданское общество придает нации этнокультурное содержание, сохраняет и приумножает культурную составляющую народов (этносов), входящих в нацию. Поэтому государственность и гражданственность являются смыслообразующими признаками нации.

Stated in the article the concept of theoretically and practically relevant in connection with the preparation of the draft law «On the Russian nation» initiated by the President of the Russian Federation. Doubts about the scientific concept of «nation» and recognition of its solely a normative concept, having only a political justification, creates a misconception about the futility of building in the social philosophy of the interdisciplinary model of the nation in General and of the Russian nation in particular. Based on different epistemological (realism and social constructivism) approaches to natsionalniy, the authors examine the nation as a political and civil community, delegating powers to the state, which carries out legal-political design of the nation and makes it thereby the highest sources of legitimacy and sovereignty of the government. Civil society gives the nation's ethnic and cultural content, preserve and develop the cultural dimension of peoples (ethnic groups) with in the nation. Therefore, statehood and citizenship are the semantic characteristics of a nation.

Ключевые слова: нация, этнос, социальный конструктивизм, Э. Геллнер, Б. Андерсон, суверенитет, легитимность, государственность, гражданственность, нациопонимание, «воображаемые сообщества», российская нация.

Keywords: nation, ethnos, social constructivism, Eh. Gellner, B. Anderson, sovereignty, legitimacy, statehood, citizenship, national understanding, «imagined communities», Russian nation.

Президентская инициатива по подготовке закона «О российской нации», выдвинутая в октябре 2016 г. на заседании президентского Совета по межнациональным отношениям в Астрахани, вряд ли может быть реализована без глубокого и тщательного научного и философского осмысления столь сложного социального явления, как нация. Нигилизм в отношении прежних до-революционных и советских представлений о нации и методологический плюрализм различного рода постмодернистских подходов и концепций по этой проблеме породил в научной и информационной среде скептицизм в возможности построения в социальной философии междисциплинарной модели нации вообще и нации применительно этносов, населяющих территорию государства Российского. Сомнения в научности концепта «нация» и признание его исключительно нормативно нагруженным понятием, имеющим лишь политическое оправдание, нередко формирует ошибочное мнение о бесперспективности поиска объективных оснований существования данного феномена и трансформации его исключительно к «воображаемому сообществу», «конструкту-инструменту», используемому в политических играх элит. Так это или не так, попытаемся выяснить в настоящей статье.

В философии, науке и праве понятие «нация» употребляется, как правило, в двух смысловых контекстах: сообщество граждан одного государства (политическая, гражданская нация) и

этническая общность (этнонация). В первом контексте понятие «нация» употребляется в конституционном праве многих англо- и романоязычных стран, а также в международном праве и документах ООН. Синонимичность понятий государства и нации широко распространена в мире. Отсюда вполне объяснимо появление таких словосочетаний, как «Организация Объединенных Наций», «национальная безопасность», «национальные интересы», «национальное сознание», «национальное государство». Во втором контексте нация рассматривается как сложившаяся на основе общей культуры и языка, компактно или рассеяно (разбросано) проживающая на определенной территории общность людей, члены которой обладают общим самосознанием.

Следует отметить, что определение нации как этнической общности, не включающей признак государственности, было сформулировано еще в 1913 г. И. В. Сталиным в работе «Марксизм и национальный вопрос» и до конца 50-х начала 60-х гг. XX в. считалось в советской науке непререкаемой истиной [1]. При этом этническая интерпретация понятия «нация» стала в известном смысле нормативной в отечественном и западном обществоведении и мало чем отличается от сталинского определения. Различие обнаруживается лишь в том, каким признакам в формировании и функционировании нации, объективным или субъективным, реальным или конструируемым, экономическим или политическим, культурным или психологическим, отводится приоритетная роль.

Рассматривая нацию в качестве определенного типа этноса, исследователи фактически находят в рамках понимания нации как исключительно этнокультурной общности, мало чем отличающейся от донациональных этносов – племени и народности. Поэтому необходимо было ввести в определение нации такой признак, который мог бы отличать её от других этнических общностей. Именно таким нациообразующим признаком как раз и является государственность.

О взаимосвязи нации и государства замечено давно. Так, К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин убедительно показали, что нация возникает на основе экономических отношений капиталистического способа производства. При этом консолидация народов в нацию завершается образованием национального государства, утверждением буржуазией своей политической власти посредством такого политического инструмента, как «государство-нация» [2].

Вопрос о взаимосвязи нации и государства обсуждался в русской дореволюционной философии, причем признак государственности в некотором смысле проводился многими русскими философами, публицистами и историками более последовательно, чем в советский период [3]. Так, по справедливому мнению выдающегося историка В. О. Ключевского, народ становится нацией тогда, когда чувство национального единства обретает выражение в государстве, в единстве верховной власти и закона [4].

Не в этом ли пророческий смысл сегодняшней необходимости закона «О нации»? Быть может, кому-то не нравится название «закон о российской нации», а кому-то хотелось бы видеть название «закон о русской нации». Не будем сейчас спорить о словах, хотя их смысловая нагрузка очень значима. Речь идет о более важном для российской действительности: создать законодательную модель единства народа и государства Российского.

Уже сейчас пытаются свести президентскую инициативу к подготовке очередного заурядного нормативного правового акта, регулирующего отношения в сфере укрепления единства многонационального народа Российской Федерации. Никто не спорит, что вопросы, связанные с утверждением российской идентичности и патриотизма, преодоления напряженности и конфликтов, которые могут представлять опасность для единства российского народа, задача важная, и, разумеется, её реализация требует правовой формы. Над этим нужно работать. Только сегодняшний иницируемый Президентом РФ закон имеет более значимый акцент, направленный на правовое (законодательное) обеспечение единства между народом, как таковым, с одной стороны, и государством, представляющим национальную волю этого народа, с другой стороны. Ведь нация – это, прежде всего, единство народа (народов, этносов) и государства в общих устремлениях к лучшей жизни.

Многие философы в прошлом рассматривали становление нации и государства в тесной связи. Однако признак государственности как отличительное качество нации от других типов этносов явно не нашел достаточно выраженной поддержки. Причина «сомнительности» данного признака обнаруживалась во вполне уместных вопросах: Что делать с народами, лишенными самостоятельной государственности? Следует ли их на основании признака государственности вычеркнуть из разряда наций? Если нация конституируется государством и правом как закономерный процесс интеграции различных народов, объединенных общим языком, территорией, культурой и психикой для реализации своих экономических и политических интересов и свобод, то существовала ли она до образования государства, в каком виде и какое влияние оказывала на формирование государства? Отвечая на эти и другие вопросы взаимосвязи нации и государства,

многие отечественные исследователи советского периода вплоть до 90-х гг. XX столетия исключали признак государственности из определения нации и по существу ограничивались её этнической характеристикой.

Активную позицию по включению государственности в качестве отличительного признака нации занимают многие современные исследователи самых различных методологических подходов и направлений. Базовой основой концепций, исповедующих конструктивизм, является теория «нациестроительства» английского социолога и философа Э. Геллнера, изложенная в его труде «Нации и национализм» [5]. Главный тезис его размышлений состоит в том, что нация – продукт (конструкт) деятельности государства, политической борьбы за его создание и сохранение. Этносы превращаются в нации не просто в ходе естественно-исторического процесса, а в результате политической борьбы за власть и, прежде всего, борьбы за государственную власть. С этой целью реальная или потенциальная власть создает политические группы и формирует политические интересы, максимально эксплуатируя при этом этнические признаки своих приверженцев, используя этничность как средство для достижения групповых интересов, мобилизации в политической борьбе. Однако вместо реальных и эмпирически доступных для восприятия этнических признаков и черт, т. е. этничности, власть систематически навязывает различными способами «выдуманные» конструкции, сложенные из разных социально-психологических и идеологических «блоков»: принадлежности к единому народу и солидарности с ним; общего генетического, территориального, культурного наследия и добровольной идентификации; свободного выбора и разделяемого противопоставления. Это, собственно, и есть психологические и идеологические средства «нациестроительства». Особая роль среди них отводится общественным наукам, которые изобретают мифы и легенды о происхождении нации и используют при этом этнические признаки и символы предшествующих нациям исторических этносов.

В своих рассуждениях Э. Геллнер приходит к выводу, что нации в индустриальном обществе фактически утратили те этнические признаки, которыми обладали предшествующие им этнические общности – племена и народности, или настолько их исказили в процессе конструирования, что от собственно этнического образования ничего и не осталось. Нации уже не имеют ни экономических, ни языковых, ни культурно-бытовых, ни психологических признаков, но, если они и присутствуют формально (констатируются как наличное бытие), то пронизаны социально-стратификационными, политическими, правовыми характеристиками. Нация, таким образом, всецело превращается в государственно-политическое, правовое образование. «Группа людей... – пишет Э. Геллнер, – становится нацией, если и когда члены этой группы твердо признают определенные общие права и обязанности по отношению друг к другу» [6]. Следовательно, признание общих прав и обязанностей, закрепленных в позитивном праве государства, становится достаточным квалификационным признаком группы людей для объявления себя нацией.

Признавая тот факт, что всякая нация стремится к государственности, но далеко не всякая обретает суверенитет и независимость, Э. Геллнер делит все нации на «реальные» и «потенциальные». Лишь «реальные» нации имеют свою государственность, так как выросли из высокой культуры, породившей национализм и желание иметь собственное государство. «Потенциальные» же нации таковыми так и останутся, пока не обретут какую-либо форму государственности.

Таким образом, понятие нации, по Э. Геллнеру, имеет политический смысл как вопрос связи государства со своими гражданами и идеологический смысл как практическая задача объединения их для мобилизации и политической борьбы за государственную власть и её сохранение. В последнем Э. Геллнер видит предназначения государственного национализма.

Конечно, Э. Геллнера можно обвинить в том, что он идет вразрез с теми процессами нациеобразования, которые происходят в Европе и во всем мире. Ведь многие народности не имеют своих отдельных государств, а количество государств отнюдь не совпадает с количеством народностей. Многие народности, в том числе европейские, существуют в рамках многонациональных государств, в том числе и Россия, и существуют благополучно, обретая свою национальную государственность легитимным путем. Назвать этнические нации «потенциальными», как сделал Э. Геллнер, представляется не только некорректным из-за соображений дискриминационного порядка, но и не соответствующим логике и последовательности образования наций в современном мире, тенденциям всякого национального движения. Тем не менее следует признать, что геллнеровские идеи о нации как продукте деятельности государства и «произрастании» национализма из потребности народности обрести свою государственность являются вполне плодотворными и используются не только в научном, но и в политическом дискурсе.

И еще об одной, на наш взгляд, непоследовательности геллнеровской теории «нациестроительства». Оказывается, что «потенциальные нации» в большей мере являются нациями, сохранившими свое естественное состояние в силу того, что они не подменили свои этнические при-

знаки, – пусть донациональные, – политическими суррогатами, «придуманными» элитами для обоснования связи с государством и властью, хотя такое не исключено, и подобная тенденция имеет место в современном национальном движении. Напротив, «реальные» нации, подчинившие себя государству, слившиеся с ним и институционализировавшие свою этничность, все больше и больше подвержены конструктивистским и инструменталистским технологиям в «нациестроительстве». Этничность в них в большей степени является выдуманной, воображаемой, оторванной от естественных культурных, бытовых, языковых, психологических и идентификационных признаков действительных этносов. Вот почему у многих исследователей возникло скептическое отношение к подобного рода «реальным» нациям.

Другой видный сторонник конструктивистской традиции Б. Андерсон назвал нацию одним из «воображаемых сообществ». Он поставил перед собой задачу найти основы и причины зарождения нации и национализма в их культурных истоках, так называемых «особого рода культурных артефактах», таких как печатная продукция, стандартное образование и единое образовательное пространство, единый карьерный рост чиновников и т. п. Именно они явились основами особой привязанности людей к своей национальной идентичности. Культура, язык, романы, газеты формируют самосознание человека и его способность «воображать» (представлять, осознавать) национальную общность и себя в ней как единое [7].

Позиция Б. Андерсона по некоторым вопросам нации и национализма довольно противоречива. На первый взгляд, может показаться, что, исходя из названия «воображаемые сообщества», нации – явления «мнимые», «придуманные», «иллюзорные» и т. п. [8] Где-то это – справедливо. Но в тоже время он пытается дистанцироваться от инструменталистского понимания нации как искусственного «конструкта-инструмента», созданного для удовлетворения амбициозных целей политических элит в борьбе за власть. Внимательное прочтение Б. Андерсона и интерпретация его идей убеждают нас в том, что он все же не ставит под сомнение бытие нации как социальной реальности, удовлетворяющей глубокие потребности человека в идентификации, «воображении» себя принадлежащим к нации. Вчитываясь в текст андерсоновской теории, мы склонны считать, что не нацию «воображает» человек, а себя приписывает к нации, воображает себя в качестве её представителя, т. е. посредством воображения (вымысла) идентифицирует себя с нацией.

Ведь нельзя не учитывать того обстоятельства, что люди, воображая себя в качестве представителей нации, реально формируют для себя данное социальное сообщество, основываясь при этом часто на собственных вымыслах или, правильно сказать, вымыслах, которые навязаны им идеологами и политиками. Нация, фактически, создается, производится, конструируется и конструируется не без помощи государства; сливается с государством. Очевидно, что закон о нации в некотором смысле есть «воображаемое», точнее, желаемое осмысление себя как народа (этноса) в единении с государством. Цель такой государственно-правовой рефлексии заключается в мобилизации каждого гражданина на осознание своей принадлежности к единому народу (нации), формировании чувства общности, солидарности, гражданской ответственности за дела в государстве.

Не исключено, что постепенно нация в воображении её представителей может утратить черты желаемого (в смысле воображаемого) сообщества. Происходит это чаще всего потому, что реальное государство «дискредитирует» идею нации как «воображаемого сообщества». Реальная нация, а точнее, государство, её сформировавшее, не может больше удовлетворять национальным притязаниям народа. Назревает конфронтационный процесс противостояния «воображаемого сообщества» государству, процесс перегруппировки сил и новый виток воспроизводства нации, во главу которого становятся новые политические силы, с новыми государственными и, возможно, псевдогосударственными устремлениями на предмет видения новой нации и нового государства.

Такова, на наш взгляд, позиция Б. Андерсона, быть может, и не всегда заявленная им именно так, как мы её интерпретировали и развили. Безусловно, теория Б. Андерсона, как и многих представителей постмодернистской традиции, страдает «академизмом», который далек от адекватного объяснения чувств и поступков людей, идентифицирующих себя с той или иной нацией. Прав Э. Смит, что «воображение» единства с другими людьми не способно объяснить, почему люди готовы умереть и убивать ради своей нации.

Конструктивистский подход к нации и национализму в постмодернизме демонстрирует отрицание историчности, этничности и объективности наций. Так, К. Вердери со всей прямотой заявила, что нация как символ имеет множество значений, выдвигаемых различными группами, которые пытаются застолбить свое право на определение этого символа и его легитимирующее воздействие на массы. Она видит в нации продукт символизации, конструируемый в интересах различных групп; изучать нацию значит отвечать на вопрос: «Как идентичности конструируются

в социальном смысле и как создаются обладающие ими индивиды?» [9] Вполне уместно задать встречный вопрос: какое отношение идентифицирующие себя социальные группы имеют к подлинно этническим общностям, если основаниями конструируемой идентификации может быть все, что придёт в воспаленную фантазией голову конструктора?

Что же касается исследователей нашей страны, то одним из первых, кто проблематизировал идею нации через государство, был В. А. Тишков, и уже за ним – Ю. М. Бородай, В. М. Межуев, В. Н. Шевченко и другие [10]. Обратим внимание, что у многих из них, и наиболее последовательно у В. А. Тишкова, речь идет не о нации как объективно существующем социальном образовании, а об идее нации (фактически, о национальной идее) как «воображаемом конструкте», способствующем формированию национального государства.

Так, согласно взглядам В. А. Тишкова, «нация и государство образуют своего рода симбиоз: если идея нации является необходимой основой для государства, то в государстве воплощается коллективная “национальная воля”» [11]. В своих работах он обосновывает мысль, что идея нации представляет собой одно из символических представлений этносоциальных групп, а точнее, их элит, посредством которых самосознание принадлежности к этим группам обеспечивается общностью их формы существования в качестве самостоятельного национального образования чаще всего в качестве государства.

Наш уважаемый соотечественник считает, что идея нации, зарождаясь в среде того или иного народа или даже группы народов, как средство достижения государственного суверенитета, реализуется, как правило, по достижении этими народами государственности, то есть идея нации оформляется на почве национальных движений, достигших определенного развития народов [12]. Вместе с тем В. А. Тишков полагает, что идея нации временное явление; «родившись в Европе в эпоху буржуазных революций и образования национальных государств, идея нации, пройдя через этап слияния этого понятия с понятием государства, ныне явно проявляет признаки умирания, столкнувшись с новым этапом ломки всех межгосударственных перегородок на западноевропейском континенте и процессом “разгосударствления” жизни гражданских сообществ. В остальных районах Земли, не испытавших прямого европейского влияния, понятия “нация” в общественной мысли и практике вообще нет» [13].

Ничего нет более постоянного, чем временное. Надо отметить, что буквально в начале этого года в РАН появился Научный совет по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений. Он создан в соответствии с поручением В. В. Путина в связи с подготовкой проекта нормативного правового акта, регулирующего отношения в сфере укрепления единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации). Сопредседателем совета является научный руководитель Института этнологии и антропологии РАН академик В. А. Тишков. Прошло первое заседание Совета, на котором обсуждался вариант понятий для глоссария этого законодательного акта. В их числе понятие «российская нация» как «гражданско-политическая общность, консолидированная на основе исторической российской государственности (курсив наш. – Авт.), члены которой обладают равными правами независимо от этнической, расовой и религиозной принадлежности, общими историко-культурными ценностями, чувством принадлежности к единому народу, гражданской ответственностью и солидарностью» [14]. Оставим без подробного комментария данное определение. Лишь отметим, что признак государственности как консолидирующей основы гражданско-политической общности присутствует в данном определении «российской нации».

Итак, связь нации и государства, как в прошлом, так и в современном западном и отечественном общественном сознании, не подлежит сомнению. Важно то, что в нации неотъемлемо присутствует признак государственности, и это – отнюдь не этнический признак, а политико-правовой, содержащий в себе легитимность и суверенитет государственной власти. Суверенитет (фр. *souverainete* – верховная власть) в современном значении слова означает верховенство и независимость власти. Но кто наделяет такими полномочиями? Кто является сувереном? Таким сувереном и объявляется нация как высшая инстанция для суверенитета государства.

Другим ключевым понятием государственности является легитимность (от лат. *legitimus*. – согласный с законом, законный), т. е. признание или подтверждение законности какого-либо права, полномочия, власти. Опять-таки, кто является высшей инстанцией в признании и подтверждении законности государственной власти? Конечно, нация. «Нация есть то, к чему апеллируют, стремясь легитимировать власть» [15].

Таким образом, логика нациопонимания [16], представленная в исследованиях многих зарубежных и отечественных ученых и философов, подводит к трактовке нации как политически суверенного сообщества, легитимирующего государственную власть. Нация, по существу, – это сообщество, обладающее государством. В таком случае возникает вопрос, а всякое ли сообщество,

всякое ли объединение сограждан может претендовать на роль нации. Какие признаки могут быть положены в основу объединения сограждан в нацию? Возможно ли формирование нации как государства, к примеру, по расовому, кастовому, классовому, профессиональному или какому-то другому социальному признаку? Если следует утвердительный ответ, то нации существовали всегда, и вполне возможно существование рабовладельческой, феодальной, буржуазной, социалистической наций, которые легитимировали государственную власть в соответствующем историческом типе государства. Ведь из этого вытекает, что советский народ как новая историческая общность людей, обладающая своим государством, вполне подходил под понятие нации.

На наш взгляд, в характеристике нации недостаточно ограничиваться признаком государственности. Нация – это еще и этнокультурное сообщество, не наделенное государственно-властными полномочиями, но делегирующее эти полномочия государству. Поэтому необходимым фактором формирования и существования нации наряду с государством является также и гражданское общество с его этнокультурной составляющей. Если государство представляет собой политико-правовую форму организации нации как источника легитимности и суверенитета власти, то гражданское общество снимает в себе этническое содержание нации, сохраняет и развивает социокультурную составляющую народов (этносов), входящих в нацию. Между индивидом и государством образуется многослойная прослойка различных сообществ (в том числе этнических), не совпадающих с государственными органами и в тоже время достаточно для него (индивида) близких по происхождению, религии, культуре, традициям. Через эти сообщества и непосредственное участие в их совместной жизни индивид вливается в общий поток социальной жизни, становится не просто представителем того или иного этноса, но и гражданином государства.

Рассматривая проблемы соотношения нации, государства и гражданского общества, мы обнаруживаем между двумя главными составляющими нации – государственностью и гражданственностью – диалектическую взаимосвязь: состояние противоречивого взаимодействия и взаимовлияния. В разные исторические периоды и в силу разных обстоятельств соотношение государства и гражданского общества как признаков, определяющих нацию, может быть различным. Если государство беспредельно вторгается во все сферы жизнедеятельности народа, безраздельно господствует над всей жизнью общества, то устанавливается тоталитарный режим, который в политическом отношении не нуждается в существовании нации, и в лучшем случае её лишь конституционно декларирует и эксплуатирует в качестве обоснования национализма (например, нацистская Германия).

Наоборот, если в нации возобладает неконтролируемое государством гражданское общество, реализуемое в том числе и через этнические образования и элементы, связанные с этнической принадлежностью, то политико-управленческие процессы могут прийти к анархии, а национальное единство интересов различных народностей – к забвению. Нарушение дисбаланса за счет усиления одной из составляющих нации и ослабления другой фактически ведет к её гибели. Нация перестает существовать как таковая по достижении любого из этих состояний.

Нация, следовательно, существует в том обществе, в котором наличествуют два её необходимых компонента – государство и гражданское общество в их нерасторжимом единстве. Все составляющие нации – и этническая её часть, и государство, и право, и гражданское общество – находятся во взаимодействии и взаимозависимости. Если останавливается в развитии или приходит в упадок один из её компонентов, то это является основанием считать, что аналогичное происходит и с другими её компонентами, а нация как целостность, составленная из этих компонентов, перестает существовать и трансформируется в отдельные этнические сообщества, давая жизнь разного рода национализмам [17].

В научном и политическом дискурсе нередко обнаруживается отождествление понятий нации и государства [18]. Особенно это касается политической риторики, отождествляется для того, чтобы продемонстрировать в политике государства национальный интерес. Нация и государство – относительно самостоятельные социальные субъекты, выполняющие по отношению друг к другу взаимосогласованные функции. Первооснову нации как исторического типа (вида) общности составляют реальные (объективные) этнические признаки, сближающие её с другими историческими типами этноса – племенами и народностями. При этом последние существовали и могут существовать вне государственно-политического образования, без его вмешательства в их жизнь и покровительства. Напротив, нация как этническая общность (этнонация), хотя и может на определенных этапах своей истории существовать вне своего национального государства, имеет именно это государство своей конечной целью. Поэтому признак государственности всегда заложен в качестве неотъемлемого атрибута в характеристике всякой нации. Он может проявляться в нации в двух качествах: во-первых, как тенденция, волевое стремление этнического субъекта к обладанию и реализации естественного права на суверенную и легитимную власть

своих представителей, и, во-вторых, как безусловный суверенитет власти, исходящей от единственно возможного в современном обществе легитимного субъекта – нации.

Таким образом, качественной характеристикой нации является её принадлежность к государству или стремление к этой принадлежности, пока она не будет обретена. Безусловно, в этом качестве нация отнюдь не утрачивает признаки этнической общности или общностей, из которых она складывается как нация. Более того, только национальное государство посредством позитивного права и гражданского общества способствует дальнейшему развитию этих этнических признаков, их интеграции в общенациональные интересы различных народностей, входящих в нацию.

Примечания

1. Под нацией понималась «исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» (см.: Сталин И. В. Национальный вопрос и ленинизм // Сочинения. Т. 11. С. 333).

2. См.: *Энгельс Ф.* Роль насилия в истории // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. С. 424–426; *Ленин В. И.* О праве наций на самоопределение // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 259, 263.

3. Интересные идеи о роли государства и нации в различных вариантах их взаимной детерминации («государство-нация» и «нация-государство») высказывали русские философы С. Н. Булгаков, Н. Я. Данилевский, В. С. Соловьев, Г. П. Федотов, И. А. Ильин и другие (см.: *Булгаков С. Н.* Героизм и подвижничество. М.: Рус. кн., 1992. С. 191, 192, 209; *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. СПб.: Глагол, 1995. С. 237–246; *Соловьев В. С.* Национальный вопрос в России. Вып. 2 // Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: «Правда», 1989. С. 518; *Федотов Г. П.* Судьба и грехи России // Соч.: в 2 т. Т. 1. СПб.: София, 1991. С. 327; *Ильин И. А.* Россия есть живой организм // Русская идея. М.: Республика, 1992. С. 430).

4. *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. 1 // Соч.: в 9 т. Т. 1. М.: Мысль, 1987. С. 42.

5. *Геллнер Э.* Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991.

6. Там же. С. 35.

7. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. С. 65.

8. Мы согласны с В. С. Малаховым, что многие авторы, как российские, так и зарубежные, редуцируют социальное конструирование, представленное в западной конструктивистской методологии, к сознательному «манипулированию», «фабрикация». А тезис о нациях как «воображаемых сообществах» они понимают буквально, как утверждение об их «вымышленности», «нереальности» (см.: *Малахов В. С.* Национализм как политическая идеология. М.: КДУ, 2005. С. 119–120). На наш взгляд, признать нации «социальными конструктами» допустимо в том случае, если рассматривать их возникновение и существование во взаимосвязи естественно-исторического процесса, с одной стороны, и сознательной деятельности людей по производству и воспроизводству себя в государственно-правовом сообществе, с другой стороны.

9. *Вердери К.* Куда идут «нация» и «национализм»? // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др.; пер. с англ. и нем. Л. Е. Переяславцевой, М. С. Панина, М. Б. Гнедовского (Сер. «Новая наука политики»). М.: Праксис, 2002. С. 299–300.

10. О взглядах Ю. М. Бородая, В. М. Межуева, В. Н. Шевченко см.: Национальное государство: теория, история, политическая практика // Полис. 1993. № 5–6. С. 8–24.

11. *Тишков В. А.* О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений. М.: Ин-т этнографии, 1989. С. 10.

12. *Тишков В. А.* Об идее нации // Общественные науки и современность. 1990. № 4. С. 90.

13. *Тишков В. А.* О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений. М.: Ин-т этнографии, 1989. С. 10.

14. *Крецул Р.* Российской нации дали определение // Известие. 2017. 20 апр. URL: <http://iz.ru/news/687767>.

15. *Малахов В. С.* Национализм как политическая идеология. М.: КДУ, 2005. С. 31–32.

16. Нацiopонимание – особая рефлексивная область систематизированных размышлений в основном на уровне философского дискурса о различных взглядах (теориях), посвященных исследованию нации и других с ней связанных социальных феноменов, в частности таких как этнос, национальные отношения, национальное сознание, национальная идентичность, национальное государство, национализм и т. п. (см.: *Мосунова Н. А., Корнев Г. П.* Нацiopонимание: поиск объективных оснований и социальное конструирование. СПб.: Алетейя, 2012. С. 13–14).

17. *Поздняков Э. А.* Нация. Национализм. Политика // Национализм: теория и практика: сб. ст. / РАН. Ин-т мировой экономики и международных отношений; под ред. Э. А. Позднякова. М., 1994. С. 29–30, 42.

18. В частности, с таким утверждением выступил в журнале «Полис» В. Б. Пастухов. Верно размышляя об органической связи современного государства и нации, он категорически заявляет: «...Государство и нация – это не два социальных субъекта, а один... Есть один социальный субъект – государство-нация или нация-государство» (см.: *Пастухов В. Б.* Национальные и государственные интересы России: игра слов или игра в слова? // Полис. 2000. № 1. С. 92).

Notes

1. The nation was understood as «a historically formed stable community of people that arose on the basis of a common language, territory, economic life and a mental makeup manifested in a community of culture» (See: Stalin I.V. *Nacional'nyj vopros i leninizm* [The national question and Leninism] // *Sochineniya*. T. 11. P. 333).
2. See: *Ehngels F. Rol' nasiliya v istorii* [The role of violence in history] / Marks K., Ehngels F. // *Sochineniya*. Vol. 21. Pp. 424–426; *Lenin V. I. O prave nacij na samoopredelenie* [On the right of nations to selfdetermination] / V. I. Lenin // *Poln. Sobr. Soch.* Vol. 25. Pp. 259, 263.
3. Interesting ideas about the role of the state and the nation in various variants of their mutual determination («statenation» and «nationstate») were expressed by Russian philosophers S. N. Bulgakov, N. Ya. Danilevsky, V. S. Soloviev, G. P. Fedotov, I. A. Il'in and others (See: *Bulgakov S. N. Geroizm i podvizhnichestvo* [Heroism and selfless devotion]. M. Russkaya kniga. 1992. Pp. 191, 192, 209; *Danilevskij N. Ya. Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Spb. Glagol. 1995. Pp. 237–246; *Solov'ev V. S. Nacional'nyj vopros v Rossii. Vypusk vtoroj* [The national question in Russia. The second release] // Works in 2 vol. Vol. 1. M. «Pravda». 1989. P. 518; *Fedotov G. P. Sud'ba i grekhi Rossii* [The fate and sins of Russia] // Works. In 2 vol. Vol. 1. Spb. Sofiya. 1991. P. 327; *Il'in I. A. Rossiya est' zhivoj organizm* [Russia is a living organism] // *Russkaya ideya – Russian idea*. M. Respublika. 1992. P. 430.
4. *Klyuchevskij V.O. Kurs russoj istorii. CH. 1* [The course of Russian history. Part 1] // Works in 9 vol. Vol. 1. M. Mysl'. 1987. P. 42.
5. *Gellner E. H. Nacii i nacionalizm* [Nations and nationalism]. M. Progress 1991.
6. *Ibid.* P. 35.
7. *Anderson B. Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokah i rasprostranении nacionalizma* [Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. M. KanonPressC, Kuchkovo pole. 2001. P. 65.
8. We agree with V. S. Malahov that many authors, both Russian and foreign, reducing social construction of Western constructivist methodology to the deliberate «manipulation», «fabrication». A thesis about nations as «imagined communities» they understood literally, as a statement about their «fabulousness», «unreality» (See: *Malahov V. S. Nacionalizm kak politicheskaya ideologiya* [Nationalism as a political ideology]. M. KDU. 2005. Pp. 119–120). In our view, to recognize the nation's «social constructs» is admissible in the case, if we consider their origin and existence in the relationship as naturalhistorical process, on the one hand, and the conscious activity of people in the production and reproduction of itself in the state legal community, on the other hand.
9. *Verderi K. Kuda idut «naciya» i «nacionalizm»? [Where do the «nation» and «nationalism» go? // Nacii i nacionalizm* [Nation and nationalism] / B. Anderson, O. Bauer, M. Hroh, etc.; transl. from Engl. and Germ. L. E. Pereyaslavceva, M. S. Panin, M. B. Gnedovskiy [Seriya «Novaya naukapolitiki» [Series «New science of politics»]]. M. Praksis. 2002. Pp. 299–300.
10. On the views of J. M. Beard, V. M. Mezhueva, V. N. Shevchenko, see: *Nacional'noe gosudarstvo: teoriya, istoriya, politicheskaya praktika* [Nation state: theory, history, political practice] // *Polis – Polis*. 1993. № 5–6, pp. 8–24.
11. *Tishkov V. A. O novyh podhodah v teorii i praktike mezhnacional'nyh otnoshenij* [New approaches in the theory and practice of international relations]. M. In-t of ehtnography. 1989. P. 10.
12. *Tishkov V. A. Ob idee nacii* [On the idea of the nation] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and modernity*. 1990, № 4, p. 90.
13. *Tishkov V. A. O novyh podhodah v teorii i praktike mezhnacional'nyh otnoshenij* [New approaches in the theory and practice of international relations] / M. In-t of ehtnography. 1989. P. 10.
14. *Krecul R. Rossijskoj nacii dali opredelenie* [Russian nation have defined] // *Izvestie – News*. 20.04. 2017. Available at: <http://iz.ru/news/687767>.
15. *Malahov V. S. Nacionalizm kak politicheskaya ideologiya* [Nationalism as a political ideology]. M. KDU. 2005. Pp. 31–32.
16. National understanding is special reflective area of systematic reflection mainly at the level of philosophical discourse on the different views (theories), is devoted to the study of the nation and other associated with it social phenomena, in particular, such as ethnicity, ethnic relations, national consciousness, national identity, national state, nationalism, etc. (See: *Mosunova N.A., Kornev G.P. Nacioponimanie: poisk ob"ektivnyh osnovanij i social'noe konstruirovanie* [National understanding: the search for objective grounds and social construction]. Spb. Aletejya. 2012. Pp. 13–14).
17. *Pozdnyakov E. A. Naciya. Nacionalizm. Politika* [Nation. Nationalism. Relations] // *Nacionalizm: teoriya i praktika* [Nationalism: theory and practice]: Collected articles / RAS. Institute of global economics and international relations. editor E. A. Pozdnyakova. M. 1994. Pp. 29–30, 42.
18. In particular, such a statement was made in the journal «Polis» by V. B. Pastukhov. Prpperly thinking about the organic relationship between the modern state and the nation, he categorically declares: «...the state and the nation – not two social subjects, but... There's just one social subject – the nation-state or state-nation» (See: *Pastuhov V. B. Nacional'nye i gosudarstvennye interesy Rossii: igra slov ili igra v slova?* [The national and state interests of Russia: a word game or game with words?] // *Polis–Polis*. 2000, № 1, p. 92).

«Общественный договор» Томаса Гоббса: историко-философская реконструкция концепции

Суть и назначение государственности, природа власти, вопросы социальной динамики, составившие содержание знаменитого «Левиафана» Томаса Гоббса, актуальны сегодня как все фундаментальные философские вопросы. Необходимость выхода из «естественного», догосударственного, состояния и, как следствие, договорное происхождение государства интерпретируются Гоббсом в контексте общей антропологической теории. Природный эгоизм человека, жажда насилия, жажда самоутверждения, принимаемые философом за основу, определяют нездоровый социальный климат «естественного состояния». Оформление сильной неделимой верховной власти отменяет «право каждого на все», но создает гарантию защиты и стабильности. Формирование государства выступает разумной альтернативой социальному хаосу, «войне всех против всех». Гоббса, как теоретика политического абсолютизма, возможность тиранического использования неограниченной и бесконтрольной власти государства волновала гораздо меньше, чем конфликты частных интересов и порождаемая ими социальная анархия. Конечно, решения, предложенные английским философом XVII в., «хорошо читаются», в первую очередь, в контексте своей эпохи. Однако определенное «рациональное зерно», заложенное, безусловно, в концепции Гоббса, служит необходимым основанием для ее переосмысления.

The essence and purpose of statehood, the nature of power, the issues of social dynamics that compiled the content of the famous Leviathan by Thomas Hobbes, are relevant today as all fundamental philosophical questions. The necessity for a way out of the "natural", pre-state, state and, therefore, the contractual origin of the state, is interpreted by Hobbes in the context of a general anthropological theory. The natural human egoism, the thirst for violence, the thirst for self-affirmation, accepted by the philosopher as a basis, determine the unhealthy social climate of the "natural state". The registration of a strong undivided supreme authority abolishes the "right of everyone to anything", but creates a guarantee of protection and stability. The formation of the state is a reasonable alternative to social chaos, "the war of all against all." Hobbes, as a theorist of political absolutism, the possibility of tyrannical use of unlimited and uncontrolled state power worried much less than the conflicts of private interests and the social anarchy they engendered. Certainly, the solutions proposed by English philosopher of the XVII century, are "well read", primarily, in the context of his era. However, a "rational kernel", founded, definitely, in the concept of Hobbes, is the necessary basis for its reconsideration.

Ключевые слова: государство, власть, человеческая природа, договор, естественный закон, свобода, право.

Keywords: state, power, human nature, contract, natural law, freedom, right.

Анализ социально-политической теории Томаса Гоббса хотелось бы предварить словами известного австрийского философа науки Карла Поппера, довольно интересно подметившего как-то, что когда он обращается к прошлому, проблемы, рассматриваемые им, являются проблемами современности [1].

Действительно, сегодня в общественном сознании по-прежнему велик интерес к проблемам социальной динамики, тем более усиливающийся, чем более заметным становится ускорение темпа мировой истории, порождающее новые угрозы и риски для целостности общественного организма. По-прежнему жива мечта о рационализации (пусть и частичной) общественной жизни, противопоставившей себя социальному хаосу, опасности которого так ярко когда-то обрисовал автор знаменитого «Левиафана». И пусть сегодня мы имеем дело с другими формами политической организации общества, чем это было, может быть, три или четыре столетия назад. Изменились наши представления о нормах отношений с властью, о праве и, более того, иным возможно стало само осмысление, переживание социальной действительности. Но остались вопросы, поставленные задолго до нас, ждут своего переосмысления предложенные решения, которые не лишены безусловно определенного «рационального зерна». Разработки в области философской, социально-политической, правовой мысли англичанина Томаса Гоббса служат хорошим подтверждением этому.

Буржуазная революция в Англии, фактически начавшаяся в 1604 г., учреждение республики (1649–1653), установление диктатуры Оливера Кромвеля (1653–1658), последующая реставрация монархии Стюартов, хотя ограниченная парламентом, но вместе с тем отличающаяся реакцией и контрреволюционным террором, – в таких непростых исторических условиях склады-

валось социально-философское мировоззрение Гоббса. И не случайна, видимо, тематика одного из первых серьезных сочинений мыслителя – «О гражданине», однозначно определившая приоритеты его философских интересов как теоретика общественной жизни.

Конечно, большинство так называемых социальных вопросов – о сути и назначении государственности, о природе власти, интерпретации прав и обязанностей социальных субъектов – следует «читать» в приложении к Гоббсу, учитывая современную ему действительность. Объяснимы, таким образом, и его явные симпатии сильной государственной власти, и его выпады против мятежей, и довольно неоднозначное мнение о самой человеческой природе. Философ жил в непростое время. С другой стороны, так ли уж устарел его «Левиафан», этот своеобразный итог гоббсовских размышлений об обществе и государстве? Разве не актуальна по-прежнему его «сквозная» тема – принципиальная «конфликтность» человеческой природы и необходимость ее «обуздания»?

Поставив перед собой задачу объяснить суть возникновения и происхождения государства, логично было бы начать, что называется, с самого начала – «естественного», догосударственного состояния, что и предпринимает Томас Гоббс. Начинает он свои рассуждения по поводу естественного состояния человеческого рода с весьма неожиданного тезиса о природном равенстве людей в отношении физических и умственных способностей. Довольно спорный тезис, но, по мысли философа, вполне объясняющий наличие для каждого одинакового «права на все». Из равенства способностей вытекает, таким образом, равенство надежд на достижение целей. А поскольку два человека не могут обладать, например, одной какой-либо вещью, то неизбежно возникает вражда между ними.

Интересно, как Гоббс, будучи невысокого мнения о человеке в целом, интерпретирует причины такой вражды, находя их естественно в самой человеческой природе. Итак, основных причин три: соперничество, недоверие, жажда славы. Соперничество равных по природе людей сопровождается насилием и возникает по поводу их притязаний на какие бы то ни было объекты собственности, будь то имущество другого человека или он сам, его жена, дети, скот и так далее. Недоверие между людьми ведет к тому, что люди употребляют насилие в целях самозащиты. Жажда славы приводит людей к тому, что они используют насилие в целях добиться от других почестей, признания своего превосходства, большего уважения [2]. Одним словом, негативные вобщем-то сущностные характеристики человека определяют крайне нездоровый социальный климат «естественного состояния».

Нужно также добавить, что Гоббс не был согласен с хорошо известным в истории политической мысли тезисом Аристотеля о том, что человек есть общественное животное и не может жить вне общества. Напротив, Гоббс убежден, что люди не испытывают никакого удовольствия от жизни в обществе, и заставить людей жить вместе и в мире друг с другом способна только верховная власть, держащая всех в подчинении. Гоббс уверен, что «пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, они находятся в том состоянии, которое называется войной, и именно в состоянии войны всех против всех» [3].

Таким образом, это «естественное состояние» не оставляет места для трудолюбия, поскольку никому не гарантированы плоды его труда. Нет, следовательно, ни земледелия, ни судоходства, ни морской торговли, нет общества. «Естественное состояние», предполагающее «право на все», лишает в то же время человека, как бы это парадоксально не прозвучало, вообще какого бы то ни было права, оставляя на его долю лишь вечный страх и постоянную опасность насильственной смерти.

Естественное состояние, безусловно, «плачевно», но не безвыходно, резюмирует Гоббс. В этом плане он отмечает, с одной стороны, так называемые «страсти» человека – страх смерти, желание вещей, необходимых для хорошей жизни, надежду приобрести их своим трудолюбием. Будем рассматривать их как своего рода импульс к преодолению естественного состояния. С другой стороны – разум. Именно естественный разум подсказывает людям, на каких условиях они могут этот процесс осуществить. В свою очередь, условия суть то, пишет Гоббс, что называется естественными законами.

Свое понимание естественного закона Гоббс предваряет определением собственно естественного права: «Естественное право есть свобода всякого человека использовать собственные силы по своему усмотрению для сохранения собственной природы, то есть собственной жизни, и, следовательно, свобода делать все то, что, по его суждению, является наиболее подходящим для этого» [4]. Обратим внимание, что свободу философ понимает как отсутствие внешних препятствий, лишающих человека возможности делать то, что он хотел бы. Примечателен и тот факт, что понятие «право» здесь явно определяется через понятие «свобода».

«Естественный закон есть предписание, или найденное разумом общее правило, согласно которому человеку запрещается делать то, что пагубно для его жизни или что лишает его средств к ее сохранению, и пренебрегать тем, что он считает наилучшим средством для сохранения жизни» [5]. Из данного определения следует, по-видимому, что Гоббс предлагает различать право и закон. Буквально, право состоит в свободе делать или не делать что-то определенное, а закон определяет и обязывает к тому или другому члену этой альтернативы.

Разберем, как пример, некоторые наиболее интересные авторские интерпретации естественных законов. «Право всех на все» очевидно ставит под угрозу саму жизнь человека. Соответственно, первый и самый главный естественный закон велит искать мира и следовать ему. Если у человека не будет надежды достигнуть мира, то за ним остается естественное право защищать себя всеми возможными средствами.

Второй естественный закон подразумевает (в случае согласия на то других людей) отказ человека от права делать все, что он хочет в той мере, в какой это необходимо в интересах мира и самозащиты, и довольствоваться такой степенью свободы по отношению к другим людям, какую он допустил бы у других людей по отношению к себе [6]. Мотивом и целью при отречении от права является, таким образом, гарантия безопасности человеческой личности.

Примечательно, что при формулировке второго естественного закона Гоббсу пришлось прибегнуть к понятию гражданского состояния, которое он одновременно отождествил с понятием государства, определяя последнее как «организацию принудительной власти». Гоббс объяснял, что, если естественное состояние есть по сути «состояние войны всех против всех», то в гражданском состоянии имеется власть, установленная для оказания принудительного воздействия на тех, кто без этого воздействия нарушил бы свое слово. Под государством, таким образом, мыслитель предлагает понимать именно организацию принудительной власти [7].

Обратим также внимание на то, что первый закон естественного права провозглашает мир и безопасность в качестве главных политических ценностей, укорененных в разуме. Все прочие ценности должны использоваться в качестве лишь средств достижения мира. Так, второй естественный закон подчиняет «миру и безопасности» такую политическую ценность, как свобода индивида. Гоббс ведет речь именно о свободе индивида, которую выражает языком политической аксиологии. Он говорит об отказе каждого от своих прав в той мере, в какой этого требуют интересы мира и безопасности.

Третий естественный закон гласит, что люди должны выполнять заключенные ими соглашения. В этом естественном законе заключаются источники и начала справедливости. Природа справедливости состоит в выполнении соглашений, имеющих обязательную силу, но обязательная сила соглашений, по мысли Гоббса, начинается лишь с установления гражданской власти, достаточно сильной, чтобы принудить людей к выполнению своих соглашений, с чем совпадает также начало собственности.

Примечательны рассуждения Гоббса по поводу девятого закона. В противовес, кстати, известной доктрине Аристотеля о природном неравенстве людей, философ отмечает, что в естественном состоянии все люди равны, а существующее в настоящее время неравенство было введено гражданскими законами. Более того, Гоббс утверждает, что если природа сделала людей равными, то это равенство должно быть признано; если же природа сделала людей неравными, то равенство все же должно быть допущено, так как люди считают себя равными и вступают в договор не иначе, как на равных условиях. Сам же закон устанавливает, что каждый человек должен признать других равными себе от природы. Что характерно, таким образом, Гоббс вовсе не настаивает на равенстве людей как на эмпирическом факте, а признает равенство в качестве политического требования, иначе говоря, политической ценности.

Гоббс полагал, что в естественном состоянии то, что он формулирует в качестве естественных законов, существует как известного рода определенная природная предрасположенность людей, о которой с помощью разума можно сделать умозаключение. Эти предписания разума обычно называют законами, что, однако, не соответствует их сущности. Эти предписания лишь определенные умозаключения, а законом в собственном юридическом смысле является только то, что издано верховной властью и опирается на авторитет государства.

Получается, что законы, которые бы «работали» на сохранение базовой ценности человеческого общежития – безопасности – мы получаем, буквально договариваясь о гарантии их соблюдения. Воля многих (с полного их согласия) трансформируется во всеобщую волю, призванную осуществлять внешний контроль. Так, договорным образом, происходит переход от «естественного» состояния социального хаоса к гражданскому состоянию, так формируется государство – гарант соблюдения порядка.

Еще раз следует отметить, таким образом, что для Гоббса не существовало более высокой инстанции в вопросах права и морали, чем государство, которое с помощью законов регулировало, как бы мы сейчас сказали, политическое поведение людей (внешнюю сторону поведения). Как пишет, например, К. Хьюбер, Гоббс «отбрасывает естественное право, признавая значение лишь издаваемого сувереном гражданского государственного права. Естественно-правовые законы (как, например, запрет краж или смертоубийства) суть лишь пустые формулы, которые практически бесполезны. То, является ли нечто кражей, и в каких случаях это является кражей, или является ли нечто убийством и в каких случаях это является убийством в уголовно-правовом смысле, – все это подлежит определению исключительно в рамках законов, которые устанавливают, что вообще следует понимать под моим и твоим, под правом на жизнь и так далее» [8].

Итак, во имя достижения мира и безопасности, подталкиваемые инстинктом самосохранения, люди приходят к соглашению по поводу создания государства.

Люди от природы любят свободу и господство над другими, рассуждает Гоббс, но в тоже время осознают необходимость общей власти, накладывающей определенные узы и направляющей тем самым к общему благу. Необходимо согласие, построенное именно на соглашении и общей власти, поскольку «соглашение без власти, без меча – лишь слова, которые не в силах гарантировать человеку безопасность» [9].

Такая власть, способная предоставить реальную защиту, может быть установлена лишь одним путем, а именно – путем сосредоточения всей полноты и силы власти в руках одного субъекта (индивидуального или коллективного).

Единство власти заключается не только в том, что она персонифицируется в едином субъекте, но и в том, что общая власть как бы учреждается каждым человеком. «Иначе говоря, для установления общей власти необходимо, чтобы люди назначили одного человека или собрание людей, которые явились бы их представителями; чтобы каждый человек считал себя доверителем в отношении всего, что носитель общего лица будет делать сам или заставит делать других в отношении общего мира и безопасности, и признал себя ответственным за это; чтобы каждый подчинил свою волю и суждение воле и суждению носителю общего лица» [10]. Если это совершилось, замечает далее Гоббс, то множество людей, объединенных таким образом в одном лице, будут называться государством.

Философ дает следующее определение сущности государства: «Государство есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем, чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты» [11].

Неслучайно, видимо, Гоббс выбирает и название для своего проекта – Левиафан, согласно легенде, огромное чудовище, обитающее в воде, но, одновременно, олицетворение огромной мощи. Известно также, что Левиафан, созданный воображением Гоббса и помещенный на фронтисписе английского издания книги в 1651 г., представляет собой державного человека, состоящего из множества человек [12]. Художник нарисовал туловище государя составным, очевидно, наглядно отражая идею Гоббса о сути государства как единстве, гармонично объединяющем множество.

Если говорить о действительном воплощении духа «великого Левиафана, смертного бога», то явно симпатии Гоббса на стороне монархической формы правления. Хотя философ и оговаривается, что «власть, если только она достаточно совершенна, чтобы быть в состоянии оказывать защиту подданным, одинакова во всех формах» [13], более того, приводит демократию и аристократию в качестве возможных альтернатив, его слова о «различиях в пригодности к осуществлению цели власти» проясняют вобщем-то ситуацию. Ведь что лучше монархизма согласуется с идеалом единой неделимой тотальной власти? Верховной власти удобнее быть именно монархической, поскольку «в личности короля олицетворено государство» [14].

Верховная власть, власть суверена, может быть учреждена, согласно Гоббсу, двумя путями. Во-первых, силой и, во-вторых, по добровольному соглашению. Учрежденное по добровольному соглашению государство называется политическим, или основанным на установлении. В истории политической мысли Гоббс, как известно, является представителем так называемой договорной теории происхождения государства. Следует иметь в виду, что у него мы не найдем напрямую словосочетания «договорная теория происхождения государства», но вместе с тем эту теорию он развивает, когда говорит о «договоре по согласованию». Что касается термина «политическое государство», то он впоследствии получил широкое распространение. Разговор о правах, образующих сущность верховной власти и одновременно являющихся ее признаками, Гоббс начинает именно с этого типа государства.

Подданные в таком государстве не имеют права без разрешения суверена свергнуть его власть и вернуться к хаосу разобщенной толпы. Заключая договор, каждый человек заключает его друг с другом, а не с сувереном, поэтому не может иметь место нарушение соглашения со стороны суверена и, следовательно, никто из его подданных не может быть освобожден от подданства под предлогом того, что суверен нарушил какие-либо свои обязательства. В компетенцию верховной власти входит судейство по поводу того, какие мнения и учения препятствуют и какие содействуют миру и безопасности. К верховной власти относится право учреждать гражданские законы, особенные законы каждого отдельного государства, в первую очередь законы о собственности. Составной частью верховной власти является и право юрисдикции, то есть право рассмотрения и решения всех споров, могущих возникнуть относительно закона, как гражданского, так и естественного, или относительно того или иного факта [15].

Подробно описывая, таким образом, компетенции верховной власти, Гоббс наделяет ее исчерпывающими правовыми полномочиями. Фактически речь идет о монополии на жизнь и смерть подданных суверена.

Философ, что характерно, настаивает на «неделимости и непередаваемости» этих прав, будучи убежден, что любое «дробление» права неизбежно расшатает, а то и вовсе сделает бесполезной всю властную структуру.

Кстати, Гоббс был уверен – и этот факт отмечают многие исследователи его творчества [16], – что причиной недавней гражданской войны в Англии послужило как раз неправильное мнение, распространенное среди большинства населения, что указанные права должны быть разделены между королем, лордами и палатой общин. Он полагал, более того, что в ближайшем будущем страна вернется к его идее неделимости верховной власти. Как известно из последующих событий, Гоббс заблуждался.

Положение подданных, вынужденных безропотно подчиняться прихотям и, возможно, порочным страстям носителя столь неограниченной власти, незавидно. И, конечно, Гоббс сознавал, что указываемый им объем содержания абсолютной власти способен отвратить людей от нее. Но не будем забывать, что, как теоретика политического абсолютизма, Т. Гоббса возможность тиранического использования неограниченной и бесконтрольной власти государства должна была беспокоить гораздо меньше, чем необузданные конфликты частных интересов и порождаемая ими смута социальной анархии. Как иронически замечает философ, «все люди от природы как бы снабжены замечательными увеличительными стеклами, каковыми являются их страсти и себялюбие, сквозь которые каждый маленький платеж их в пользу государства представляется им великой обидой. И одновременно они лишены тех подзорных труб, именно морали и гражданской науки, чтобы видеть издали те бедствия, которые грозят им и которых нельзя избежать без таких платежей» [17].

Поскольку Гоббс выделяет, судя по всему, три вида государства, а именно, монархию, демократию, аристократию, естественно предположить, что его заинтересует и вопрос о связи форм государственного устройства и государственно-политических ценностей, таких, например, как мир и безопасность. Действительно, Гоббс исследовал вопрос о том, как монархия, аристократия и демократия обеспечивают главное назначение государства – безопасность и мир.

«Всякий человек, облеченный властью, – рассуждает Гоббс, – несет в себе два начала: как политик он должен заботиться об общем благе, как частное лицо он имеет в виду свои собственные интересы, интересы своей семьи, родственников и друзей. Если общие интересы сталкиваются с его частными интересами, человек чаще всего отдает предпочтение своим интересам, ибо страсти сильнее разума. Общие интересы, поэтому более всего выигрывают там, где они более тесно совпадают с частными интересами. Именно такое совпадение имеется в монархии» [18]. Очевидно отсюда, что специфический «количественный» аспект власти, реализуемый монархической формой («власть в одних руках»), более всего соответствует духу власти в целом и ее назначению, по Гоббсу. Предпочтение, таким образом, отдается здесь монархии.

Довольно подробно разработана Гоббсом тема, посвященная государственным служащим верховной власти. Ими являются те, кому суверен поручает известный круг дел с полномочиями представлять в нем лицо государства.

Так, некоторым из государственных служащих поручается общее управление или всем государством (протекторы, регенты), или частью его (губернаторы, наместники, префекты). Их функции соответствуют функциям нервов и сухожилий, приводящим в движение различные члены человеческого тела. Другие чиновники ведают специальными отраслями управления внутри страны или за границей. Обратим внимание, что из специальных отраслей управления внутри страны на первом месте стоит управление государственным хозяйством. Далее, служат государству те, кто имеет полномочия в отношении войска. Не меньшее значение для государст-

ва в глазах Гоббса имеют те его служители, что имеют полномочия учить людей их обязанностям в отношении к верховной власти и наставлять в отношении того, что справедливо и несправедливо, чтобы сделать их склонными жить в благочестии и мире между собой и противостоять врагам государства. Служителями являются также те, кому поручено судопроизводство, те, кто имеет полномочия от суверена заботиться о приведении в исполнение судебных решений, обнаруживать его повеления, подавлять беспорядки, арестовывать и заключать в тюрьму преступников, а также совершать другие акты, имеющие целью сохранение мира. Их функции соответствуют функциям рук в естественном теле.

Для наилучшего отправления своих функций государственные служащие должны обладать и определенными качествами. Так, например, хорошего судью будут отличать, по Гоббсу, ясное понимание основного естественного закона, называемого справедливостью, презрение к излишнему богатству и к чинам, способность отвлечься в своем суждении от всякого страха, гнева, ненависти, любви и сострадания и, наконец, способность терпеливо и внимательно выслушивать и запоминать, обдумывать и применять слышанное [19].

Аналогичным образом Гоббс комментирует и специфику других «служащих государства», но вот что здесь важно подчеркнуть. Так детально описывая «круг полномочий» «служащих», Гоббс, на наш взгляд, проводит идею необходимости внутренней упорядоченности, слаженности социальной структуры. Постоянные ссылки на приоритет государственной власти не оставляют сомнений в том, что должно фундировать, так сказать, эту упорядоченность. Опять же говорят об этом многочисленные аналогии с функциями организма – результат, кстати, влияния механизма на мировоззрение Гоббса.

Рассуждая о государстве, Гоббс не забывает также и тематику «преступления и оправдания». Источником преступления может быть незнание, ошибка в рассуждении, а также сила страстей, уверяет философ. Незнание касается в первую очередь незнания самого закона. Незнание естественного закона ни для кого не может служить оправданием, так как, само собой разумеется, что человек со зрелым умом знает, что он не должен делать другим того, чего не желал бы по отношению к себе. Забавно, что в последнем тезисе Гоббс воспроизводит, по сути, универсальное правило нравственности, которое отразил когда-то Конфуций в своей концепции «человечности», а позже будет использовать Кант, да и многие другие мыслители.

Безусловно, большое значение имеют размышления Гоббса о так называемых обязанностях суверена. Они определяются той целью, ради которой суверен был наделен верховной властью – обеспечением безопасности народа. Гоббс неоднократно подчеркивал, что под обеспечением безопасности он понимает не одно лишь обеспечение «голового» существования, но также обеспечение за каждым человеком всех благ жизни, приобретенных законным трудом, безопасным и безвредным для государства. Выполнение этой задачи подразумевает ожидание от суверенной власти как общих мер, состоящих в просвещении народа и издании и применении хороших законов, так и заботу, и защиту отдельных индивидуумов. Что касается просвещения народа, то оно в первую очередь, согласно Гоббсу, должно заключаться в том, чтобы народ не увлекся формами правления соседних народов и не стремился к изменению собственной формы правления под предлогом того, что другие народы под иным управлением живут в благополучии и благоденствии. Как тут не вспомнить слова другого известного ученого XVII в., хорватско-русского политического деятеля Ю. Крижанича, который советовал в свое время властителям: «Правь так, чтобы не захотели перемен. Для этого надо обеспечить благочестие, справедливость, покой, суд, мир» [20].

В целом, нужно признать, что весьма двойственное впечатление производят рассуждения Гоббса о «правах и обязанностях» суверена. Да, благо народа – высший закон. Именно это вменяет философ как первейшую обязанность лицу, облеченному высшей властью. Долг суверена, по Гоббсу, – хорошо управлять народом, ибо государство установлено не ради самого себя, а ради граждан. Безусловно, эти формулы исполнены политической мудрости и гуманизма. Но, с другой стороны, не остаются ли они в рамках гоббсовской теории скорее «декоративными вставками», в практическом плане ничего не значащими фразами?

Дело в том, что, согласно Гоббсу, люди, которые уже осуществляют верховную власть, в какой-либо реальной зависимости от народа не находятся и поэтому никакой обязанности перед ним фактически не несут. Правители лишь испытывают, оговаривается Гоббс, нечто субъективное «по отношению к разуму, который представляет собой естественный, моральный и божественный закон и которому они должны повиноваться во всем, насколько это возможно» [21]. А так как создание соответствующих социальных правовых институтов, которые бы извне обеспечивали подобное повиновение суверена, Гоббс не допускает, то оно вообще представляется, мягко говоря, «химическим».

Итак, довольно туманная трактовка «обязанности» суверена, привязанная, главным образом, к неким его субъективным качествам и пожеланиям, оставляет, по-видимому, широкий простор для интерпретации «права» суверена. Читаем: «Право – одна из нормативных систем, регулирующих отношения в обществе, действия и поведение, функционирование объединений и государственных органов... система общеобязательных норм, охраняемых силой государства...» [22]. Принимая теперь во внимание специфику гоббсовского понимания структуры властных отношений, «распределение ролей» внутри нее, сам тотальный характер верховной власти, отданной в единые руки, получается весьма интересная, на наш взгляд, дефиниция права по Гоббсу. Волеизъявление суверена, определяемое его необходимым и непреложным характером, предполагает понимание права (в широком смысле слова) как, по сути, «приказа суверена».

Довольно трудно, наверное, однозначно оценивать социально-правовую концепцию Томаса Гоббса на предмет ее, скажем, «пригодности» или «непригодности» в разработке современных социальных вопросов, ее «актуальности» или «неактуальности». Конечно, механистическая методология давно утратила свои лидирующие позиции. Изменились социально-исторические, политические реалии, и нам сегодня, возможно, не так легко проникнуться восторгами Гоббса по поводу тотального государственного контроля. Важно одно. Его «Левиафан» сыграл достаточно важную роль в истории развития общественной мысли и по-прежнему представляет определенный интерес – хотя бы в плане проблем, инициированных философом.

Довольно того, что именно Гоббс, одним из первых, так детально проработал суть «договорного» происхождения государства. Используя рационалистический метод, он тщательно проанализировал предшествующее государству (так называемое «естественное») состояние, выводя отсюда же, а именно, из особых условий естественного состояния причины перехода к состоянию гражданскому, государству. Гоббс проблему видел в механизме перехода от «войны всех против всех» к «миру и стабильности», главным образом, удержании этой самой «стабильности». Интересно, что в настоящем данная проблема не теряет актуальности и обсуждается, интерпретируясь, правда, чаще в категориях социального порядка и социального хаоса.

Нельзя, конечно, обойти вниманием и разработки Гоббса в области проблемы власти. Более того, как полагает ряд исследователей данного феномена [23], первая специальная попытка определить власть как понятие связана как раз с именем Томаса Гоббса. К слову, Гоббс, в соответствии со своими представлениями о природе человека, рассматривал властные отношения как асимметричные и конфликтные – отражающие господство одних людей над другими.

«Изучение политических и правовых учений прошлого помогает лучше понять не только прошлое, но и настоящее. Связь прошлого и настоящего настолько велика, что нередко сейчас, в самом начале XXI века, мы продолжаем анализировать тексты сочинений выдающихся мыслителей прошлого, даже ведем с ними полемику как с живыми, нашими современниками» [24]. Замечательные слова, с которыми нельзя не согласиться. Ведь и правда, можно принимать или не принимать идеи знаменитого «Левиафана», но задуматься явно приходится. Может быть, потому, что не так сильно на самом деле меняется окружающая нас социальная действительность.

Примечания

1. См.: *Поппер К.* Открытое общество и его враги: в 2 т. Т. 1. М., 1992. С. 125.
2. См.: *Гоббс Т.* Левиафан. М., 2001. С. 80.
3. Там же. С. 87.
4. Там же. С. 89.
5. Там же. С. 89.
6. Там же. С. 92.
7. Там же. С. 95.
8. *Хюбнер К.* Нация: От забвения к возрождению. М., 2001. С. 84.
9. *Гоббс Т.* Указ. соч. С. 117.
10. Там же. С. 119.
11. Там же.
12. См.: *Таранов П. С.* Философский биографический словарь, иллюстрированный мыслями. М., 2004. С. 186.
13. *Гоббс Т.* Указ. соч. С. 150.
14. Там же. С. 151.
15. Там же. С. 125–127.
16. См., напр.: *Мееровский Б. В.* Гоббс. М., 1975. С. 110.
17. *Гоббс Т.* Указ. соч. С. 131.
18. Там же. С. 133.
19. Там же. С. 160–165.
20. *Крижанич Ю.* Политика. М., 1997. С. 439.

21. Гоббс Т. Указ. соч. С. 176.
22. Ирхин Ю. В. Взаимосвязь политики, морали и права // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 1999. № 1. С. 12.
23. См., напр.: Ледяев В. Г. Власть: концептуальный анализ. М., 2001. С. 25–27.
24. Зотов В. Д. Десять тезисов изучения истории политической и правовой мысли // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 1999. № 1. С. 22.

Notes

1. See: Popper K. *Otkrytoe obshchestvo i ego vrugi: v 2 t.* [The open society and its enemies: in 2 vol.] Vol. 1. М. 1992. P. 125.
2. See: Thomas Hobbes *Leviathan* [Leviathan]. М. 2001. S. 80.
3. Ibid. P. 87.
4. Ibid. P. 89.
5. Ibid. P. 89.
6. Ibid. P. 92.
7. Ibid. P. 95.
8. Hübner K. *Naciya: Ot zabveniya k vozrozhdeniyu* [Nation: From oblivion to revival]. М. 2001. P. 84.
9. Thomas Hobbes Op. cit. p. 117.
10. Ibid. P. 119.
11. Ibid.
12. See: Taranov P. S. *Filosofskij biograficheskiy slovar', illyustrirovannyj myslyami* [Philosophical biographical dictionary, illustrated with thoughts]. М. 2004. P. 186.
13. Thomas Hobbes Op. cit. P. 150.
14. Ibid. P. 151.
15. Ibid. Pp. 125-127.
16. See, eg.: Meerovskij B. V. *Gobbs* [Hobbes]. М. 1975. P. 110.
17. Thomas Hobbes Op. cit. P. 131.
18. Ibid. P. 133.
19. Ibid. Pp. 160-165.
20. Krizhanich YU. *Politika* [Policy]. М. 1997. P. 439.
21. Thomas Hobbes Op. cit. P. 176.
22. Irhin YU. V. *Vzaimosvyaz' politiki, morali i prava* [Interrelationship between politics, morality and law] // *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Politologiya – Herald of the Russian University of friendship of peoples.* Ser.: Political science. 1999, No. 1, p.12.
23. See, eg.: Ledyayev V. G. *Vlast': konceptual'nyj analiz* [Power: a conceptual analysis]. М. 2001. Pp. 25–27.
24. Zotov V. D. *Desyat' tezisov izucheniya istorii politicheskoy i pravovoy mysli* [Ten theses of the study of the history of political and legal thought] // *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Politologiya – Herald of the Russian University of friendship of peoples.* Ser.: Political science. 1999, No. 1, p. 22.

УДК 165.24

П. А. Романов

Понимание как специфическая форма субъективного отражения объективной действительности

Цель. Статья посвящена проблеме понимания. Несмотря на то что данная проблема рассматривается отечественной философией уже около пятидесяти лет в различных аспектах: гносеологическом, аксиологическом, психологическом и социологическом, – целый ряд вопросов, связанных с природой феномена понимания, не решен или носит дискуссионный характер. Общая цель статьи состоит в том, чтобы рассмотреть проблему понимания в гносеологическом аспекте и выяснить отношение понимания к вере и знанию.

Методологическая основа. В основе исследования лежат диалектические принципы историзма и всестороннего анализа проблемы.

Результаты. В статье обоснован тезис о том, что понимание является специфической формой субъективного отражения объективной действительности.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы в ходе преподавания философии в вузе, а также могут служить методологической основой при разработке стратегий воспитания и обучения.

Aim: The article is devoted to the problem of understanding. Despite the fact that this problem has been considered in different aspects: epistemological, axiological, psychological and sociological by domestic philosophy for almost fifty years, a number of issues, related to the nature of the phenomenon of understanding has not been resolved or is debatable. The general aim of the article is to consider the problem of understanding in the epistemological aspect and to clarify the attitude of understanding to the faith and knowledge.

Methodological basis: The research is based on the dialectical principles of historicism and comprehensive analysis of the problem.

Results: The article substantiates the thesis that understanding is a specific form of a subjective reflection of the objective reality.

Scope of results application: The results of the research can be used in teaching of philosophy at the university, and can also serve as a methodological basis for the development of strategies for education and training.

Ключевые слова: понимание, вера, знание, убеждение, парадигма, методика.

Keywords: understanding, faith, knowledge, conviction, paradigm, Métis.

Важнейшая задача отечественной науки – разработка фундаментальных областей естественных, технических и социально-гуманитарных наук в единстве с практической деятельностью.

В этом плане особое значение для теории познания приобретает изучение связи познания и практической деятельности, исторических предпосылок естествознания и науки в целом. Актуальность исследования этих проблем становится особенно очевидной на фоне распространения в современной науке двух фундаментальных тенденций: к гуманитаризации знания, с одной стороны, и к возрастающей математизации знания – с другой. В первом случае речь идёт о растущем значении мировоззренческих проблем для развития естественных наук, а также о все более полном осознании социально-культурных и исторических основ всей современной науки. Всестороннее исследование теоретико-познавательных проблем, порожденных отмеченными тенденциями, является важнейшей задачей современной философии.

В этом контексте становится понятной необходимость общеполитического анализа проблемы понимания, которая восходит к внутренним потребностям самых различных областей научного знания (физики и истории науки, кибернетики и литературоведения, психологии и науковедения), что в свою очередь порождает и самые различные подходы к её исследованию.

Необходимость анализа проблемы понимания связана и с такой важнейшей особенностью современной науки, как резко возросшая самодетерминированность научно-технического знания, находящая своё наиболее яркое выражение в бурном развитии специальных наук, изучающих процесс понимания, – социологии науки, экономики науки, истории науки и т. д.

Следует отметить, что для отечественной философской мысли проблема понимания является относительно новой: ею занимаются не более пяти десятилетий. За это время сформированы различные подходы к изучению феномена понимания, выделены разнообразные аспекты этой проблемы, основными из которых являются гносеологический, психологический и социологический аспекты.

При исследовании понимания в рамках гносеологии изучается взаимосвязь понимания и знания, понимания и объяснения, понимания и доказательства. Понимание рассматривается во взаимосвязи с такими категориями, как «рациональность», «мировоззрение», «вера», «убеждение», «объяснение», «интерпретация» и т. д.

В психологии и психолингвистике проводятся эксперименты по выявлению стадий и уровней достижения понимания, исследуется взаимосвязь интуитивных и дискурсивных, образных и вербальных компонентов в процессе понимания. Используемый при этом категориальный аппарат включает в себя такие понятия, как «установка», «стереотип», «межличностные отношения», «текст», «смысл», «контекст» и т. д.

Значительным вкладом в разработку философского определения специфики понимания стали исследования в области социологии, где последнее рассматривается как понимание общественно-исторических явлений.

Однако, несмотря на достигнутые в процессе изучения проблемы понимания результаты, целый ряд вопросов, связанных с природой данного феномена, или ещё не решён, или носит дискуссионный характер.

В настоящей статье предпринимается попытка объяснить феномен понимания в качестве специфической формы субъективного отражения объективной действительности по отношению к таким категориям, как вера и знание.

Понимание и вера

Проблема отношения понимания и веры является классической гносеологической проблемой. Впервые в явном виде она была поставлена в эпоху ранней схоластики в форме суждения строгой дизъюнкции: «верить, чтобы понимать» или «понимать, чтобы верить». Первую альтернативу утверждал крупнейший представитель схолистического реализма Ансельм Кентерберийский (1033–1109), а вторую – концептуалист Пьер Абеляр (1079–1142). Итак, понимание – функция веры или вера – функция понимания? Попробуем и мы разобраться в этой старой дилемме.

Думается, что один из возможных вариантов решения названной проблемы связан с рассмотрением понимания в качестве особой формы субъективного отражения объективной действительности. Что представляет собой эта форма? Для ответа на этот вопрос нам необходимо принять следующие аксиомы: 1) понимание есть диалектическое единство субъективного и объективного; 2) в понимании не представлено ни «чисто»объективного, ни «чисто» субъективного, а есть разнообразные «смеси» объективного в субъективном и субъективного в объективном.

Если посмотреть на понимание сквозь призму диалектики субъективного и объективного, приняв в качестве идеализированных объектов, с одной стороны, абсолютно субъективное (субъективно-субъективное), то есть абсолютно зависимое от человека, а с другой стороны, абсолютно-объективное (объективно-объективное), то есть абсолютно независимое от него, свободное от любого проявления субъективного, то между этими двумя идеальными полюсами существует ряд совершенно реальных структурных уровней, представленных разнообразными комбинациями субъективного и объективного. Допустим, что понимание как форма отражения действительности состоит из двух частей: субъективной и объективной. Тогда в каждой из этих частей можно выделить следующие структурные уровни:

ПОНИМАНИЕ
АБСОЛЮТНО-СУБЪЕКТИВНОЕ (СУБЪЕКТИВНО-СУБЪЕКТИВНОЕ)
СУБЪЕКТИВНАЯ ЧАСТЬ ПОНИМАНИЯ (СУБЪЕКТИВНО-ОБЪЕКТИВНОЕ)
1. Предметно-практическое объективное в субъективной части понимания. 2. Ценностно-оценочное объективное в субъективной части понимания. 3. Логико-гносеологическое объективное в субъективной части понимания. 4. Онтологически объективное в субъективной части понимания
ОБЪЕКТИВНАЯ ЧАСТЬ ПОНИМАНИЯ (ОБЪЕКТИВНО-СУБЪЕКТИВНОЕ)
1. Предметно-практическое субъективное в объективной части понимания. 2. Ценностно-оценочное субъективное в объективной части понимания. 3. Логико-гносеологическое субъективное в объективной части понимания. 4. Онтологически субъективное в объективной части понимания
АБСОЛЮТНО-ОБЪЕКТИВНОЕ (ОБЪЕКТИВНО-ОБЪЕКТИВНОЕ)

Раскроем содержание этих уровней, начиная с субъективной части понимания.

Предметно-практическое объективное в субъективной части понимания – это объективные основания разнообразных схем материальной деятельности человека. Например, независимо от наших предпочтений копать землю стальной лопатой удобнее и эффективнее, чем деревянной палкой. Ценностно-оценочным объективным в субъективной части понимания являются онтологические детерминанты человеческой культуры, то есть это объективные основания категорий добра, красоты, истины и других ценностей, не зависящие ни от человека, ни от человечества. Логико-гносеологическое объективное в субъективной части понимания представлено формами и законами нашего мышления, методами и подходами познавательной деятельности. И, наконец, онтологически объективное в субъективной части понимания есть независимое от нас содержание форм чувственного и рационального познания, ощущений, восприятий, представлений, знаний, убеждений, верований, оценок и т. д.

Перейдем теперь к объективной части понимания. Предметно-практическое субъективное в объективной части понимания – это те приемы и методы практической деятельности, которые, будучи однажды изобретенными человеком, навсегда остаются в системе культуры в качестве отчужденных феноменов. Так, идея колеса после своего практического воплощения более не зависит от своего создателя. Ценностно-оценочное субъективное в объективной части понимания представлено разнообразными ценностями (материальными и духовными), которые создаются человеком, но, получая статус отчужденных форм, далее существуют самостоятельно. Например, критере-

рии истины, красоты, добра, справедливости, представления о счастье, смысле жизни и т. д. Логико-гносеологическое субъективное в объективной части понимания выражается в существовании методов, форм и подходов познавательной деятельности, открытых человеком и отчужденных от него в систему научного и философского знания, в различных вариантах философской и научной картины мира и т. д. И, наконец, онтологически субъективное в объективной части понимания является себя в понимании, отчужденном от субъекта, в понимании, представленном в качестве специфической формы субъективного отражения объективной действительности, которая существует как интерсубъективный феномен. К примеру, возникающий в процессе коммуникации между субъектом А и субъектом В феномен понимания, будучи зависимым от каждого из них, определяясь индивидуальными особенностями субъектов коммуникации, оказывается в то же время явлением независимым, заключающим в себе разнообразные возможности объективации.

Итак, мы выделили структурные уровни понимания и дали им характеристику. Осталось выяснить отношение веры к каждому из уровней в обеих частях понимания.

Не вызывает сомнения факт представленности веры в субъективной части понимания. Так, приятие той или иной схемы практической деятельности неразрывно связано с верой, которую И. Кант называл «прагматической». Например, можно верить в то, что, копая колодец в вечной мерзлоте, в конце концов, дойдешь до водоносного слоя или что ликвидация частной собственности на средства производства открывает путь к строительству коммунизма. Иными словами, предметно-практическое объективное в субъективной части понимания обусловлено верой. В не меньшей степени зависит от веры и ценностно-оценочное объективное в субъективной части понимания. Так, человек может верить в то, что добро победит зло и грядет эра справедливости и милосердия, или что «красота спасет мир». Детерминированность верой логико-гносеологического объективного в субъективной части понимания также не вызывает сомнения. Мы принимаем на веру различные аксиомы, например аксиому силлогизма, верим в бесконечность познаваемой вселенной или в ее конечность. И, наконец, на уровне онтологически объективного в субъективной части понимания вера присутствует всегда, ибо мы изначально верим в то, что содержание наших ощущений, восприятий, представлений и т. д. соответствует объективной действительности.

Итак, вера детерминирует все уровни субъективной части понимания. Посмотрим, какова ее роль в его объективной части.

Если взять предметно-практическое субъективное в объективной части понимания, то здесь уже понимание выступает в качестве детерминанты веры. В самом деле, нет смысла верить в эффективность многократно проверенных и объективированных схем предметно-практической деятельности, а следует понять их для того, чтобы применить. Понимание, выступая на этом уровне как нечто самодостаточное, может быть дополнено верой, а может и не дополняться ею. Если понимание дополняется верой, то в этом случае оно превращается в предметно-практическое убеждение. Иными словами, веру, обусловленную пониманием, следует называть убеждением. На уровне ценностно-оценочного субъективного в объективной части понимания последнее, детерминируя веру в действительность и истинность создаваемых человеком ценностей, предстает перед нами уже в виде аксиологического убеждения. На уровне логико-гносеологического субъективного в объективной части понимания оно, определяя философскую и научную веру в действительность открываемых законов или, к примеру, правильность форм и методов познания, предстает перед нами в виде научного или философского убеждения. И, наконец, на уровне онтологически субъективного в объективной части понимания последнее, будучи отчужденным от субъекта, само становится предметом веры, включенной в процесс коммуникации. Например, субъект А верит в то, что его понимает субъект В, а субъект В верит в то, что его понимает субъект А. Возникающее в процессе коммуникации и дополненное верой понимание трансформируется в интерсубъективное убеждение.

Подведем итоги. Анализ отношения понимания и веры показывает, что оно не является однозначным. Если в субъективной части понимания все его структурные уровни детерминированы верой («верить, чтобы понимать»), то в его объективной части понимание самодостаточно и способно, обуславливая веру, превращаться в различные виды убеждения. Таким образом, начальная, классическая форма постановки проблемы не является правильной. Отношения понимания и веры не укладываются в схему строгой дизъюнкции (или то, или это, и третьего не дано). Оно вообще не ограничивается рамками аристотелевской логики, а выходит в область диалектики. И если уж попытаться решить эту проблему методами традиционной логики, то в качестве логической формы, демонстрирующей симметричную взаимодетерминацию понимания и веры, подходит суждение нестрогой дизъюнкции (или то, или это, или то и это вместе). Таково на наш взгляд, отношение понимания и веры: это есть отношение взаимодетерминации. Теперь посмотрим на взаимозависимость понимания и знания.

Понимание и знание

В истории мировой и отечественной философской мысли можно выявить различные подходы в объяснении отношения понимания и знания. Для Аристотеля понимание и знание по своей сути одно и то же: «И точно так же обстоит дело со знанием и постижением (т. е. пониманием. – П. Р.), а именно: они, знания и постижение чего-то и соотносимое с ними, одинаково: и познаваемое и постижимое есть познаваемое и постижимое чем-то. Если же у соотносимого с тем и с другим падеж не одинаковый, то ясно, что одно не есть род для другого [1]. Аналогичной точки зрения придерживался Г. В. Лейбниц, называя понимание «отчетливым познанием» [2] и «совершенным познанием» [3].

В отечественной философии идея отождествления знания и понимания поддерживается многими авторами. Так, А. Ю. Цофнас считает, что «объекты познания и понимания в гносеологическом смысле неразличимы [4]. Подобной точки зрения придерживался А. Г. Спиркин, который писал: «Понимание – это целенаправленный познавательный процесс, связанный с освоением уже готовых знаний, так и с выявлением новых, доселе неизвестных свойств и отношений вещей» [5]. Как аспект познавательной деятельности рассматривает понимание Е. К. Быстрицкий. «Понимание, – пишет он, – является лишь одной из сторон познавательной деятельности и не может быть противопоставлено ее результату – знанию, но входит в него как конституирующий момент» [6]. Тенденция к рассмотрению понимания в качестве познавательной деятельности или момента этой деятельности не получила, однако, широкого распространения в отечественной философской мысли.

Доминирующей является тенденция, в которой явно просматривается попытка к выделению наряду с гносеологическим отношением особого, понимающего отношения к действительности. «Знать и понимать не одно и то же» [7], – отмечают И. М. Ильинский и Г. С. Гуревич. В рамках этой тенденции обнаруживаются различные варианты спецификации знания и понимания посредством выведения одного из другого. При этом одни авторы выводят понимание из знания, другие, напротив, – знание из понимания. «Понимание как самостоятельная проблема гносеологии, – пишет Е. К. Быстрицкий, – может быть определено только через наиболее общие относительные понятия – знания и познания» [8]. Противоположной точки зрения придерживается В. Е. Кудakov. «Поскольку понимание, – отмечает он, – это сторона жизнедеятельности, пронизывающая все уровни и сферы последней как одно из мировоззренческих оснований деятельности, постольку и в этой связи познание производно от понимания мира человеком как субъектом деятельности» [9]. Аналогичной точки зрения придерживается В. Г. Федотова, считающая, что «понимание – нерелексическая предпосылка знания» [10]. На опосредованность знания пониманием указывал и Г. В. Ф. Гегель. «...чтобы знать... нужно глубочайшее понимание» [11], – писал он. Мысль о том, что понимающее отношение к действительности способно предшествовать гносеологическому, представляется мне очень плодотворной, ибо именно она и указывает на специфику понимания как особой формы субъективного отражения объективной действительности по отношению к знанию. Признание факта взаимодетерминации знания и понимания позволяет наряду с «гносеологическим» типом понимания выделить и его особый, «негносеологический», тип. Правомерность такого выделения очевидна хотя бы потому, что понимание далеко не всегда является процессом рациональным. Действительно, рационально ли понимание, возникающее, скажем, в рамках имитативной или контактной магии? Можно ли говорить о рациональном понимании музыки, танца, живописи, религиозных догм? Гносеологическое отношение к действительности представлено, как известно, двумя неразрывно взаимосвязанными уровнями: чувственным и рациональным. Отсутствие одного из них означает отсутствие познавательного отношения в целом. Следовательно, если есть «нерациональное» понимание, значит, существует и «негносеологическое» понимание. «Негносеологичность» понимания определяется, на наш взгляд, прежде всего тем, что сам по себе процесс познания в «чистом виде» не существует, а является органической частью более широкого процесса практически-духовного освоения действительности. Мифологическое, религиозное, нравственное, эстетическое освоение природного, социального и духовного миров, «преломленное» через призму обыденности практического опыта, является, на наш взгляд, той матрицей понимания, отталкиваясь от которой и можно объяснить диалектику понимающего и гносеологического отношения субъекта практики и познания к объективной действительности, а также выявить специфику понимания как формы отражения. Включая в себя в «снятом виде» помимо разнообразных знаний (научных, философских, обыденных и т. д.), убеждения, верования, мнения, мифологемы, разнообразные суеверия и заблуждения, ценностные ориентации, установки, «колейны» [12] и т. д., понимание, с одной стороны, детерминировано знаниями, а с другой стороны, само выступает в качестве универсального детерминатора всякого знания. Возникает резонный вопрос: а в чём смысл этой взаимодетерминации? Дело в том, что всякая истина, как известно, относительна, а значит, любое

наше знание незаконченно и несовершенно. Понимание и выступает практическим, ценностно-оценочным и в итоге гносеологическим компенсатором этих незаконченности и несовершенства нашего знания. Сливаясь со знанием, опосредуя его и опосредуясь им, понимание придает знанию ту необходимую форму, благодаря которой оно только и может быть принято познающим субъектом в качестве истины.

Так, когда 21 марта 1611 г. член ордена иезуитов Кристоф Шейнер впервые увидел на Солнце пятна, он немедленно сообщил об этом своему начальству. Начальник Шейнера, некий Бузеус, будучи ярким перипатетиком, ответил последнему, что он много раз перечитывал Аристотеля, но нигде не встречал ни единого упоминания о пятнах на Солнце. Значит, ответил он Шейнеру, эти пятна или на стекле телескопа, или у тебя в глазах.

Данный исторический пример весьма показателен для объяснения отношения понимания и знания. Аристотелевско-птолемеевская картина мира, синтезированная с католическим вероучением, определяла систему миропонимания не только в Средние века, но и в эпоху Нового времени. И любое, даже вполне очевидное, знание, не соответствующее этой «понимающей парадигме», не могло без препятствий войти в общественное сознание, быть понятным и принятым.

Таково, на наш взгляд, отношение понимания и знания. Теперь настала пора выяснить механизм взаимодействия нашей троицы: веры, знания и понимания, представленных в духовно-практическом освоении объективной действительности в виде целостной органичной системы в процессе философско-научного познания мира.

Если к отношению веры, знания и понимания применить традиционный для философии образ «дерево познания», то корнями этого древа будут суждения веры. Почему веры? Необходимо вспомнить, как представлял себе систему знания Р. Декарт. «Вся философия, т. е. знание, подобна дереву, корни которого метафизика, ствол – физика, а ветви, исходящие из этого ствола, – все прочие науки, сводящиеся к трем главным: медицине, механике и этике... Подобно тому, как плоды собирают не с корней и не со ствола дерева, а только с концов его ветвей, так и особая полезность философии зависит от тех ее частей, которые могут быть изучены только под конец» [13]. Отождествляя единство наук с философией, фундаментом которой является метафизика, Декарт полагал, что суждения метафизики предшествуют суждениям физики, из которой в свою очередь вырастают все остальные конкретные науки. Данная идея Декарта имеет, на наш взгляд, очень важное методологическое значение для понимания отношения веры и знания. В самом деле, как можно оценить суждения метафизики: как суждения знания или как суждения веры? Давайте сразу определимся. Под суждениями веры мы понимаем суждения, либо принципиально не подлежащие доказательству или опровержению (верификации или фальсификации), либо не нуждающиеся в данных логических операциях, либо принципиально не совместимые ни с каким доказательством или опровержением в силу своей иррациональности.

К первому классу суждений веры следует отнести некоторые философские, в том числе и метафизические, суждения. Ко второму классу относятся, например, научные аксиомы, а к третьему следует отнести суждения веры религиозной (догмат о Троице и т. д.).

В отличие от суждений веры суждениями научного знания признаются такие, которые прошли обязательную процедуру доказательства или опровержения. Таким образом, если представить себе процесс развития системы знания как процесс, идущий от суждений необоснованных к суждениям обоснованным, составляющим научное знание, то, следовательно, у истоков этого процесса обнаруживаются разнообразные суждения веры. И если философия вообще, а метафизика в частности, представляют собой генетическую и субстанциальную основу науки, как на то указывает Декарт, то эта основа выложена «кирпичами веры», т. е. некоторыми фундаментальными философскими суждениями, принципиально не подлежащими доказательству или опровержению, такими, например, как материя первична, а дух вторичен; существует Бог; красота спасет мир и т. д. Но когда возникают вопросы: если некоторые философские суждения – это суждения веры, то можно ли говорить об особом философском знании? Если философская вера является одним из оснований научного знания, то является ли она таким же основанием философского знания и существует ли последнее в принципе? Ведь понятно, что быть фундаментом здания не означает быть самим зданием.

Наша позиция в этом вопросе следующая: мы полагаем, что существуют различные, качественно отличающиеся друг от друга виды знания: философское, научное, художественное и т. д. Специфика философского знания по отношению к научному и любым другим его видам заключается в том, что она представляет собой синтез особой философской веры (особой потому, что данная вера в отличие, например, от религиозной рациональна по своей сущности) и особого философского понимания, являющегося подобно любому пониманию прежде всего компенсатором

незаконченного, несовершенного знания и осуществляющего функцию компенсации через освоение объективной действительности с помощью философских идей, принципов и категорий.

Итак, одними из важнейших оснований научного знания являются философская вера и философское знание, представляющее собой в свою очередь сложный диалектический синтез веры и понимания.

Философская вера и знание, подобно первой и второй ступеням ракеты, органично входят в систему научного знания, с одной стороны, снимаясь в нем, а с другой – сохраняя качественную специфику и самостоятельность. Снятие философского знания в научном происходит прежде всего в форме эмпирико-теоретического обоснования философских идей, становящихся составными частями научного знания (например, идея атома, идея развития и т. д.), дополненного особым научным пониманием, компенсаторная роль которого в этой плоскости познания осуществляется в процессе построения и принятия ученым сообществом парадигм научного знания, дающих возможность для той или иной интерпретации получаемых познавательных результатов.

Подведем некоторые итоги. Если философский и научный способы познания мира признать в качестве основных способов познания, представленных в духовной культуре человечества, то необходимо согласиться со следующей схемой отношения веры, знания и понимания. Исторически наше познание начинается с философской веры, которую еще И. Кант называл «доктринальной», и, дополняясь философским пониманием, отливается в систему философского знания. Последнее, в свою очередь, с одной стороны, оставаясь самостоятельным и самоценным, с другой – является одним из оснований научного знания, включаясь в его состав в виде эмпирических и теоретически обоснованных философских идей. Научное знание, в свою очередь, дополняется научным пониманием и начинает существовать в форме разнообразных научных парадигм. Последние оказывают сильнейшее влияние на восприятие научным сообществом как старых, так и новых философских идей, создавая основание новой ступени философского понимания.

Цикл спирали познания, таким образом, замыкается: будучи генетически и субстанциально детерминированным философским знанием, знание научное со своей стороны оказывается детерминантной философского, создавая тем самым предпосылки новой формы философского понимания мира. Эта новая форма философского понимания мира, соединяясь с прежней или модернизированной философской верой, образует качественно новый уровень философского знания. Схематично это можно представить так:

Философское знание – 2
Философское понимание – 2 + Философская вера – 2
Философское понимание – 2
Парадигма научного знания + Философское знание
Парадигма научного знания
Научное знание + научное понимание
Научное знание
Философское знание + Эмпирическое и теоретическое обоснование
Философское знание
Философская вера – 1 + Философское понимание – 1

Таков, по нашему мнению, механизм взаимодействия веры, знания и понимания в философско-научном познании мира.

Подведем итог нашим рассуждениям. В процессе духовно-практического освоения объективной действительности в целом и в процессе философско-научного познания мира в частности понимание выступает в качестве специфической формы субъективного отражения объективной действительности, но не самостоятельно, а в неразрывной взаимосвязи с верой и знанием. Органическая взаимодетерминация этих форм отражения позволяет, я думаю, предположить возможность существования в системе духовной культуры человечества различных и вполне целостных духовных формообразований. Назовем эти формообразования метидами в честь первой жены Зевса, богини разума, знаний и мудрости Метиды. Я абсолютно убежден в принципиальной, если так можно выразиться, метидальности не только процесса духовно-практического освоения мира, но и процесса философско-научного познания. Любая конкретная метида представляет собой диалектическое единство самых разных форм субъективного отражения объективной действительности: верований, убеждений, мнений, знаний и т. д., вплоть до смыслообразов, представленных в ней в различной «пропорции»; но «душой» любой метиды, её универсальной основой, является понимание, воплощающее в себе практическое, познавательное, ценностно-оценочное отношение и коммуникативное отношение к действительности. Такова, на наш взгляд, сущность понимания как специфической формы субъективного отражения объективной действительности.

Примечания

1. Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 2. М. : Мысль, 1978. С. 420.
2. Лейбниц Г. В. Сочинения : в 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1989. С. 426.
3. Там же. Т. 3. С. 98.
4. Проблема методов социально-гуманитарном познании. М. : Ин-т философии АН СССР, 1989. С. 65.
5. Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. М. : Политиздат, 1972. С. 239.
6. Быстрицкий Е. К. Научные знания и проблема понимания. Киев : Наук. думка, 1986. С. 109.
7. Ильинский И. М., Гуревич П. С. Понимание как цель образования // Знания. Понимания. Умения. 2006. № 1. С. 11.
8. Быстрицкий Е. К. Указ. соч. С. 109.
9. Кудаков В. Е. Мировоззренческое содержание проблемы понимания : автореф. дис. ... канд. филос наук. Киев : 1985. С. 11–12.
10. Федотова В. Г. Понимание в системеметодологических средств современной науки // Проблемы объяснения и понимания в научном познании. М. : Ин-т философии АН СССР, 1982. С. 117.
11. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М. : Мысль, 1990. С. 474.
12. Ибраев Л. И. Ворота философии. Йошкар-Ола : МарПИК, 2004. С. 55.
13. Декарт Р. Избранные произведения. М. : Госполитиздат, 1959. С. 421.

Notes

1. *Aristotel'. Sochineniya* [Works] in four volumes. M. Mysl. 1978. Vol. 1. P. 420.
2. *Lejbnic G. V. Sochineniya* [Works] in four volumes. M. Mysl. 1989. Vol. 4. P. 426.
3. *Lejbnic G. V. Sochineniya* [Works] in four volumes. M. Mysl. 1984. Vol. 3. P. 98.
4. *Problema metodav social'no-gumanitarnom poznanii* – The problem of the method in social and humanitarian knowledge] M. Institute of Philosophy of the USSR Academy of Sciences. 1989. P. 65.
5. *Spirkin A. G. Soznanie i samosoznanie* [Consciousness and self-awareness]. M. Politizdat. 1972. P. 239.
6. *Bystritskiy E. K. Nauchnye znaniya i problema ponimaniya* [Scientific knowledge and the problem of understanding]. NaukovaDumka. Kiev. 1986. P. 109.
7. *Il'inskij I. M. Gurevich P. S. Ponimanie kak cel' obrazovaniya* [Understanding as a goal of education] // Knowledge. Understanding. Skills. 2006, No 1, p. 11.
8. *Bystritskiy E. K.* Op. cit. P. 109.
9. *Kudakov V. E. Mirovozzrencheskoe sodержanie problemy ponimaniya: avtoref. dis. ... kand. filos nauk.* [Ideological content of the problem of understanding: abstract...dis. cand. philosophy] Kiev. 1985. Pp. 11–12.
10. *Fedotova V. G. Ponimanie v sistememetodologicheskikh sredstv sovremennoj nauki* [Understanding of the methodological means of modern science in the system] // *Problemy ob'yasneniya i ponimaniya v nauchnom poznanii* – The problems of explanation and understanding in the scientific knowledge. Institute of Philosophy of Academy of Sciences. M. 1982. P. 117.
11. *Hegel G. W. F. Filosofiya prava* [Philosophy of rights]. M. Mysl. 1990. P. 474.
12. *Ibraev L. I. Vorota filosofii* [The Gate of Philosophy]. Yoshkar-Ola. MarPik. 2004. P. 55.
13. *Descartes R. Izbrannnye proizvedeniya* [Selected Works]. M. Gospolitizdat. 1959. P. 474.

УДК 004

И. В. Ладыгина

Социально-этические проблемы робототехники

С каждым днём количество роботов в нашей повседневной жизни увеличивается. Конструкторы робототехнических систем должны оборудовать робота средствами, которые помогли бы ему реагировать на быстрое «принятие решения» и исключить выбор плохого решения. Темпы развития робототехники таковы, что эти проблемы будут в ближайшее время учитываться на роботах, применяемых в системездравоохранения, в военных операциях и других робототехнических устройствах в похожих системах, где принятое роботом решение может помочь или навредить человеку. Специалисты в области робототехники все больше уверены в том, что принятие обществом таких машин будет зависеть от того, могут ли они быть запрограммированы действовать таким образом, чтобы максимально увеличить безопасность людей, тем самым повышая доверие человека к робототехнической системе.

The number of robots in our daily lives increases every day. Designers of robotic systems should equip the robot with tools that would help it to respond to a quick "decision making" and to exclude the choice of a bad solution. The pace of development of robotics is such that these problems will soon be taken into account in robots used in the health care system, in military operations and other robotic devices in similar systems where a robot's deci-

sion can help or harm a person. Specialists in the field of robotics are more and more confident that the acceptance by the society of such machines will depend on whether they can be programmed to act in such a way as to maximize the safety of people, thereby increasing human confidence in the robotic system.

Ключевые слова: робот, робототехническая система, этика, этические роботы.

Keywords: robot, robotic system, ethics, ethical robots.

1. Введение

В 1942 г. в своём коротком рассказе «Хоровод» писатель-фантаст Айзек Азимов представил три закона робототехники, представляющие собой инженерные гарантии и встроенные этические нормы, которые и дальше использовал в десятках своих рассказов и романов. Законы говорят о следующем:

1. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинён вред.
2. Робот должен повиноваться всем приказам, которые даёт человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому закону.
3. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в которой это не противоречит Первому или Второму законам [1].

Законы Азимова из рассказа «Хоровод» в 2017 г. в реальной жизни, в мире робототехнических устройств, становятся достаточно актуальными.

Роботы, когда-то действовавшие лишь на страницах научно-фантастических книг, в наше время стали реальностью, и область их применения с каждым днём расширяется. Сложились такие условия, что практические потребности в роботах совпали с научно-техническими возможностями их создания и применения на базе достижений научного прогресса развития.

Промышленные роботы получили широкое применение в машиностроении и приборостроении ещё в конце XX в. (1976–1980 гг.). В 80-е гг. XX в. начинается их использование в лёгкой промышленности, в городском хозяйстве, при добыче угля, горных разработках, на транспорте. В машиностроении включились автомобильная, авиационная промышленность, вагоно- и локомотивостроение, двигателестроение, станкостроение, машиностроение для лёгкой, пищевой и химической отраслей, сельскохозяйственное машиностроение и т. д.; в приборостроении, кроме собственно производства приборов, – электротехническая, электронная, радиотехническая промышленность. В наше время можно выделить основные направления применения роботов: опасные спасательные и боевые операции, сфера домашнего обслуживания, выполнение однообразных манипуляций, требующих высокой точности, медицина, космические исследования, транспорт.

На примере транспортных устройств можно задаться вопросом, как робототехнические транспортные средства будут вести себя в условиях кризисной ситуации. Что делать, для того чтобы направить робототехническое транспортное средство на спасение своих пассажиров в кризисной ситуации, например если произошло столкновение транспортных средств, резкий тормоз? Или если машина резко повернула, чтобы избежать гибели человека?

2. Постановка задачи

С каждым днём появляется все больше и больше роботов в нашей повседневной жизни. Можно и здесь задаться вопросом, как конструкторы могут оборудовать робота средствами, которые помогли бы ему реагировать на быстрое «принятие решения» и исключить выбор плохого решения. Темпы развития робототехники таковы, что эти проблемы будут в ближайшее время учитываться на роботах, применяемых в системездравоохранения, в военных операциях и других робототехнических устройствах в похожих системах, где принятое роботом решение может помочь или навредить человеку. Специалисты в области робототехники все больше уверены в том, что принятие обществом таких машин будет зависеть от того, могут ли они быть запрограммированы действовать таким образом, чтобы максимально увеличить безопасность людей, тем самым повышая доверие человека к робототехнической системе. Компьютерные инженеры, специалисты в области робототехники, специалисты по этике и философы должны понимать, что интеллектуальным роботам необходимо соблюдать права человека в своём понимании этой проблемы. Современные научные проекты должны быть направлены на решение данного вопроса. Они должны решать сложные научные задачи, например, такие: какой вид интеллекта и что необходимо использовать для правильного этического принятия решений? И как это может быть переведено в инструкции для конкретной машины?

3. Эксперименты с роботами

Инженер Алан Уинфилд из Бристольской компании Robotics Laboratory (Великобритания) на этот счёт сказал: «Если бы вы спросили меня пять лет назад, можно ли сделать роботов со

встроенными этическими нормами, этических роботов, я бы сказал, что нет. Сейчас я не думаю, что это такая сумасшедшая идея» [2].

В одном часто цитируемом эксперименте участвует робот – игрушка, который называется Нао и который был запрограммирован для того, чтобы напоминать людям принимать лекарства в лечебных учреждениях.

«На первый взгляд, это звучит просто», – говорит Сьюзан Ли Андерсон, философ из Университета штата Коннектикут в Статфорде, которая участвовала со своим мужем, ученым Майклом Андерсоном из университета Хартфорд в штате Коннектикут, в проекте по созданию Нао. «Но даже в этой ограниченной задаче существуют нетривиальные вопросы этики» [3]. Например, как следует действовать, если пациент Нао отказывается от лекарств? Если позволить пациенту отказаться от лекарств, то это причинит ему вред. Чтобы научить Нао ориентироваться в таких затруднительных ситуациях, С. Андерсон и М. Андерсон вложили в программу Нао примеры случаев, которые бы могли разрешить возникающие конфликты и понять, вред это или польза для пациента. Вложенные учебные алгоритмы сортируются по ситуациям и не будут выполнены до тех пор, пока они не найдут образцов, которые могли бы послужить руководством робота в возникшей новой затруднительной ситуации.

При подобного рода «машинном обучении» робот может извлечь полезные знания даже из неоднозначных входов. Данный подход позволил бы, по идее, помочь роботу получить больше этически правильных решений, которые бы он встречал в больших количествах разных ситуаций. «Ситуации, которые возникают, к сожалению, пока не записываются в компьютерный код робота, так что пока нет возможности узнать, почему программа не могла бы придумать конкретное правило, называя это с этической точки зрения “правильным решением”», – считает Джерри Каплан, который преподает искусственный интеллект и этику в Стэнфордском университете в Калифорнии. «Нам нужен серьезный прогресс в развитии, чтобы выяснить, что более актуально для искусственного интеллекта, чтобы рассуждать о возникающих этических ситуациях», – считает Джерри Каплан [4].

Чтобы обойти данную проблему, требуется сменить тактику, говорят многие инженеры; большинство из них пытаются решить проблему путем создания программ с явно сформулированными правилами, а не пытаться просить робота, чтобы он получил собственный вариант решения возникающих проблем и применения норм и правил этики для их решения. Алан Уинфилд опубликовал результаты эксперимента, в котором он запрограммировал робота, чтобы тот предотвратил падение человека в яму. Это упрощенная версия знаменитого «Первого закона робототехники» Айзека Азимова – робот не должен позволить, чтобы человеку был причинен вред. Сначала робот успешно справился с задачей. Как только человек двинулся в сторону ямы, робот бросился к нему, чтобы вытолкнуть его с опасного пути. Но когда ученый добавил второго человека, который двигался к яме одновременно с первым, робот был вынужден выбирать. Иногда ему удавалось спасти одного человека, позволяя другому погибнуть, а иногда ему даже удавалось успеть спасти обоих. Но в 14 случаях из 33 робот терялся и терял много времени в своих размышлениях и принятии конкретного решения, так что оба человека успевали упасть в яму. Совершенно очевидно, что Уинфилд понял, что роботу необходима способность ощущать своё окружение – признать положение ямы и человека, а также собственную позицию по отношению к яме и к человеку. Но роботу также нужны заложенные правила, позволяющие ему предвидеть возможные последствия своих действий. Уинфилд говорит, что хотя робот может спасти других в соответствии с запрограммированным алгоритмом поведения, он не понимает причин своих действий. По словам инженера, до сих пор нет ответа, можно ли обучить робота этическим правилам инормам. Но в рамках дальнейшей интеграции роботов в нашу повседневную жизнь на этот вопрос обязательно нужно будет ответить. Например, автомобили с автономным управлением должны уметь оценивать безопасность своих пассажиров применительно к риску причинения вреда другим водителям или пешеходам. И это может быть очень трудным выбором. Однако военные роботы могут подсказать решение. Рональд Аркин из Технологического института Джорджии (США) разработал набор алгоритмов для военных роботов, который должен помочь им принимать более взвешенные решения на поле боя. Он уже опробовал свою разработку в постановочном бою, продемонстрировав, что беспилотники с такой программой пытаются обойтись без стрельбы или свести к минимуму потери вовремя в таких гражданских объектах, как школы или больницы. Аркин говорит, что роботы, обученные этике, станут невероятно эффективными, к тому же, «в отличие от солдат, которые могут находиться под влиянием эмоций и нарушать приказы, роботы этого делать не будут».

Те, кто занимается изучением данной проблемы, утверждают, что подход на основе вложения определённых правил в робота имеет одно важное достоинство: всегда понятно, почему ма-

шина делает тот или иной выбор, потому что сами разработчики устанавливают данные правила и предоставляют роботу выбор.

Компьютерные специалисты в области робототехники, работающие по созданию строго запрограммированных машин, вкладывая в них определённые правила этики, сегодня используют при этом логические операторы, такие как «если утверждение верно, двигаться вперед; если оно ложно, не двигаться». Применение логики является идеальным выбором для разработки машинной этики, утверждает Луис Мониш Перейра (Pereira), ученый из лаборатории вычислительной техники и информатики Nova в Лиссабоне. «Логика наших рассуждений и помогает нам придумать правила машинной этики», – говорит он [5]. Например, Pereira отмечает, что логические языки, используемые компьютерными программами, есть вывод некоторого гипотетического сценария, в основе которого лежат гипотезы, которые играют решающую роль в решении определенных этических правил.

«Логика наших рассуждений представляет собой своего рода этические правила и нормы правильного выбора для робота», – говорит Луис Мониш Перейра [6].

Создание этических роботов со встроенными правилами и нормами может иметь серьезные последствия для будущего робототехники. Майкл Фишер, ученый из Великобритании, считает, что люди будут бояться роботов, если они не уверены в действиях роботов, но если мы сможем проанализировать и доказать причины своих действий, мы, скорее всего, сможем преодолеть вопрос доверия.

Скорее всего, лучший путь вперед в развитии робототехники – это сочетание разных подходов. Можно посмотреть решение многих проблем в быстро развивающейся области роботизированных транспортных систем. Например, Driverless автомобилей Google [7]. Это беспилотные автомобили, которые называют по-разному: самоуправляемыми автомобилями, роботизированными автомобилями, автономными автомобилями, автомобилями с автопилотом, автоматически управляемыми автомобилями. Как бы их не называли, это будет роботизированная система, которая появится на дорогах общего пользования в самом ближайшем будущем. На сегодняшний день практически все крупнейшие автопроизводители заявили о проведении дорожных испытаний своих автоматизированных версий машин. Одним из самых успешных и, пожалуй, продвинутых в технологическом плане является проект компании Google. До сих пор инженеры пытались сделать роботов, которые заменяют людей в ситуациях, сложных для человека, таких как поддержание внимания на длительных расстояниях или когда нужно быстро среагировать, например, на тормоз, когда что-то происходит неожиданно. Инженерам придется пытаться программировать вещи, которые проходят более естественно для человека, но не для машин.

Южная Корея является одним из ведущих государств в области высоких технологий. Граждане Южной Кореи получают доступ к широкополосному интернету, а также к продвинутым мобильным технологиям намного раньше, чем все остальные. Правительство Южной Кореи известно также своей поддержкой развития технологий будущего. В своих прогнозах относительно робототехники правительство Южной Кореи считает, что к 2018 г. роботы будут заниматься хирургией. В Министерстве связи и информационных технологий считают, что к 2018–2020 гг. у каждой семьи будет собственный робот. Отчасти это вызвано тем, что количество пожилых людей в обществе растет, а также есть понимание того, что прогресс в области роботостроения идет семимильными шагами. Новые положения нашей жизни могут отразить три закона робототехники, уже написанные Айзеком Азимовым в его рассказе «Хоровод» в 1942 г. Ключевые мысли будут заключаться в том, что человек должен обладать полным контролем над роботом и накопленной им информацией и препятствовать ее незаконному использованию. В других странах также задумываются о роботизированном будущем. Например, в правительстве Великобритании считают, что через 50 лет робот будет обладать теми же правами, что и человек. В Едином Европейском Пространстве по Исследованию Роботов (European Robotics Research Network) также создают законы, касающиеся использования роботов. Эти этические положения были написаны исследователями, которые считают, что роботостроение вскоре встанет наравне с такими научными дисциплинами, как биоинженерия и ядерная физика. Сторонники создания этих законов говорят: «В XX веке человечество будет сосуществовать с первым в своей истории чужим разумом – разумом роботов, и это повлечет за собой множество этических, социальных и экономических проблем» [8].

4. Заключение

Таким образом, тесное взаимодействие человека с роботами неизбежно в самом ближайшем будущем. Главная задача состоит в том, чтобы обеспечить безопасность такого сотрудничества и добиться доверия людей к роботам. Необходимо продолжать исследования в этом направлении, применяя в работе различные подходы, для того чтобы гарантировать комфортное сосуществование человека вместе с чужим и пока еще непонятным ему разумом.

Примечания

1. https://ru.wikipedia.org/wiki/Три_закона_роботехники (дата обращения: 01.04.2017)
2. *Advances in Autonomous Robotics Systems / Conference Towards Autonomous Robotic Systems*. Springer, 2014. P. 85.
3. <http://www.currenttime.tv/a/27195930.html> (дата обращения: 01.04.2017)
4. *Logics in Artificial Intelligence: European Workshop JELIA '94*, York, UK, September 5-8, 1994. Proceedings (Craig MacNish, David Pearce, Luis M. Pereira).
5. *Ibid.* P. 34.
6. *Ibid.* P. 56.
7. M. Mitchell Waldrop: *Autonomous vehicles: No drivers required/ Nature*, Volume 518, Number 7537, February 2015. P. 20–23.
8. <http://www.adaptive.com.ua/article/1tus1hwz80is6.html> (дата обращения: 06.05.2017)

Notes

1. https://ru.wikipedia.org/wiki/Три_закона_роботехники (date accessed: 01.04.2017)
2. *Advances in Autonomous Robotics Systems / Conference Towards Autonomous Robotic Systems*. Springer, 2014. R. 85.
3. <http://www.currenttime.tv/a/27195930.html> (date accessed: 01.04.2017)
4. *Logics in Artificial Intelligence: European Workshop JELIA '94*, York, UK 5 September 8, 1994. Proceedings (Craig MacNish, David Pearce, Luis M. Pereira).
5. *Ibid.* P. 34.
6. *Ibid.* P. 56.
7. M. Mitchell Waldrop: *Autonomous vehicles: No drivers required/ Nature*, Volume 518, Number 7537, February 2015. R. 20–23.
8. <http://www.adaptive.com.ua/article/1tus1hwz80is6.html> (date accessed: 06.05.2017)

УДК 130.2

Р. С. Ярмухаметова

Смыслы и понимание музыки в христианских трактатах Средневековья

Статья посвящена проблематике смысла, ценности и понимания музыки в русских и зарубежных христианских средневековых трактатах. Данные аспекты выходят за рамки строго музыковедческой науки и требуют создания новых междисциплинарных областей, таких как философия музыки. Выявлено, что профессиональная музыкальная культура Средневековья не мыслится вне христианского содержания, религиозного мировоззрения и неразрывно связана с церковным обиходом. Так, в европейской культуре первым представителем профессиональной музыки считается григорианский хорал, в русской – знаменный распев. На основе проведенного исследования автор приходит к выводу, что средневековые музыкальные трактаты чаще носили утилитарный характер, являлись «справочниками», сборниками церковных песнопений, включали исполнительские рекомендации и т. д., однако основы музыкальной теории, понимание музыки и ее смысла закладываются именно в них. В целом понимание и смыслы музыки в эпоху Средневековья связаны с идеями эманации Бога, блага, истины, порядка.

The article is devoted to issues of meaning, values and understanding of music in Russian and foreign Christian medieval treatises. These aspects go beyond the strictly musicological science and require the creation of new interdisciplinary fields such as philosophy of music. It is revealed that the professional musical culture of the middle Ages is not conceived outside the Christian content of the religious world and is inseparably connected with Church life. So, in European culture the first representative of the professional music is considered Gregorian chant, Russian Znamenny chant. On the basis of the conducted research the author comes to the conclusion that the medieval musical treatises often were utilitarian in nature, is "reference", collections of Church music has included performing recommendations, etc., but the basics of music theory, understanding music and its meaning are laid in them. In General, the understanding and meanings of music in the middle Ages associated with the ideas of the emanation of God, good, truth, order.

Ключевые слова: философия музыки, смыслы музыки, понимание музыки, средневековая музыка, трактаты о музыке.

Keywords: philosophy of music, meaning of music, medieval music, treatises about music.

Музыка как вид искусства насыщена смыслами. Проблема смысла и ценности музыки – центральная проблема становящейся науки – «философия музыки», считает Г. Г. Коломиец [1]. Эта наука рассматривает музыку в онтологическом, гносеологическом, феноменологическом, аксиологическом, антропологическом, социокультурном аспектах, «обращаясь при этом к истории философской и эстетической мысли о музыке и переосмысливая ее в свете единого эволюционного процесса» [2]. Предметом философии музыки выступают «субъект-объектные отношения в системе “человек – мир – музыка”, “человек музыкальный”, создающий и воспринимающий музыку как способ быть в мире» [3].

Проблемы смысла, статуса и назначения музыки остаются актуальными в истории философской мысли с ее начала и по сегодняшний день. Сформировалось и устоялось «метафизическое ядро» философского знания о музыке и его составляющие: духовная сущность музыки и ее всеобъемлющий характер; субстанциональное музыкальное бытие и идеальность. Постигание музыкального бытия неоспоримо связано с постижением ценностного, эстетического контента мира.

Велик соблазн рассмотреть смысловой аспект музыки во всем ее пространственно-временном философском континууме. В данной статье мы остановимся на понимании музыки в философии Европейского и Русского Средневековья, как менее изученного, но значимого периода в ее осмыслении. В. В. Бычков в книге «Эстетика отцов церкви» [4] исследует трактат «О музыке» Августина Аврелия (IV–V вв. до н. э.), написанный в форме диалога учителя и ученика. Этим трактатом Августин как бы подводит итог античной традиции и открывает новый этап в истории эстетики, связанный с переходом от языческого миропонимания к христианскому. Символично, что Августин тогда сам стоял на «пороге Христианства». Как пишет В. В. Бычков, «Августин начал работу над ним в 387 г. незадолго до своего крещения и закончил где-то между 389 и 391 гг., став уже сознательным пропагандистом и теоретиком христианства» [5]. Трактат «О музыке» состоит из шести книг, предполагалось, что они станут частью размышлений Августина об искусстве. Основной проблемой трактата является проблема ритма как общее свойство поэзии и музыки. «В то время, я был тогда в Милане и готовился к принятию крещения, пытался я также написать книги об искусствах; я обращался с вопросами к окружающим меня людям, которым не были чужды эти дисциплины... Из этих работ только одна была закончена – книга “О грамматике”, которую я позже потерял... “О музыке” ограничивается шестью книгами на ту часть, которая называется ритмом. Но я писал эти шесть книг, уже будучи крещенным, после того, как я вернулся из Италии в Африку» [6].

Принципом организации всех явлений и предметов Августин считает число. В этом убеждении Августин, с одной стороны, опирается на идеи пифагорейцев, с другой – привносит новый смысл, сугубо христианский, видя во всем провидение Божие: «Числа управляют движением космических тел, и начала жизни, заложенные в семени растений и живых существ, обязаны “весьма сильным числом”, заключающим в себе потенции “божественных дел”» [7]. Таким «сильным числом» Августин считал единицу, из которой возникают все остальные числа. Сущность чисел и их законы, по его мнению, «принадлежат к области вечной и неизменной истины, поэтому они могут быть восприняты только разумом» [8]. Более того, для Августина числа составляют структурную основу красоты: «Итак, если спросить, что в танце доставляет радость, число ответит тебе: это я. Рассмотрим красоту созданного тела: [она не что иное, как] числа, заключенные в пространство. Рассмотрим красоту телесного движения – это числа движутся во времени» [9]. И если подняться выше тех чисел, которые находятся в творческом духе художника, то попадешь в царство «вечных чисел», в коих заключен «свет мудрости и тайна истины» [10].

В своих исследованиях Августин пытается дать определение музыке. В более раннем трактате «О порядке» он затрагивал вопросы, связанные с происхождением, предметом и целями «свободных искусств» (или «свободных наук» – у Августина по античной традиции *disciplinae liberales* и *artes liberales* – синонимы), – пишет В. В. Бычков) [11]. Среди свободных наук он рассматривал и музыку, как науку, «происходящую частью от чувства, частью – от ума» [12]. Центральное положение о музыке – «*Musica est scientia bene modulandi* – музыка есть наука хорошо соразмерять (модулировать)», как свидетельствует В. В. Бычков, Августин заимствует у римского ученого-энциклопедиста Марка Теренция Варрона [13]. Модуляция, согласно Августину, относится к движению и является, по существу, некой «опытностью», или «знанием», (*peritia*) процесса движения: «Ни одно дело... не может быть осуществлено без этой опытности, без правильно организованных движений. И ремесленник совершает их, создавая вещь из дерева... и танцор в танце. Первый совершает их ради создания какой-либо вещи, второй движет «свои члены... ради их красивого и подобающего движения» [14]. На вопрос, какой вид движения выше: тот, когда движение совершается «ради него самого» (*propter seipsam*), или тот, в котором оно осуществляется ради какой-либо утилитарной цели, даже ученик без сомнения отвечает, что первый вид движения выше. Отсюда следует, что

«наука “модулировать” есть наука о хорошем движении, таком, где оно является предметом стремления само по себе, а потому само по себе радуется» [15]. В итоге Августин дает определение музыке как «науке о модулировании» (*scientiamodulandi*).

Далее Августин объясняет, почему в дефиницию «музыка» входит слово «наука» (*scientia*). В своих рассуждениях он говорит, что «приятно и пение соловья весной, оно соразмерно и соответствует своему времени, однако вряд ли мы можем предположить, что соловей опытен в “свободном искусстве” музыки. То же самое можно сказать и о тех людях, которые поют и играют по слуху, не зная теории. Любовь к пению и игре, и умение петь, и играть общи у человека и животных. Птицы поют, испытывая вожделение, люди – ради удовольствия, денег, почета, но ни те, ни другие ничего не ведают о музыке как науке» [16]. Затем Августин разводит и обосновывает понятия музыка-наука (*scientia*) и музыка-искусство (*ars*). Для него певцы, музыканты, выступающие в целях заработка, доставления удовольствия, не знают музыки как науки, их игра на инструментах – дело навыка, а не науки. «В основе искусства лежит подражание (*imitatio*)... Разум тоже имеет к нему некоторое отношение. С другой стороны, и наука не чужда подражанию. И все же главное различие их в том, что в искусстве, обязательно связанном в той или иной мере с материей, преобладает подражание, а в науке, как деле “одного только духа”, – разум.... Вся наука заключена в разумении (*intelligentia*)... и музыка там же» [17].

Веком позднее Боэций (VI в.) размышлял о единстве музыкальной гармонии и гармонии мироустройства. По его мнению, человеческое бытие немислимо без музыки, поскольку она причастна к «мировой гармонии и явлению божественного откровения» [18]. Обобщая опыт предшественников, в трактате «О музыкальном установлении» Боэций классифицирует музыку на три вида: «мировая музыка» (*musica mundana*) – гармония движения небесных тел; «человеческая музыка» (*musica humana*) – гармоничное сочетание души и тела, созвучное с мировой музыкой; «инструментальная музыка» (*musica instrumentalis*) – музыкально-исполнительское искусство. Он считал, что постижение музыки – это духовное постижение, разумное постижение с опорой на знание и теорию. «И только тот считается настоящим музыкантом, кто постигает сущность музыки не через упражнение рук (то есть исполнитель, занимающийся *musica instrumentalis*), а чувственным разумом» [19].

В последующие века усиливается интерес к «изящным искусствам», «названным так по принципу воздействия красотой» [20]. Дальнейшие поиски в философии музыки представлены в двух направлениях: первое – связано с утверждением метафизической сущности музыки-субстанции, второе – с физико-математическим обоснованием (пропорции, гармонии, и пр.). Оба направления, так или иначе, включали духовный компонент: «Музыка воспринималась как главное воплощение духа и духовности, значит, ее смысл и ценность неотделимы от высоких идеалов блага и истины» [21].

Теперь же сделаем скачок через три века, что обусловлено крайне скудным освещением теоретической музыкальной мысли Средневековья и объясняется следующими факторами: во-первых, профессиональная музыка бытовала внутри церкви и была имперсональной; во-вторых, редкий монах, служитель церковного хора, достигал профессионального мастерства, позволяющего рассуждать о музыке. Исключение составляют бенедиктинские монахи, самым известным из которых был Гвидо Аретинский (ок. 990 – ок. 1050). Он был руководителем капеллы бенедиктинского аббатства Помпоза, с 1025 г. работал в кафедральном соборе в Ареццо (отчего и получил свой псевдоним). Гвидо был автором ряда новаций в музыкальной теории и образовании. Во-первых, он изобрел четырехлинейную нотацию. Во-вторых, ему принадлежат названия для основных звуков – Ut, Re, Mi, Fa, Sol, La. Как пишет Л. В. Маркова, «это были начальные слоги первых шести строк латинского гимна, написанного монахом Павлом Диаконом в честь апостола Иоанна Крестителя... Вероятно, что Гвидо д'Ареццо сам написал мелодию на имеющийся текст. Согласно легенде, Иоанн – покровитель певцов. Вот строки этого гимна: *Utqueantlaxis; Resonarefibris; Miragestorum; Famulituorum; Solvepolluti; Labiireatum; Sanctelohannes*. Эти названия ступеней, за исключением первой, сохранились до наших дней. Позднее слог Ut заменили на Do. Появилось название ещё одного звука – Si, который был образован из первых букв словосочетания *Sanctelohanne* – Святой Иоанн» [22]. В-третьих, между 1026 и 1030 гг. Гвидо пишет свой самый большой трактат «Микролог», где он составляет новый антифонарий, который со временем был утерян. В-четвертых, именно он изобретает сольмизацию. Его музыкальная реформа «наделала много шума» и сделала своего автора знаменитым.

Ю. Н. Холопов и Р. Л. Поспелова в статье «Новации Гвидо Аретинского в музыкальной науке и практике» [23] говорят о том, что за нововведениями Гвидо угадывается концепция музыкального мышления, музыкальная методология. «Предпунктом изложения этой системы можно считать тот философский метод, который прямо не проявляется ни у Гвидо, ни у других музыкаль-

ных теоретиков, но наметить который кажется необходимым для музыкальной науки. Именно в данную эпоху среди течений западной философии обнаруживается оппозиция схоластики и мистики. В музыкальной науке было бы допустимо воспользоваться этими терминами для разграничения методологии западной, с ее рационализмом и схоластикой, и восточной, византийской, с ее сакральной мистикой... Религиозная философия схоластики имела своим методом принцип постижения Бога посредством рассуждения, логики; мистики – посредством чувства и сверхразумного созерцания. Иначе говоря, схоластика придала христианской теологии «рационализированный характер» [24]. И далее: «В музыке аналогом божественной эманации было Божье слово священных текстов и от Бога же (не от человека, тварного существа) произошедшее церковное пение, сакральное искусство. Аналогом же схоластического метода в музыкальной науке стал рациональный метод общего упорядочивания всех элементов музыки. Поэтому у Гвидо фигурирует “музикус”, то есть музыкант-ученый, практик-теоретик в одном лице. Рациональность таких музикусов в том, что они, по словам Гвидо, “знают, как слагается (или компонуется) Музыка” – с большой буквы!» [25]. Отметим здесь появление феномена музыканта-ученого-композитора – «музикуса», для которого музыка становится профессиональной деятельностью.

Кроме того, Ю. Н. Холопов и Р. Л. Поспелова говорят о зачатках осмысления Гвидо типов тематизма в синтезе слова и музыки: «Характер мелодии должен подражать событиям, так чтобы печальным событиям соответствовали бы мрачные [низкие] мелодические обороты, спокойным – приятные, а счастливым – ликующие и т. п.» [26]. Исходя из замечания Гвидо, также можно судить о зарождении первых рассуждений о каденции: «Звуки в конце строк должны всё медленнее приходить к точке взятия дыхания, бегущей лошади подобно, как если бы они достигали остановки, изнуренные тяжелым трудом» [27].

Примерно в 1320 г. появляется трактат французского теоретика Филиппа де Витри «Новое искусство» (*Arsnova*). Термин (*arsnova*, *arsmoderna*) появился в начале XIV в. в противопоставление «старой» технике музыкального письма (*Arsantiqua*). Возникновение новой техники музыкального письма связано с зарождением многоголосия, требующего метрической и ритмической организации голосов, а следовательно, и нотации, конкретизирующей ритм. Отталкиваясь от «временного» показателя, позднее в полемике окажутся оппозиции «старых» и «новых» музыкальных жанров (строгая «сдержанность» старинной музыки противопоставлялась дерзкой «распушенности» музыки новой). Важным является тот факт, что Витри одним из первых вносит в музыкальную грамоту т. н. музыкальные размеры, констатируя трансформацию «вечного длящегося» времени хорала в дискретную структуру «новой музыки». «Вместе с “размерами” он ввел и знаки для них, – находим мы у Р. Л. Поспеловой. – До него не было систематического обозначения титульных мензур в нотных рукописях... То, что мы знаем как С – единственная уцелевшая из “четырех пролаций”. Остальные исчезли, но были заменены цифровыми обозначениями: $\odot = 9/4$ $\odot = 6/4$ $\odot = 3/2$ $\odot = 2/2$ (4/4)...» [28]. «Второе гениальное открытие Витри, – пишет Р. Л. Поспелова, – связанное с первым, – это изобретение штиля для семибревиса, превратившего его в миним. Поистине это была волшебная палочка, подарившая нам изображение будущей половинной ноты» [29]. Отметим здесь также, что Витри был автором одних из первых образцов мотетов, ле, рондо, т. е. светских жанров на духовные тексты.

В XIV в. в Италии Филиппо Виллани предпринимает первую попытку написания биографии Боккаччо, Петрарки, Джотто и флорентийского композитора Франческо Ландини. Так осуществляется «проба пера» в области истории музыки. Очевидно, что усиливается интерес к персоне автора, подробностям его жизни, импульсам создания произведений и пр. Тогда же, в XIV в., появляется еще одно новаторское исследование, впервые поднимающее проблему жанров в музыке и их направленности на различные группы слушателей, это трактат «О музыке» Иоанна де Грохео. Однако работа Грохео оказалась преждевременной и осталась без должного внимания современников. М. Ш. Бонфельд пишет: «Такой подход к музыкальному искусству оказался столь необычным, что никто из ученых не поддержал его, не продолжил его опыта, хотя именно этот безвестный “магистр” (как он сам себя именовал) предвосхитил многие идеи эпохи Возрождения периода расцвета» [30].

Таким образом, в европейских средневековых христианских трудах, носящих в основном утилитарный характер, постепенно «вызревает зерно» музыкальной теории и науки. С точки зрения понимания, смысла и ценности музыка дифференцируется на «хорошую» и «низкую». «Хорошая» музыка представлена церковными песнопениями, требует работы разума, связана с воплощениями идей Духа и Истины. «Низкая» инструментальная, чувственная музыка не требует «разумения» и создана для «улады слуха». И «хорошая», и «низкая» музыка, тем ни менее, причастны к идеям красоты, числа и мировой гармонии. С точки зрения теории музыки эти трактаты уже содержат представления о ладах, музыкальном строе, размерах, жанрах, каденции и т. д. Зна-

чимым является формирование представления о профессиональном музыканте, теоретике, композиторе – «музикусе».

В России также были попытки философского осмысления музыки. Первоначальные элементы русской музыкальной теоретической мысли, как и в Европе, связаны с культовой музыкой. Общепринятым является признание знаменного распева первым образцом профессионального музыкотворчества в России. Русские музыкально-теоретические трактаты Средневековья также имеют прикладной характер. Это были руководства по знаменной нотации, словари музыкальной терминологии, знаменные певческие азбуки (т. н. «азбуковники»). В. В. Протопопов в своей книге «Русская мысль о музыке в XVII веке» [31] пишет о том, что размышления о пении, как «усплаждающем жизнь искусстве», находятся уже в трудах Никона Черногорца (конец XI в.): «пес(н)ь убомногих в преисподняя земли сведе не токмо мир скианъ священники в блуды и в страсти многих потопа, пение бо чюд [о] мирским есть того бо ради събираются людие в церквах. Помысли чадо колико чинов аггелских на небесех и не пишется о них яко с охтоихом поють» [32]. В. В. Протопопов изучил несколько десятков рукописных азбуковников XVI–XVII вв. и обнаружил присутствие в некоторых из них определения музыки – «мусикии». «Алфавитарь», например, содержит такое определение: «Пиитика – стихотворное учение. Логика – часть или орудие философии. Физика – о естественных и существенных учение. Мусикиа – пению наука» [33]. В азбуковнике «Книга, глаголемая Алфавит» (1596) В. В. Протопопов нашел следующее определение: «Мусикия, гудение в гусли в домры в лыри, и в цынбалы и прочая струны имеющая, вся та мусикия наричются органы мусикийския» [34]. В «Азбуковнике из собрания Ундольского» находим не только определение музыке, но и различие в понимании музыкального оформления православной службы от католической: «О еже что есть мусикия. Мусикия гудение рекше игра гуселная и с кинироврекшелерей и домры и подобных сим... К сему же песневец, рекше псалтырь и самбикия еже есть цевница. ... Якоже пишет во 150-м псалме тимпаны, струны, кимвал. Но всеми теми живодовенятца жертву и хвалу боговиприносити. Мы же православное христианство, новый Израиль и сынове суще света, не тако, но мысленно устроение мусикинскоеприяхом, понеже та беша образ нынешней новей благодати. Они убоприношаху богу службу чювственным псалтырем, мы же умом очищенным. Они гуслими, мы же мысли благи и прочая» [35].

В. В. Протопопов замечает, что в некоторых азбуковниках музыка трактуется как одна из семи свободных муз, в числе которых: грамматика, диалектика, риторика, музыка, арифметика, геометрия, астрономия. «Эти науки имели стойкую традицию, – пишет исследователь, – что в похвалу им было написано и широко разошлось в копиях “Сказание о семи свободных мудростех”» [36] (см. ниже). Оппозицию им составляли суждения, принадлежащие ориентировочно Максиму Греку (1470–1556): «Мафиматиския [математические] книги, их же суть четыре – арфиматикии, мусикии, гиометрии, астрономии – ученья книги отреченныя», и на поле содержится отсылка – Максим Грек. К «отреченным» книгам, называемым также «черными», относили арифметику, геометрию, музыку и астрологию, претендовавшую на разгадку человеческой судьбы с помощью звезд, с чем церковь согласиться не могла: «Марфиматикии суть небесныя телеса, мудрствующее имети владычество всея твари. И подвижением сих управлятися нашим, явственно же реци, яко мафиматики ею наричет зодии и планеты. И всяк веруаяй звездочетию и планитам и всякому чернокнижию проклят есть святыми отцы» [37]. Заметим, однако, что музыка сюда относится в силу причисления ее к математическим наукам. Тем не менее «отцы церкви» первых веков христианства, такие как Иоанн Златоуст, видели в «мусикии» божественное начало и не отрицали ее, что должно было бы исключать музыку из чернокнижия.

Порицание музыки в азбуковниках будет преобладать до середины XVII в., как «песни и кощуны бесовския» [38]. Первое позитивное упоминание о музыке как о науке В. В. Протопопов обнаруживает в Лексиконе Памвы Берынды (начало XVII в.), который, видимо, был знаком со «Сказанием»: «Мусика, спевакия бо играче на голоса спеваючи, а бо граючи; от седми вызволенных четвертая наука» [39].

В одном из азбуковников собрания Ушакова В. В. Протопопов находит определение мелодии как «сладоковизации» – вариант от слова «вискание» или «викание», употребляемое до XVII в. в отрицательном смысле, как визг, крик, верещание. В азбуковнике же Ушакова смысл термина явно положительный. В. В. Протопопов придает особое значение включению термина «мелодия» в специальную музыкальную литературу и общезыковой обиход XVII в.: «Музыкальная терминология пополнилась столь перспективным термином, которому принадлежало будущее» [40].

Определения жанров духовной музыки в азбуковниках редки и связаны с определением «степенны»: «Степень нарицаются псалмы осмыя на десять кафисмы. Понеже бо от поющих я [их] лествицеюнекою возводят я [их] умом от земных на небесная мудрования. Толкует бося песнь

степенная песнь высоких, сиречь на высоте добродетели живущих, аще бо степени они и видом мали суть, но великих деянии и видении наставницы чтущих я [их]» [41].

«Сказание о семи свободных мудростех», как и большинство азбуковников, принадлежит анонимному автору. «Сказание» – это «похвала в честь научных дисциплин, с древних пор преподававшихся и изучавшихся в учебных заведениях Европы», – пишет В. В. Протопопов. Незвестный автор описывает с восхищением каждую науку (грамматика, диалектика, риторика, музыка, арифметика, геометрия, астрономия), определяет ее содержание и место, «не чуждаясь иногда и ссылок на божественный промысел, – это было естественно в идеологических условиях XVII века» [42]. По мнению автора «Сказания», музыка – «всеми любимая, доставляющая радость мудрость», при этом он дифференцирует музыку на слышимую («естествогласную») и неслышимую («богогласную»). В свою очередь, слышимая музыка делится на общую и особенную, то есть, на коллективную и индивидуальную: «...егда случится по единому гласу коемуждо органу особно-гласати». Воображаемая (неслышная) музыка не разделяется. «Четвертая мудрость» «Сказания» – «первый русский трактат, давший эстетическое обоснование выдающейся роли музыки в жизни общества, – полагает В. В. Протопопов. – Мысли автора еще скованы образами религиозного характера, но начало реалистического понимания музыки положено и далее будет развиваться» [43].

В 1675 г. Николай Спафарий (русский дипломат и ученый молдавского происхождения) и Петр Долгово (переводчик и дьяк Посольского приказа) пишут «Книгу избранную вкратце», структурно и содержательно похожую на «Сказания». Теперь к каждой «мудрости» они вводят предисловия и отводят «мусике» не четвертое, а пятое место, и называют ее «художеством». Существенным является тот факт, что Спафарий в толковании музыки отходит от религиозной трактовки «четвертой мудрости»: «Яко великую ползу житию человеческому соделовае и ко благочестию устремляе, и нравы добрыми, и сама часть есть благочестие» [38]. Кроме того, Спафарий вводит ряд важнейших музыкальных понятий, таких как гармония («армония»), мелодия, лады (дорийский, лидийский, фригийский), контрапункт («противу срока»), которые получают развитие в России спустя столетия в работах музыкантов конца XVIII – начала XIX вв. И хотя многие термины у Спафария даны в тезисном изложении, без пояснений, важен сам факт их появления в русской музыкальной теории и практике. Мелодия, например, трактуется Спафарием в нескольких выражениях: «песнествование», «единопение» и «художественное расположение» звуков по интервалам («единицею, двоичею и троичею мусикийскими») [44]. Впервые в русском музыкознании у Спафария появляются категории образа и движения в музыке. Образ для него – эквивалент понятиям модус и лад. Движение понимается им как законченность («совершенство») произведения, достигаемая через объединение интервалов кварты, квинты, октавы («чрез четыре, чрез пять и чрез вся») [45]. В. В. Протопопов указывает на пояснения Спафария: «Три совершенства от стояния во мусике: диатессарон, сиречь четыре, диапенте, сиречь пять, и диатансон, сиречь через всех гласов» [46]. Здесь, вероятно, имеется в виду кадансовое завершение на созвучии кварты, квинты и октавы.

Усложнение нотного письма, возникшего вследствие возникновения многоголосия, повлекло за собой появление в знаменной нотации различных дополнительных обозначений (киноварных помет, фит, заремб и пр.), толкование которых требовало составления справочников по их расшифровке. Такими справочниками стали работы второй половины XVII в.: азбуковник инока Христофора «Ключ знаменной», «Сказание о пометках, еже пишутся в пении над знаменем» И. А. Шайдура, «Извещение о согласнейших пометах» А. Мезенца и др.

Последующие труды, такие как «Мусикия» Иоанникия Коренева, «Мусикийская грамматика» Николая Дилецкого, «Жезл правления» Симеона Полоцкого и др., посвящены многоголосному пению и свидетельствуют о становлении нового типа музыкального мышления, иного понимания музыки, ее философского осмысления в эпоху Нового времени. Иоанникий Коренев пишет: «Мусикия есть вторая философия и грамматика, гласы степенми промеряющая, якоже в словесной философии или грамматике исправление словес, свойство их, слог, речение, рассуждение, познание и нарицание стихам, всем качеством и количеством; такоже и мусикия вся, степени гласовом имущая – умиление или радостным притворенным счинением, яко риторски или философски красящая слухи слышащих...» [47]

Так, в русских средневековых трактатах богослужебная музыка – «мусикия» – предстает как добродетель, «благочестие», «четвертая мудрость». Отличительной чертой православного богослужения является отрицание присутствия музыкальных инструментов, отвлекающих от христианских догматов. Подводя итоги сказанному, подчеркнем основные моменты:

– в настоящее время вопросы, рассматриваемые в музыковедении, выходят за рамки существующих дисциплин и требуют формирования новых областей, таких как философия музыки. Актуальными вопросами философии музыки являются смысл, ценность музыки и ее понимание;

– в творчестве мыслителей раннего Средневековья еще содержатся отголоски античной философии (отношение к числу, космическая гармония и т. п.), но уже формируются первые представления о музыке как о самостоятельном искусстве и науке, происходит ее дифференциация на «серьезную», требующую «разумения» и «работы духа», музыку, и «легкую», «успокаивающую слух»;

– с X в. музыка и размышления о ней сковываются регламентом церковного канона, что в европейской культуре связано с рационализмом схоластики, а в восточно-византийской традиции – с мистическим постижением Бога. Церковное пение (григорианский хорал и знаменный распев) считались эманацией Божией, воплощением Духа и Истины;

– возникновение многоголосия в рамках церковного пения и полифонии в инструментальной музыке свидетельствовало о формировании нового типа музыкального мышления, повлекшего за собой появление новых ракурсов изучения музыки, реформу нотного письма, усиление внимания к экспрессивной стороне выражения христианских смыслов;

– в целом, и в Европе, и в России в средневековых христианских трактатах музыка воспринималась как одна из «семи свободных мудростей», данных Богом, а потому связанных с идеалами блага, истины и порядка.

Примечания

1. Коломиец Г. Г. Смысл и ценность музыки // Ценности и смыслы, 2010. Вып. № 1 (4). С. 43–57.
2. Там же. С. 43.
3. Там же. С. 43.
4. Бычков В. В. Эстетика отцов церкви. URL: www.nnre.ru/religiovedenie/yestetika_otcov_cerkvi/index.php
5. Там же. Гл. V.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же.
12. Цитаты Августина В. В. Бочков использует в переводе В. П. Зубова: Зубов В. П. Августин // Музыкальная эстетика западноевропейского Средневековья и Возрождения. М., 1966. С. 118–148.
13. Там же. Гл. V.
14. Там же.
15. Там же.
16. Там же.
17. Там же.
18. Коломиец Г. Г. Смысл и ценность музыки // Ценности и смыслы. 2010. Вып. № 1 (4). С. 52.
19. Там же.
20. Там же.
21. Там же. С. 53.
22. Маркова Л. В. Гвидод'Арецо. URL: https://www.musictheory.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=458:guido-darezzo&catid=3&lang=ru&Itemid=162.
23. Холопов Ю. Н., Поспелова Р. Л. Новации Гвидо Аретинского в музыкальной науке и практике // Музыкально-теоретические системы. М., 2006. С. 109–131.
24. Там же. С. 126.
25. Там же. С. 127.
26. Там же. С. 115.
27. Там же. С. 116.
28. Поспелова Р. Л. Трактат, давший имя эпохе: «Arsnova» Филиппа де Витри // Старинная музыка. 1999. № 1. URL: http://www.mmv.ru/sm/arta/01-05-1999_arsnova.htm
29. Там же.
30. Бонфельд М. Ш. Музыка: Язык. Речь. Мышление. Опыт системного исследования музыкального искусства. СПб.: Композитор, 2006. С. 19.
31. Протопопов В. В. Русская мысль о музыке в XVII веке. М.: Музыка, 1989. URL: http://www.canto.ru/index.php?menu=public&id=medieval.17cent_01
32. Цит. по: Протопопов В. В. Русская мысль о музыке в XVII веке...
33. Азбуковник из собрания Тихонравова. Цит. по: Протопопов В. В. Русская мысль о музыке в XVII веке....
34. Протопопов В. В. Русская мысль о музыке в XVII веке...
35. Там же.

36. Там же.
37. Там же.
38. Там же.
39. Там же.
40. Там же.
41. ГБЛ, ф. МДА. № 116 (154). Л. 4-4 об. Цит. по: 32.
42. Протопопов В. В. Русская мысль о музыке в XVII веке...
43. Снафарий Н. Эстетические трактаты. С. 39. Цит. по: Протопопов В. В. Русская мысль о музыке в XVII веке...
44. Протопопов В. В. Русская мысль о музыке в XVII веке...
45. Там же.
46. Там же.
47. Там же.

Notes

1. Kolomic G. G. *Smysl i cennost' muzyki* [Sense and value of music] // *Cennosti i smysly* – Values and meanings. 2010, is. No. 1 (4), pp. 43-57.
2. Ibid. 43.
3. Ibid. 43.
4. Bychkov V. V. *EHstetika otcov cerkvi* [Aesthetics of Church fathers]. Available at: www.nnre.ru/religiovedenie/yestetika_otcov_cerkvi/index.php
5. Ibid. Ch. V.
6. Ibid.
7. Ibid.
8. Ibid.
9. Ibid.
10. Ibid.
11. Ibid.
12. Quotes of Augustine V. V. Bochkov uses in the translation by V. P. Zubov: *Zubov V. P. Avgustin* [Augustine] // *Muzykal'naya ehstetika zapadnoevropejskogo Srednevekov'ya i Vozrozhdeniya* – Music aesthetics of Western European middle ages and the Renaissance. M. 1966. Pp. 118-148.
13. Ibid. Ch. V.
14. Ibid.
15. Ibid.
16. Ibid.
17. Ibid.
18. Kolomic G. G. *Smysl i cennost' muzyki* [Sense and value of music] // *Cennosti i smysly* – Values and meanings. 2010, is. No. 1 (4), p.52.
19. Ibid.
20. Ibid.
21. Ibid. P. 53.
22. Markova L. V. *Gvidod'Arecco* [Guido d'Arezzo]. Available at: https://www.musictheory.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=458;guido_darezzo&catid=3&lang=EN&Itemid=162.
23. Holopov YU. N., Pospelova R. L. *Novicii Guido Aretinskogo v muzykal'noj nauke i praktike* [Innovations of Guido the Aretin in musical science and practice of musical theoretical system]. M. 2006. Pp. 109-131.
24. Ibid. P. 126.
25. Ibid. P. 127.
26. Ibid. P. 115.
27. Ibid. P. 116.
28. Pospelova R. L. *Traktat, davshij imya ehpohe: «Arsnova» Filippa de Vitri* [Treatise, which gave its name to the era: "Arsnova" by Philippe de Vitry] // *Starinnaya muzyka* – Antient music. 1999, No. 1. Available at: http://www.mmv.ru/sm/arta/01_05_1999_arsnova.htm
29. Ibid.
30. Bonfel'd M. SH. *Muzyka: YAzyk. Rech'. Myshlenie. Opyt sistemnogo issledovaniya muzykal'nogo iskusstva* [Music: Language. Speech. Thinking. Systematic studies of musical art]. SPb. Compositor. 2006. P. 19.
31. Protopopov V. V. *Russkaya mysl' o muzyke v XVII veke* [Russian thought on music in the seventeenth century]. M. Music. 1989. Available at: http://www.canto.ru/index.php?menu=public&id=medieval.17cent_01
32. Cit. by: Protopopov V. V. *Russkaya mysl' o muzyke v XVII veke* [Russian thought on music in the seventeenth century...]
33. *Azbukovnik iz sobraniya Tihonravova* – Handbook from the collection of Tihonravov. Cit. by: Protopopov V. V. *Russkaya mysl' o muzyke v XVII veke* [Russian thought on music in the seventeenth century...]
34. Protopopov V. V. *Russkaya mysl' o muzyke v XVII veke* [Russian thought on music in the seventeenth century...]
35. Ibid.
36. Ibid.
37. Ibid.

38. Ibid.
39. Ibid.
40. Ibid.
41. State library n. a. Lenin, fund of Moscow Spiritual Academy. No. 116 (154). Sheet 44 turn. Cit. at: 32.
42. *Protopopov V. V. Russkaya mysl' o muzyke v XVII veke* [Russian thought on music in the seventeenth century...]
43. *Spafarij N. EHsteticheskie traktaty* [Aesthetic treatises]. P. 39. Cit. by: *Protopopov V. V. Russkaya mysl' o muzyke v XVII veke* [Russian thought on music in the seventeenth century...]
44. *Protopopov V. V. Russkaya mysl' o muzyke v XVII veke* [Russian thought on music in the seventeenth century...]
45. Ibid.
46. Ibid.
47. Ibid.

УДК 1(47) «18/19»(091)

Л. В. Балабаева

Идеи Софии и теургии в русском религиозно-философском символизме конца XIX – начала XX в.

В статье анализируются софиология и теургия как фундаментальные религиозно-философские основания русского символизма. Данная проблематика исследуется на материале работ таких русских философов, как В. С. Соловьев, П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев.

София и теургия представлялись им как важнейшие понятия в стремлении постичь возможные пути созидательного преобразования мира. София (греч. sophia – мастерство, знание, мудрость) – представление о смысловой наполненности мира. По мысли русских философов, София – средоточие любой творческой деятельности, в том числе и культурной. В доступных человеку ощущениях софийность мира открывается как красота. София в искусстве символизирует божественное знание и возможность гармоничного единения человека с Богом, сотворчество.

Теургия (греч. Theos – бог, ergon – работа; буквально – боготворчество) – термин, фиксирующий феномен перманентного присутствия Бога в постоянно эволюционирующем мире. По мысли русских философов, это сам процесс созидания новой культуры. Его результатом является озаренная божественным сиянием сверхкультура. Одним из базовых средств такого созидания утверждается теургическое искусство. Концепция Софии имеет непосредственную связь с теургией, ибо именно в ней черпает художник, творящий в гармонии с божественным замыслом, высшие энергии. Реализуя эти энергии в искусстве, он наделяет его теургическим, преображающим свойством.

The article analyzes sophiology and theurgy as the fundamental religious and philosophical foundations of Russian symbolism. This problem is studied on the basis of the work of such Russian philosophers as V. S. Soloviev, P. A. Florensky, S. N. Bulgakov, N. A. Berdyaev.

Sofia and theurgy were considered by them to be the most important concepts in an effort to comprehend possible ways of creative transformation of the world. Sofia (Greek sophia – skill, knowledge, wisdom) is the idea of the world filled with meaning. According to the Russian philosophers, Sofia is the focus of any creative activity, including cultural activity. In the accessible sensations, the Sophia of the world is revealed as beauty. Sofia in art symbolizes divine knowledge and the possibility of harmonious union of man with God, co-creation.

Theurgy (Greek theos – god, ergon – work; literally – godmaking) is a term fixing the phenomenon of the permanent presence of God in a constantly evolving world. According to the Russian philosophers, this is the very process of creating a new culture. Its result is super-culture illuminated by the divine radiance. One of the basic means of such creation is theurgic art. The concept of Sophia has a direct connection with theurgy, from which the artist, creating in harmony with the divine plan, gets higher energies. Realizing these energies in art, he endows it with a theurgic, transforming property.

Ключевые слова: символизм, русская философия, София, софиология, теургия, красота, культура, творчество, искусство, всеединство.

Keywords: symbolism, Russian philosophy, Sofia, sophiology, theurgy, beauty, culture, creativity, art, unity.

На рубеже XIX–XX вв. в России формируется религиозно-философское течение символизма. Возникнув в эпоху переоценки ценностей религии, философии, науки, искусства, русский религиозно-философский символизм выступил с критикой существующих форм знания и творчества,

противопоставляя пессимизму и созерцательности активное, творческое отношение к жизни. Символисты критикуют религию, которая «убила Бога живого»; современное им натуралистическое искусство, забывшее о своем высоком предназначении быть устройтеlem жизни; философию, отказавшуюся от живого сознания, истины, смысла; науку – за ее универсальную претензию объяснить все жизненные процессы [1]. Учение о живом символическом мире противопоставлялось «мертвой жизни» современной им цивилизации. Даже удивительно, насколько все это актуально и в наши дни!

Весьма плодотворно данное направление было отражено в творчестве ряда выдающихся русских философов рубежа XIX–XX вв. Наиболее заметный вклад в развитие философии символизма внесли В. С. Соловьев, П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, А. Ф. Лосев. В рамках их символических построений речь шла, ни много, ни мало, о творчестве Жизни. В связи с этим русский религиозно-философский символизм некоторым образом перекликается с неогуманистическими учениями западной философии XX в. В частности, некоторое созвучие идей можно обнаружить в произведениях А. Швейцера, М. Хайдеггера, К. Ясперса, А. Камю, Ж. Маритена, Э. Фромма, П. Тейяра де Шардена, Ю. Хабермаса и др.

Существеннейшим элементом размышлений и надежд русских символистов было богоискательство. Многие представители культуры Серебряного века были уверены, что последним оправданием культуры является Творец, Бог. Русские философы той поры свою важнейшую задачу, как правило, видели в том, чтобы «дать положительный ответ на вопрос о присутствии в мире Последней Истины» [2]. Им насущной необходимостью виделось возвращение объединенного истиной мира в Божье лоно.

Одним из фундаментальных религиозно-философских оснований русского символизма, по нашему мнению, можно считать софиологию (учение о Софии – Премудрости Божией). Софии – Премудрости Божией – и её связи с земным миром уделяли большое внимание такие мыслители Серебряного века, как В. Соловьёв, П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков и др.

У В. С. Соловьева софиологическая проблематика связывает все его творчество, как философское, так и поэтическое. Софийная символика является универсальной для всего его философского творчества (философ размышлял о Софии с 9-летнего возраста и до самого последнего года своей жизни). Но идея Софии в творчестве В. Соловьева характеризуется также и грандиозным смысловым разнообразием, иногда и противоречивостью. Цельного и логически стройного учения о Софии он не представил. Он стремился в своем философском творчестве к универсализму, и при этом позволял себе подчас пренебрегать разного рода деталями.

В своем философском постижении Софии В. Соловьев соотносит ее в различных аспектах и с божественным, и с тварным миром. Он колеблется, определяя Софию то как тело Божества, то как душу мира. Он очень радикально обосновывал роль Софии в миротворении, утверждая премирное метафизическое грехопадение Софии как одного из божественных начал. София захотела обладать всем от себя, как Бог, и тем самым ввергла себя в антибожественное состояние метафизической децентрализованности. В дальнейшем некоторые из указанных аспектов понимания Софии В. Соловьевым были отстранены, но общая идея падения мировой души сохранилась. София для В. Соловьева является необходимой ступенью в разрешении проблемы мирового зла. Его метафизической причиной В. Соловьев считал воспламенение эгоистической воли Софии.

Возвращение мира из хаоса в космос понималось В. Соловьевым как процесс надления пассивной и женственной мировой души образующим и оформляющим ее божественным Логосом, процесс боговоплощения и искупления. Таким образом, именно в Софии Премудрости Божией видел он «важнейшую роль в борьбе созидательно-упорядочивающего, то есть эстетического, начала с хаотическим в божественном творении мира» [3]. София пронизывает собой любую творческую деятельность и способствует созидательной эволюции.

Эта принципиальная антиномичность Софии позволяет ей самой «избрать направление своего стремления: она может сохранить своё единство с высшим, божественным началом, а может и отпасть от него, утвердив себя вне Бога и вместо Бога» [4]. При стремлении к высшему, божественному она обладает соединительной силой; если же она решает реализовать свою собственную свободу, утвердить себя вне Бога, то отпадает от Абсолюта и приобретает демонические черты. В связи с этим, например, В. В. Бычков подметил сходство между двойственностью Софии и выбором свободного художника, который волен как преодолеть свои низменные наклонности и творить в соответствии с божественным всеединством, так и отказаться от идеала в пользу своего земного существования [5].

Огромный вклад в развитие религиозно-философского символизма внес другой выдающийся русский мыслитель, младший современник В. С. Соловьева П. А. Флоренский. Он посвятил Софии 10-е письмо своей знаменитой работы «Столп и утверждения Истины» (1914 г.). В его раз-

мышлениях София – не метафизическая сущность, а религиозная реальность, поскольку постигается она прежде всего посредством религиозной интуиции. Это «Вечная Невеста Слова Божия», не имеющая бытия вне Его и независимо от Него, осуществленная Премудрость Божия (Логос), «пред-существующая миру».

Для П. А. Флоренского София есть Великий Корень цело-купной твари, через который она получает себе Жизнь Вечную от Единого Источника Жизни. София, в его понимании, является первозданным естеством всякой твари, творческой Любовью Божией. Но это единство не однородно, оно иерархично устремлено к Богочеловеку. Данная софийная иерархия включает в себя всю тварь, человечество, церковь, церковь святых, Богородицу. В Богородице сочетаются сила Софийная (ангельская) и человеческое смирение. Она – центр тварной жизни, точка соприкосновения земли с небом, имеющая космическую власть [6].

Но это не просто тварь, а ее субстантивированный образ, «Ангел-Хранитель твари», идеальная личность мира. «Премудрость в твари есть не только деятельность, но и субстанция; она имеет существенный, массивный, вещный характер» [7]. Благодаря ей между тварью и Богом нет онтологического разрыва. София в понимании Флоренского – это четвертый ипостасный элемент. Она участвует в жизни Триипостасного Бога по Божественному снисхождению, но не по естеству. «София участвует в жизни Триипостасного Божества, входит в Троичные недра и приобщается Божественной Любви. Но, будучи *четвертым*, тварным и, значит, не едино-сущным Лицом, она не «образует» Божественное Единство, она не «есть» Любовь, но лишь *входит* в общение Любви, *допускается войти* в это общение по неизреченному, непостижимому, немысленному смирению Божественному» [8].

При ипостасном ракурсе рассмотрения идея Софии представляется Флоренскому неоднородной, дифференцированной, тройственной, в зависимости от того, в соотношении с какой из Божественных Ипостасей она созерцается. «Под углом зрения Ипостаси *Отчей* София есть идеальная *субстанция*, основа твари, мощь или сила бытия ее; если мы обращаемся к Ипостаси *Слова*, то София – *разум* твари, смысл, истина или правда ее; и, наконец, с точки зрения Ипостаси *Духа* мы имеем в Софии *духовность* твари, святость, чистоту и непорочность ее, т. е. красоту» [9]. Подобная тройственность идеи Софии созвучна видению Софии В. Соловьевым, представленному в «Философских началах цельного знания» (1877), где сущность (идея) Абсолютного раскрывается как Благо, Истина и Красота.

Свое, во многом перекликающееся с позицией П. А. Флоренского, учение о Софии представил С. Н. Булгаков на страницах своего основного труда «Свет невечерний» (1917 г.). Размышляя над онтологической проблематикой мира, он анализирует «софийность твари». «Божество... исходит из Себя в творении. Но поставляя рядом с Собой мир вне-Божественный, Божество тем самым полагает между Собой и миром некую грань, и эта грань... находится *между* Богом и миром, Творцом и тварью, сама не есть ни то, ни другое, а нечто совершенно особое, одновременно соединяющее и разъединяющее и то, и другое... Ангелом твари и Началом путей Божиих является св. София. Она есть *любовь Любви*» [10].

Но София, по мнению Булгакова, не лишена жизненной конкретности и силы бытия. Ее нельзя мыслить только как идеальное представление. Она «как любовь Любви и любовь к Любви... обладает личностью и ликом... есть ипостась... есть особая, иного порядка, четвертая ипостась» [11]. Но она не есть Бог, не участвует во внутривожественной жизни. Догмат Св. Троицы для С. Н. Булгакова непоколебим. София является началом многоипостасности, так как за ней следуют многие ипостаси (людей и ангелов), находящиеся в софийном отношении к Божеству. «Себя отдаением Божественной Любви она в себе зачинает все. В этом смысле она *женственна*, восприимлюща, она есть «Вечная Женственность». Вместе с тем она есть идеальный, умопостигаемый мир, ВСЕ... *В женственности тайна мира*. Мир в своем женственном «*начале*» уже зарожден ранее того, как сотворен» [12].

София Булгакову, как и Флоренскому, также представляется многоликой. Ликом, обращенным к Богу, она – Его Образ, идея, Имя. Обращенная к ничто, она – вечная основа мира, Небесная Афродита. Она и горний мир умопостигаемых вечных *идей*, «открывшихся» философскому и религиозному созерцанию Платона. «Мир тварный существует, имея своей основой мир идей, его озаряющий, иначе говоря, *он – софиен*, вот величайшая, содержательнейшая и важнейшая истина о мире...» [13]

София открывается в мире как красота, которая есть осязаемая софийность мира. Например, можно привести бесчисленное количество примеров красоты природы, человека, отношений и пр. «Красота предмета есть его софийная идея, в нем просвечивающая» [14]. В связи с этим С. Н. Булгаков утверждает, что гораздо больше, чем философия, Софию знает искусство. «Художник не только зрит Софию умными очами, но послушным резцом являет миру свое видение...

Всякое подлинное искусство, являющее красоту, имеет в себе нечто вещее, открывает высшую действительность» [15]. Булгаков тем самым подчеркивает исключительное значение искусства, его иерархическую высоту.

Итак, София в рассуждениях многих представителей русского религиозно-философского символизма предстаёт как нечто очень сложное, противоречивое, связанное с высшим, горним миром и питающее своими духовными импульсами земной мир, даже определенным образом рождающее его. В доступных человеку ощущениях софийность мира открывается как красота. Именно это обуславливает то, что огромную роль для человечества в постижении сущности бытия, его онтологических оснований играет искусство. А его важнейшим свойством является софийность, пронизанность его божественными энергиями, доступными к постижению художнику, вставшему на путь реализации божественной гармонии. София в искусстве символизирует божественное знание и возможность гармоничного единения человека с Богом, сотворчество. Она помогает художнику найти правильный путь, обрести себя в красоте, которая, таким образом, в рамках символического подхода наделяется онтологическими и гносеологическими свойствами.

Даже при столь кратком обращении к наследию выдающихся русских мыслителей мы видим, что в своих размышлениях о Софии они были очень глубоки. София – это средоточие любой творческой деятельности и эволюции, в том числе и культурной. Кроме того, именно через постижение Софии подчас ими усматривалась принципиальная возможность возвращения человека и культуры на созидательную стезю, несмотря на все глобальные потрясения той эпохи.

Не менее важным духовным источником русского символизма, во многом определяющим его эстетику, на наш взгляд, является теургия. Мы обнаружили глубокий интерес к этой проблеме как в творчестве В. Соловьёва, так и в работах П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева.

Заметим, что в древности теургия считалась магическим процессом связи человека с миром богов и духов с помощью особых действий и слов, достижения богоподобного состояния либо влияния на богов.

В связи с этим мы видим, что В. Соловьёв различал теургию древних обществ (понимаемую как деятельность в единстве священного и мирского) и свободную теургию (понимаемую как цельное творчество, направленное на продолжение развития человечества на основе красоты, которая достигает наиболее высокой ступени именно в искусстве).

В статье «Общий смысл искусства» (1890) философ отмечает, что красота в искусстве есть результат воплощения идеи в материи. «Красота нужна для исполнения добра в материальном мире, ибо только ею просветляется и укрощается недобрая тьма этого мира» [16]. Красота – это не предмет созерцания, но орудие преображения всего существующего и мира в целом. Подлинная красота есть победа добра над злом и всеобщее воскресение первоизданной чистоты творения. Истинная красота, связанная с высшим миром, разлитая в нём, являет собой высшую ступень эволюции, поэтому она выше природной красоты. Красота же, не связанная нравственным добром, безобразна.

Именно свободная теургия позволяет художнику через преображающее искусство приблизиться к идеалу «божественного всеединства». Человек, по сути, должен продолжать эволюцию природы через теургию, помогать Богу в реализации Бытия. «На современное отчуждение между религией и искусством мы смотрим как на переход от древней слитности к будущему свободному синтезу. Ведь и та совершенная жизнь, предвещения которой мы находим в истинном искусстве, основана будет не на поглощении человеческого элемента божественным, а на их свободном взаимодействии» [17]. Красота искусства должна стать предзнаменованием той великой красоты будущей жизни, которую должно обрести человечество.

Таким образом, искусство для Соловьёва является наиболее важным феноменом, способствующим преображению действительности, воплощению божественного замысла. Такое преображение он называет «свободной теургией». «Опираясь на личный духовно-мистический опыт, философ усматривал выход из экзистенциального кризиса на путях обновлённого свободного творчества жизни самими людьми, осознанно обратившимися за божественной помощью в деле последней реализации замысла Творца и имеющими перед внутренним взором в качестве идеала Царство Божие» [18].

Итак, в эстетике Соловьёва теургия занимает особое место, она достигается через способность искусства непосредственно влиять на действительность, преображать её, и именно в ней художник может обрести своё призвание, реализовать свой творческий потенциал. Соловьёв подчёркивал, что человек связан с божественным миром через Софию. Он свободно может избрать путь сотворчества с Богом, творить в гармонии с замыслом всеединства. Такое творчество будет преображающим, теургическим. Именно в теургии воплощается София, художник обретает связь с душой

мира, ему становятся подвластны совершенно особые энергии, противостоящие хаосу и разложению индивидуализма, с одной стороны, и подавлению личности, свободы воли – с другой.

Как мы уже отметили выше, проблемы теургии были также близки П. А. Флоренскому и С. Н. Булгакову. П. А. Флоренский, как и Соловьев, считал теургию исходной формой человеческой деятельности, материнским лоном всех наук и искусств, «реальным условием развития самосознания» и определял ее как «претворение действительности смыслом и смысла действительностью» [19]. Историческое развитие приводит к раздроблению человеческой деятельности, реальность и человеческая деятельность утрачивают свой сакральный характер. Реальности становятся пустыми, деятельности – бесцельными, смыслы – ложными, вещи – утилитарными. Область теургии сужается до обрядовых форм, до культа. Культ определяется как «литургическая деятельность», ведущая к соединению мира Божественного и тварного.

Теургия как задача человеческой жизни осуществляется в творении культуры из культа. Вера определяет культ, а культ – миропонимание, от которого далее следует культура. Культуру саму по себе Флоренский не считал первичной и самодовлеющей ценностью. Для определения подлинной шкалы ценностей необходимо выйти за пределы культуры к ценностям высшим по отношению к ней. Религиозный культ как раз и является, по мнению философа, такой ценностью.

А вот определение теургии С. Н. Булгаковым: это «действие Бога, изливание Его милующей и спасающей благодати на человека» [20]. По его мнению, теургия связана с боговоплощением: «Христос положил абсолютное и неотъемлемое основание для теургии и вручил Церкви теургическую власть» [21]. Теургия – путь преображения мира Софией, «основа софиургии». История, хозяйство, искусство, наука решают задачу теургии – дорастания мира до Бога, его «ософияния».

Проблема теургии не оставила равнодушным и другого выдающегося русского философа – Н. А. Бердяева. Он также очень ярко и полно попытался выразить глубинный ее смысл. «Теургия – искусство, творящее иной мир, иное бытие, иную жизнь, красоту как сущее. Теургия преодолевает трагедию творчества, направляет творческую энергию на жизнь новую. В теургии слово становится плотью. В теургии искусство становится властью» [22]. Бердяев осознаёт теургию «боготворчеством», сотворчеством человека и Бога, направленным на преобразование мира, при котором культура перестаёт быть обособленным явлением. Другими словами, Бердяев говорит о такой эволюции культуры, которая привела бы её к чему-то большему, к сверхкультуре, озарённой божественным сиянием. Таким образом, именно теургическое искусство в гармонии с божественным замыслом должно постепенно преобразить мир.

Бердяев осмысливает символическое искусство как мост к искусству теургическому, «творению жизни в красоте». Он считает, что современный ему глубинный кризис культуры не случаен, он знаменует собой переход к более высокому уровню бытия, однако, возможно, человечество ещё слабо и неспособно совершить этот великий переход. С точки зрения Бердяева, искусство может быть очень разным, однако оно находит свой предел в религиозном выражении, «ибо последние глубины всякого подлинного искусства – религиозны». И именно в теургии сущее раскрывает свою религиозную тайну, то есть религиозно-онтологический смысл бытия. Теургия является пределом возможностей художника в этом мире, ибо «теургия и есть последняя свобода искусства, внутренне достигнутый предел творчества художника» [23]. Через теургию художник вместе с Богом способствует эволюции человечества, отрешению от суетной жизни, преодолению низменных склонностей. Теург теряет свою индивидуальность во имя высшего.

Таким образом, теургия является одним из важнейших феноменов, определяющих своеобразие эстетики русского символизма. Несложно заметить, что концепция Софии имеет непосредственную связь с теургией, ибо именно в ней черпает художник, творящий в гармонии с божественным замыслом, высшие энергии. Реализуя эти энергии в искусстве, он наделяет его теургическим, преображающим свойством.

Завершая данную статью, нам хочется выразить свою убежденность в том, что обращение к проблемам духа и духовности, к богатейшему отечественному философскому наследию является чрезвычайно актуальным и для современных мыслителей. В современном высокотехнологичном обществе человечество подчас склонно забывать о неимоверной глубине и многомерности мира, о потрясающей сложности и величии человека. Космическое, масштабное, реальное подчас подменяется утилитарным, сиюминутным, искусственным. В связи с этим софийные и теургические размышления русских философов рубежа XIX–XX вв. представляют большой интерес.

Примечания

1. Русская философия : энциклопедия. 2-е изд., дораб. и доп. / под общ. ред. М. А. Маслина ; сост. П. П. Апрышко, А. П. Поляков. М., 2014. С. 562.
2. Степун Ф. А. Мистическое мировидение. Пять образов русского символизма. М., 2012. С. 236.
3. Бычков В. В. Эстетика Владимира Соловьёва как актуальная парадигма // История философии. 1999. № 4. С. 12.
4. Там же. С. 58.
5. Бычков В. В. Эстетические пророчества русского символизма // Полигнозис. 1999. № 1. С. 90.
6. Флоренский П. А. Столп и утверждение Истины. М., 1990. С. 359.
7. Там же. С. 346.
8. Там же. С. 349.
9. Там же. С. 349.
10. Булгаков С. Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М., 1994. С. 186.
11. Там же.
12. Там же. С. 187.
13. Там же. С. 189.
14. Там же. С. 200.
15. Там же. С. 199.
16. Соловьёв В. С. Общий смысл русского искусства // Соловьёв В. С. Смысл любви : избр. произведения. М., 1991. С. 71.
17. Там же. С. 78.
18. Бычков В. В. Русская теургическая эстетика. М., 2007. С. 93.
19. Флоренский П. А. Из богословского наследия // Богословские труды : сб. М., 1977. С. 105.
20. Булгаков С. Н. Указ. соч. С. 320.
21. Там же.
22. Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994. С. 236.
23. Там же. С. 237.

Notes

1. *Russkaya filosofiya : ehnciklopediya* – Russian philosophy: encyclopedia. 2 ed., elabor. and add. / under the general editorship of M. A. Maslin; comp. P. P. Apryshko, A. P. Polyakov. M. 2014. P. 562.
2. *Stepun F. A. Misticheskoe mirovidenie. Pyat' obrazov russkogo simvolizma* [Mystical world-view. Five images of Russian symbolism]. M. 2012. P. 236.
3. *Bychkov V. V. EHstetika Vladimira Solov'yova kak aktual'naya paradigma* [Aesthetics of Vladimir Soloviev as an actual paradigm] // *Istoriya filosofii* – History of philosophy. 1999, No. 4, p.12.
4. *Ibid.* P. 58.
5. *Bychkov V. V. EHsteticheskie prorochestva russkogo simvolizma* [Aesthetic prophecies of Russian symbolism] // *Polignozis* – Polignosis. 1999, No. 1, p. 90.
6. *Florenskij P. A. Stolp i utverzhdienie Istiny* [Pillar and ground of the Truth]. M. 1990. P. 359.
7. *Ibid.* P. 346.
8. *Ibid.* P. 349.
9. *Ibid.* P. 349.
10. *Bulgakov S. N. Svet nevechernij: Sozercaniya i umozreniya* [Non-evening light: Contemplation and speculation]. M. 1994. P. 186.
11. *Ibid.*
12. *Ibid.* P. 187.
13. *Ibid.* P. 189.
14. *Ibid.* P. 200.
15. *Ibid.* P. 199.
16. *Solov'ev V. S. Obshchij smysl russkogo iskusstva* [General meaning of Russian art] // *Solov'ev V. S. Smysl lyubvi : izbr. proizvedeniya* [Sense of love: Fav. works]. M. 1991. P. 71.
17. *Ibid.* P. 78.
18. *Bychkov V. V. Russkaya teurgicheskaya ehstetika* [Russian theurgic aesthetics]. M. 2007. P. 93.
19. *Florenskij P. A. Iz bogoslovskogo naslediya* [From theological heritage] // *Bogoslovskie trudy : sb.* – Theological works: collection M. 1977. P. 105.
20. *Bulgakov S. N. Op. cit.* P.320.
21. *Ibid.*
22. *Berdyayev N. A. Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva* [Philosophy of creativity, culture and art]. M. 1994. P. 236.
23. *Ibid.* P. 237.

Ситминская молельня как духовный центр старообрядчества Вятской губернии

В основу статьи положены архивные материалы, извлеченные из фондов Вятской духовной консистории и канцелярии вятского губернатора Государственного архива Кировской области. Помимо этого активно привлекались законодательные акты, регламентировавшие конфессиональную политику властей по отношению к старообрядцам. Опираясь на опубликованные и неопубликованные источники, автором воссоздана история Ситминской молельни как духовного центра старообрядцев Вятской губернии с момента ее основания на протяжении первой половины XIX в. Действовавшее в указанный период законодательство ограничивало права старообрядцев, в том числе в сфере культуры и просвещения. В частности, старообрядцы не имели возможности строить новые молельни и производить ремонт старых. В данном исследовании показана реализация политики властей по отношению к культовым центрам старообрядцев на примере судьбы Ситминской молельни, раскрыты взаимоотношения староверов с представителями местной администрации и духовенства Русской православной церкви. Помимо этого автором рассмотрено противодействие староверов попыткам передачи их храмов в ведение официальной церкви. Так, например, выявлены и проанализированы факты поджога старообрядцами закрытых по решению властей молельных домов в случае обращения их в единоверческие церкви, кражи икон и богослужебных книг в аналогичной ситуации. Хронологические рамки исследования ограничиваются первой половиной XIX столетия, при этом акцент сделан на периоде царствования Николая I, характеризующемся разработкой системы строгих мер для борьбы со староверием. Именно во второй четверти XIX в. против ситминских старообрядцев неоднократно возбуждалось следствие. В результате в 1850 г. деревянная молельня была разрушена, а в 1859 г. здание богадельни преобразовано в единоверческий храм.

The article is based on archival materials extracted from the Vyatka spiritual consistory funds and the office of the Vyatka governor of the State Archive of the Kirov region. In addition, legislative acts regulating the confessional policy of the authorities towards the Old Believers were actively involved. Based on published and unpublished sources, the author reconstructed the history of the Sitminskaya chapel as the spiritual center of the Old Believers of Vyatka province from the moment of its foundation throughout the first half of the 19th century. The legislation in force during this period limited the rights of the Old Believers, including in the sphere of culture and education. In particular, the Old Believers could not build new chapels and repair old ones. This study shows the implementation of the policy of the authorities in relation to the cult centers of the Old Believers on the example of the fate of the Sitminskaya chapel, the relationship between the Old Believers and representatives of the local administration and the clergy of the Russian Orthodox Church is revealed. In addition, the author examined the opposition of the Old Believers to attempts to transfer their churches to the official church. Thus, for example, the facts of arson attacks by the Old Believers closed at the decision of the authorities of prayer houses were revealed and analyzed, if they were converted into Orthodox Church, the theft of icons and liturgical books in a similar situation. The chronological scope of the research is limited to the first half of the XIX century, with an emphasis on the period of the reign of Nicholas I, characterized by the development of a system of strict measures to combat Old Believers. It was in the second quarter of the 19th century against the Old Believers of Sitma that the investigation was repeatedly instituted. As a result, in 1850 the wooden chapel was destroyed, and in 1859 the building of the poorhouse was transformed into a Orthodox Church.

Ключевые слова: старообрядчество, Русская православная церковь, Вятская епархия, миссионерская деятельность, духовенство, молельня, единоверие, икона, религиозная литература.

Keywords: Old Believers, Russian Orthodox Church, Vyatka diocese, missionary activity, clergy, chapel, icon, religious literature.

Впервые приверженцы староверия на Вятской земле открыто заявили о себе в 1764 г. Именно тогда 690 крестьян, проживавших на территории Куменской, Ошетской, Курчумской и Сунской вотчин, а также Лудянской и Нолинской пятидесятен, подали прошение о том, чтобы их

официально признали старообрядцами. В связи с этим они выразили согласие платить подушную подать в двойном размере, как это полагалось по действовавшему тогда законодательству. Вятская духовная консистория, рассмотрев данное ходатайство, не сочла возможным его удовлетворить. Это было обусловлено особым восприятием старообрядцев как светскими, так и духовными властями: они оценивались исключительно как вероотступники. В связи с этим миссионерам было поручено провести с ними назидательные беседы, которые, однако, не имели успеха. В апреле 1765 г. еще 273 человека заявили о своей приверженности старообрядчеству. Центрами сосредоточения староверов стали Сунский и Верхосунский приходы Нолинского уезда [1].

Поскольку Вятская губерния являлась одним из центров староверия в России, то важнейшим направлением миссионерской деятельности православного духовенства являлась работа со старообрядцами в целях воссоединения их с официальной церковью. Еще в XVIII столетии среди функционировавших духовных миссий называются Тобольская (в Западной Сибири), Иркутская, Астраханская, Рязанская и Вятская [2]. Что касается Нолинского уезда, то так называемая «противораскольническая» миссия была учреждена здесь в 1837 г. [3] Несмотря на все усилия православного клира, численность адептов староверия в Нолинском уезде, как и в целом на территории Вятской губернии, стремительно росла. В частности, по данным, содержащимся в отчете вятского губернатора, в 1838 г. в Нолинском уезде проживало 6 769 последователя «древнего благочестия» [4], что составляло 21,4% от общей численности старообрядцев губернии.

Сравним данные статистики, характеризующие распределение старообрядцев по уездам Вятской губернии в 1838 г.:

Уезд	Численность старообрядцев (чел.)
Глазовский	10 136
Нолинский	6 769
Малмыжский	5 298
Уржумский	4 751
Сарапульский	2 485
Орловский	703
Яранский	583
Вятский	331
Елабужский	82
Слободской	40

Как видим, Нолинский уезд занимал второе место в губернии по количеству старообрядцев после Глазовского [5].

Данные о районах компактного проживания старообрядцев по волостям уезда могут быть представлены в виде таблицы:

Волость	Численность старообрядцев (чел.)	
	поповцев	беспоповцев
Лобанская	1 197	1 646
Лудяно-Экономическая		937
Немская	352	192
Никольская	406	65
Сретенская		436
Ситминская		225
Верхосунская		222
Ошетско-Архиерейская		126
Кырчанская		109

Численно старообрядцы были представлены наиболее значительно в таких населенных пунктах, как села Слудка и Сретенское, деревни Крысовская, Копосовская, Медкоедовская, Евсевская, Поломская, Еловская, Мизгиревская, Михинская, Липовый мыс, Полетаевская, Ларинская, Кузнецовская, Рябиновый мыс, Антоновская, Над ключом, Красная горка и др. [6]

На территории Нолинского уезда располагалось пять старообрядческих молелен. Четыре из них, Слудская, Ситминская, Боровская и Таратихинская, принадлежали беспоповцам-федосеевцам. Одна молельня была открыта в с. Слудка поповцами. Одним из важнейших религиозных и культурных центров староверов Нолинского уезда и всей Вятской губернии являлся Ситминский молельный дом, построенный близ деревни Красная горка в 1792 г. (по другим данным – в

1793 г.) крестьянином Иосифом (Осипом) Безносиковым с разрешения чиновника казенной палаты, директора экономии Депрейса [7]. Судьба этого культового центра позволяет проследить реализацию конфессиональной политики государства в отношении старообрядческих молелен во второй четверти XIX в.

Напомним, что рассматриваемый период характеризуется разработкой системы строгих мер для борьбы со староверием. В значительной степени было скорректировано законодательство, регулировавшее функционирование старообрядческих молелен. В частности, следовало оставлять без изменений молитвенные дома староверов, построенные до 17 сентября 1826 г., однако строить вновь «что-либо, похожее на церкви», производить ремонт старых часовен не разрешалось. В случае закрытия той или иной старообрядческой молельни закон предусматривал представление всех хранившихся в ней икон, книг и предметов церковной утвари на рассмотрение местной духовной консистории для передачи их в распоряжение ближайшего единоверческого храма. Руководствуясь постановлением от 5 мая 1839 г., необходимо было уничтожить те молельни, действие которых было возобновлено без соответствующего разрешения официальной власти [8].

Против ситминских старообрядцев в период царствования Николая I неоднократно возбуждалось следствие. В частности, в конце 1835 г. и начале 1837 г. по решению императора с молельни были сняты колокол весом в шесть пудов и крест как атрибуты православного храма [9]. Их наличие по действовавшему тогда законодательству считалось недопустимым [10]. Помимо этого, руководствуясь Уставом о предупреждении и пресечении преступлений (Т. 14, ст. 48), за старообрядцами Ситминской волости Нолинского уезда необходимо было установить контроль, для того чтобы не допустить использование ими нового каменного дома, построенного для «призревания престарелых и убогих», в качестве молельни [11]. Согласно решению Комитета министров от 21 января 1836 г. Ситминскую часовню, как основанную до 1826 г., разрешено было оставить в существующем положении. Власти, вероятно, приняли во внимание тот факт, что к тому моменту она функционировала достаточно давно, попыток изменить ее внешний вид со стороны старообрядцев не наблюдалось.

В 1841 г., когда обсуждался вопрос о возможном преобразовании ряда старообрядческих молелен в единоверческие церкви, в том числе Ситминской (наряду с Боровской и Таратихинской), вятский губернатор, представляя свое суждение по обозначенной проблеме в Министерство внутренних дел, подчеркнул нецелесообразность данной акции, в связи с тем что в местных старообрядцах не наблюдалось ни малейшей «искры готовности обратиться в единоверие» [12].

Со временем молельня приходила в ветхость. Тогда Михаил и Климонт – сыновья Иосифа, – получив разрешение Нолинского земского суда от 7 июня 1825 г., построили каменный двухэтажный дом, куда планировали перенести богослужения [13]. Однако они не получили на это разрешения властей, после чего здание было обращено ими в богадельню, где поселились «призреваемые на общественный счет раскольников бедные люди» [14]. Сделано это было на основании особых правил, которые не распространялись на другие молельни. Дело рассматривалось самим императором, и, в соответствии с решением, принятым Николаем I 17 ноября 1835 г., до сведения Святейшего Синода было доведено, чтобы «раскольники Ситминской волости Вятской епархии не заводили молельни во вновь выстроенном доме, в котором допускается только призревать престарелых и убогих» [15].

В отношении вятского губернатора преосвященному Неофиту содержится список лиц, проживавших в Ситминской богадельне, по данным на июнь 1843 г. В общей сложности это 16 человек (15 женщин и один мужчина), среди которых преобладали люди преклонного возраста (60 и более лет). По сословной принадлежности все они, за исключением Т. Усковой, являлись крестьянами, проживавшими, главным образом, в Нолинском уезде. Между тем среди призреваемых значились и прибывшие из Орловского (два человека) и Яранского уезда (один человек) [16].

Интересно, что епископ Вятский и Слободской Неофит в отчете Святейшему Синоду отметил, что считал возможным оставить больных и престарелых исключительно в Ситминской богадельне. При этом в целях предотвращения распространения староверия преосвященный рекомендовал принять ряд мер. В их числе предоставление возможности «в оном доме лиц, имеющих законные увольнительные виды, принимать не иначе как с разрешения губернского начальства». Кроме того, по мнению вятского епископа, следовало запретить проживание в богадельне лиц, получивших временный паспорт «на отлучки для промыслов или других надобностей», равно как и «временные посещения пришлых людей под видом родства и знакомства, под коим может скрываться расколуечение». Наконец, вятский преосвященный просил усилить надзор и контроль за старообрядцами со стороны местной полиции, чтобы не допустить распространение староверия «богохульными бродягами» [17].

С мнением епископа согласился вятский губернатор А. Н. Мордвинов. Лишь в отношении последнего губернатор добавил, что сокращение числа последователей старообрядчества и его искоренение зависит, прежде всего, от активной деятельности духовенства Русской православной церкви. Православные пастыри, воздействуя на староверов силой слова и личным примером добропорядочной жизни, «могут повлиять на заблудших». Более того, А. Н. Мордвинов подверг критике представителей православного клира за некомпетентность и образ жизни, не всегда подобающий сану священника [18].

Отметим, что, анализируя причины развития староверия, и сами представители православного духовенства признавали недостаточное знание священнослужителями основ старообрядческого вероучения. Эта проблема сохранит свою актуальность и во второй половине XIX в. В целях ее решения властями предпринимались определенные шаги, например в духовных семинариях в 1881 г. по решению Синода были открыты специальные кафедры по изучению старообрядчества. Тогда они назывались кафедрами «по истории и обличению русского раскола и сектантства», что отвечало поставленным перед православными клириками задачам критики и искоренения староверия. Сначала это коснулось отдельных духовных учебных заведений, например Московской, Нижегородской, Саратовской семинарии, а в 1886–1887 гг. подобные кафедры появились во всех семинариях страны. В учебных планах появился новый предмет – «обличительное богословие», закрепленный за названной кафедрой. Предполагалось, что подготовленный священник сможет грамотно оппонировать старообрядцам, доказывая ложность их идеологии. Акцент на просветительской деятельности среди старообрядцев, работе православных миссионеров в целях воссоединения староверов с официальной церковью будет сделан в конфессиональной политике государства лишь во второй половине XIX в. В рассматриваемую же эпоху – вторая четверть XIX столетия – превалировало силовое воздействие на старообрядцев, жесткая система наказаний за совершение ими противоправных деяний.

28 января 1849 г. последовало Высочайшее повеление, согласно которому Ситминская богадельня, в связи с кончиной ее основателя – О. Безносикова, – передавалась «со всем имуществом, строениями и участками земли в ведение Вятской палаты государственных имуществ». При этом все проживавшие там старообрядцы, в силу преклонного возраста, переходили на попечение родственников или «тех обществ, к которым они принадлежат». В случае же возникновения каких-либо трудностей их следовало разместить в общественных богадельнях Вятского приказа общественного призрения. Духовное завещание О. Безносикова о передаче молельного дома в пользу Устина Крысова подлежало уничтожению [19].

Что касается деревянного молельного дома, то он был осмотрен нолинским земским исправником в конце декабря 1847 г. В своем рапорте исправник подробно описывает некоторые архитектурные особенности строения, фиксирует его размеры. В частности, он отмечает, что здание «имеет вид неправильного четырехугольника с капитальной... пристройкой к главному корпусу в виде паперти длиной в две, шириной в 4,5 сажени и высотой в 5 аршин. Главный корпус здания длиной в 6, шириной в 4,5 аршина, а высотой в 3 сажени». Что касается технических характеристик, то исправник констатирует факт сильного износа и ветхости молельного дома: «В восточном углу стены верхние 6 рядов бревен сгнили, отвалились... Посередине 3 верхних бревна тоже подгнили... Вообще все здание ветхое, заметно осело, имеет подставки, подпорки, связи как продольные, так и поперечные, которые сделаны... для поддержания всего корпуса, который, как видно, построен из старого леса и, сделавшись ветхим, немного простоит без этих поддержек». Изучая особенности интерьера, исправник отмечает, что внутри помещение «капитальной стеной во всю ширину корпуса» разделено на две половины, «из которых восточная с иконостасом имеет вид главного предела» [20].

4 мая 1850 г. министр внутренних дел довел до сведения вятского губернатора решение Комитета министров, касавшееся судьбы Ситминской молельни. Ее следовало уничтожить «во избежание опасности от разрушения», в связи с тем что она пришла в «совершенную ветхость». Показательно, что данное решение рекомендовалось привести в исполнение «по избрании удобного времени со всевозможною осмотрительностью и без малейшей преждевременной огласки». Строительный материал необходимо было продать в пользу Вятского приказа общественного призрения. Все находившиеся в молельне иконы, книги, предметы богослужения должны были быть переданы на рассмотрение местной духовной консистории [21]. Об исполнении данного распоряжения властей нолинским земским исправником был составлен рапорт, из которого следует, что 26–27 августа 1850 г. Ситминская молельня в присутствии представителей церкви и понятых была разрушена.

По рассмотрении церковного имущества Вятской духовной консисторией некоторые деревянные иконы были признаны написанными «с произвольным суетумудрием и несообразно с при-

нятыми церковью образцами святых изображений... грубо и неправильно, притом многие из них так потемнели, полиняли и обветшали, что уже неприлично чествовать их поклонением пред ними Богом и святым его». Медные иконы и кресты представители православного клира сочли выполненными «весьма грубо» и рекомендовали изъять их из церковного и домашнего употребления в соответствии с действовавшим законодательством [22]. Вспомним, что еще при Петре I, в 1723 г., вышел указ, запрещающий производство и продажу медных и оловянных икон на том основании, что «выливаются оныя зело неискусно и неизобразительно, и тем достойныя чести весьма лишаются» [23]. В случае обнаружения таковых их следовало использовать на церковные нужды. Исключение составляли лишь нательные кресты. Появление подобного запрета, вероятно, было обусловлено не только потребностями государства в меди и олове, но и развитием меднолитейного культового производства именно в старообрядческой среде. Отливаемые староверами иконы имели отличительный признак – изображение двуперстного крестного знамения. Этот символ «дониконовских» обрядов служил поводом для запрета на их распространение.

Медные иконы действительно имели широкое бытование в среде поборников «древнего благочестия». Например, их литьем занимался известный вятский старообрядец, основатель типографии в с. Старая Тушка Малмыжского уезда Л. А. Гребнев. Крупный старообрядческий меднолитейный центр находился в Поморье – Выговском (Данилове) монастыре. Активно развивалось меднолитейное производство в Мстёре – центре староверия Владимирской губернии. Известная в старообрядческом мире мастерская медного литья функционировала в д. Сопырево Красносельской волости Костромской губернии. Как справедливо оценил медные кресты и иконы известный филолог и искусствовед Ф. И. Буслаев, «это были святыни самые удобные для перенесения, прочные и дешевые; потому они и доселе в большом употреблении в простом народе...» [24]. В условиях гонений на старообрядцев факт хорошей сохранности имел немаловажное значение.

Создаваемые старообрядцами медные иконы отличались высоким уровнем художественного мастерства. В частности, известный ценитель, реставратор и собиратель памятников старообрядческого искусства Ф. А. Каликин отмечал особый вклад староверов-поморцев в развитие религиозной культуры: «Вклад поморцев в общую сокровищницу русской культуры заключается еще и в том, что они впервые в первой четверти XVIII века дали такое совершенное по четкости линий и пластичности формы литье, которое не нуждалось в последующей прочеканке...» Однако представители региональных властей, занимавшиеся изъятием культовых ценностей старообрядцев, зачастую крайне низко оценивали их художественный уровень. Вероятнее всего, это обусловлено тенденциозным отношением к «ревнителям древнего благочестия».

Ряд икон из Ситминской молельни, например, образы святых Иоанна Дамаскина и Леонтия Ростовского, «Похвала Пресвятой Богородице», «Рождество», «Распятие с изображением страстей», консистория оценила как написанные «по раскольническим канонам о перстосложении руки благословляющее». В связи с этим названные святыни, по решению консистории, были отправлены на хранение в ризницу кафедрального собора Вятки, равно как и два медных Распятия. Икона великомученика Никиты была признана «странным изображением и сильно обветшавшим в красках», поэтому ее рекомендовано было уничтожить [25].

Наряду с иконами в Ситминском молельном доме хранилась также и религиозная литература. Так, в двух изъятых богослужебных книгах Вятская духовная консистория усмотрела несоответствие вероучению Русской православной церкви и «суемудрые прибавления» [26]. «Сказание о житии Пресвятой Богородицы» православное духовенство оценило как «частично непристойное» и рекомендовало «препроводить в Министерство внутренних дел». Наконец, лестовка, подручник, нотная книга и чугунная доска были переданы в распоряжение благочинного единоверческих церквей, поскольку православные клирики выразили убеждение в том, что, оказавшись в руках старообрядцев, данные вещи могли «подать повод к самочинному служению» [27].

С момента учреждения единоверия в 1800 г. власти, как светские, так и духовные, рассматривали его как возможную форму воссоединения старообрядцев с Русской православной церковью и возлагали на него большие надежды в деле искоренения староверия. Так, после уничтожения Ситминской молельни миссионер Михаил Зубарев принял меры для убеждения местных старообрядцев в необходимости перехода в единоверческую церковь. Для обустройства единоверческого храма он предлагал использовать каменное здание бывшей Ситминской богадельни. О результатах своей деятельности священник информировал епископа Неофита, предоставив подписку от 65 старообрядцев, изъявивших желание принять единоверие. При этом М. Зубарев подчеркнул, что 85 приверженцев староверия дали свое согласие, но отказались предоставить об этом подписку. Свои действия они мотивировали тем, что не готовы нести расходы на устройство церкви. Некоторые выразили опасение в том, что духовные власти будут принуждать их к со-

вершению обрядов венчания и крещения в православном храме. Тем не менее в декабре 1857 г., благодаря проведенной миссионером работе, в общей сложности 164 человека дали согласие стать прихожанами нового единоверческого прихода (из них 124 – старообрядцы и 40 – единоверцы Ясашно-Лудянского прихода) [28].

Учитывая, что по решению императора здание богадельни со всем имуществом и землей было передано в ведение Вятской палаты государственных имуществ, губернатор А. И. Середа обратился к её управляющему для выяснения вопроса о том, возможно ли устройство единоверческой церкви в помещении бывшей старообрядческой богадельни на общественный счет. При вынесении вердикта А. П. Середа просил учесть значимость будущего храма для утверждения единоверия на территории всего Нолинского уезда. Согласившись с губернатором в том, что открытие единоверческой церкви как нельзя лучше будет способствовать решению поставленной в масштабах всей России задачи – искоренению старообрядчества, управляющий палатой государственных имуществ тем не менее выразил сомнение в возможности осуществления данного мероприятия за счет общества. Свою неуверенность он мотивировал рядом объективных факторов, прежде всего, тем, что прихожанами храма будут вчерашние старообрядцы-беспоповцы. Уже только поэтому «добровольных приношений ждать нельзя или они будут весьма ничтожными». Кроме того, «свободных сумм в обществах, из которых можно было бы сделать ассигнование на устройство единоверческой церкви, нет» [29]. Поскольку речь шла о решении важной правительственной задачи, управляющий рекомендовал попытаться добиться финансирования из государственной казны.

Гражданским инженером Н. А. Галкиным был составлен проект перестройки здания богадельни в единоверческий храм и смета предполагаемых расходов в общей сложности на сумму 589 руб. 78 коп. На устройство церкви дали согласие внести пожертвование православные крестьяне Большеситминского и Прозоровского обществ. Кроме того, от продажи келий, а также зерна и сена с участка земли при бывшей старообрядческой богадельне была получено 482 руб. 10 коп. [30] В 1859 г. план властей в конечном итоге был реализован.

Помимо уничтоженной деревянной молельни при старообрядческом кладбище функционировала часовня, предназначение которой Михаил Безносиков объяснил нолинскому земскому исправнику следующим образом: «Не для молитвословия, а для бытия в день поминовения умерших на кладбище» [31]. По его словам, часовня была построена старообрядцами не самовольно, а с согласия исправника Пироговского, о чем сохранилось письменное свидетельство – копия с соответствующего распоряжения Ситминскому волостному правлению от 20 июня 1811 г. В 1843–1844 гг. нолинским земским исправником, по приказу вятского губернатора, проводилось расследование на предмет выявления законности действий местных староверов. Подготовленный им рапорт позволяет представить размеры данной кладбищенской молельни. Ее длина составляла 7,5, ширина – 7 аршин, а высотой она была «в 25 рядов с покатою крышею из лубьев и в два ряда тесу» – «вид ее был обыкновенный, в два этажа крестьянский сруб». Лучший внешний вид часовни, по сравнению с ветхим деревянным молельным домом, опрошенные крестьяне-старообрядцы объяснили рядом факторов. В частности, удобным расположением, вследствие чего от неблагоприятного природно-климатического воздействия она защищена березовой рощей, а также отсутствием печки, что, по их словам, тоже могло привести к «преждевременной дряблости и гниению, от того самого штукатурка и не испортилась» [32]. Последнее, впрочем, весьма сомнительно; логичнее было бы предположить обратное. Епископ Вятский и Слободской Неофит, обращаясь к вятскому губернатору, ходатайствовал об уничтожении данной кладбищенской молельни как незаконно построенной. В действиях исправника Пироговского преосвященный усмотрел нарушение законодательства.

В декабре 1849 г., по распоряжению губернатора, часовня была закрыта. Однако старообрядцы, настроенные наиболее негативно по отношению к официальной церкви, выразили свой протест в открытой форме. В ночь на 23 июня 1853 г. из часовни, опечатанной властями, через её верхнее окно была совершена кража четырех икон: Спасителя, Божьей Матери, Иоанна Предтечи и св. Георгия. Функции караульного в то время выполнял 15-летний сын десятского. Проведенное расследование, в ходе которого было опрошено 44 человека из числа местных крестьян, не дало результатов: виновных установить не удалось. Можно с известной долей уверенности предположить, что кражу совершили старообрядцы, не настроенные на диалог с Русской православной церковью.

Итак, в первой половине XIX в. на территории Нолинского уезда действовало пять старообрядческих культовых центров. К середине столетия все они прекратили свое существование. Первой, в 1840 г., по решению властей была уничтожена Таратихинская молельня, в 1845 г. та же участь постигла две Слудских молельни. В 1848 г. от удара молнии во время грозы сгорела Бо-

ровская молельня. Однако нельзя исключать и факт намеренного поджога молельного дома местными старообрядцами. Такое предположение обусловлено объективными обстоятельствами. Речь шла о возможности преобразования молельни в единоверческий храм. Старообрядцы, не желавшие этого, могли в открытой форме выразить свой протест. Косвенно подтверждает это тот факт, что ранее из закрытой молельни они сумели вынести часть имущества – богослужебные книги и иконы. Доказать причастность староверов к целенаправленному уничтожению молельного дома следствию не удалось, но и отрицать данное предположение не представляется возможным, тем более что аналогичная ситуация впоследствии сложилась в с. Старая Тушка, где старообрядческий молельный дом по решению Святейшего Синода был в 1850 г. преобразован в единоверческую церковь, но просуществовала она недолго – лишь до 1860 г. В ночь на 15 августа в результате пожара храм полностью сгорел. Следствием было установлено только то, что поджог церкви совершили сами старообрядцы села Старая Тушка или близлежащих деревень, но назвать имена конкретных виновных властям не удалось. Как видим, ситуация напоминает историю Боровской молельни. Наконец, в 1850 г. по решению Комитета министров была подвергнута разрушению Ситминская молельня. В каменном же здании старообрядческой богадельни в 1859 г. был открыт единоверческий храм.

Примечания

1. *Фармаковский И. Ф.* О первоначальном появлении раскола в Вятской епархии // Вятские епархиальные ведомости. 1868. № 5. С. 76–88.
2. *Смирнов Н. А.* Миссионерская деятельность церкви (вторая половина XIX – 1917 г.) // Церковь в истории России (IX в. – 1917 г.). Критические очерки. М., 1967. С. 281.
3. ГАКО. Ф. 811. Оп. 1. Д. 428. Л. 1.
4. ГАКО. Ф. 582. Оп. 128з. Д. 34. Л. 126.
5. Там же. Лл. 115–133 об.
6. Там же. Лл. 121 об.–126.
7. ГАКО. Ф. 582. Оп. 128. Д. 155. Л. 52; ГАКО. Ф. 582. Оп. 126. Д. 103. Л. 30.
8. Обзор мероприятий Министерства внутренних дел по расколу с 1802 по 1881 год. СПб., 1903. С. 141, 209, 441, 261.
9. ГАКО. Ф. 582. Оп. 128 г. Д. 4. Лл. 24, 39.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (1825–1881). Т. 11 (1836). СПб., 1837. С. 446.
11. ГАКО. Ф. 582. Оп. 128 г. Д. 4. Л. 13 об.
12. ГАКО. Ф. 582. Оп. 128 а. Д. 4. Л. 19.
13. ГАКО. Ф. 237. Оп. 3. Д. 1473. Л. 6 об.
14. ГАКО. Ф. 582. Оп. 128. Д. 155. Л. 52.
15. ГАКО. Ф. 237. Оп. 3. Д. 1473. Л. 1.
16. ГАКО. Ф. 237. Оп. 5. Д. 1782. Лл. 7–7 об.
17. ГАКО. Ф. 582. Оп. 128 а. Д. 4. Л. 12.
18. Там же. Лл. 22–22 об.
19. Обзор мероприятий Министерства внутренних дел по расколу с 1802 по 1881 год. СПб., 1903. С. 157.
20. ГАКО. Ф. 237. Оп. 5. Д. 1782. Лл. 86–87.
21. ГАКО. Ф. 582. Оп. 84. Д. 6. Л. 324–324 об.
22. Там же. Л. 400.
23. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–1825). Т. VII (1723–1727). СПб., 1830. С. 19.
24. *Буслаев Ф. И.* Общие понятия о русской иконописи // Буслаев Ф. И. О литературе: Исследования. Статьи. М., 1990. С. 360–361.
25. ГАКО. Ф. 237. Оп. 5. Д. 1782. Лл. 105–106 об.
26. ГАКО. Ф. 582. Оп. 84. Д. 6. Л. 400 об.
27. ГАКО. Ф. 237. Оп. 5. Д. 1782. Л. 107, 106 об.
28. Там же. Л. 373 об.
29. Там же. Лл. 273–274.
30. Там же. Лл. 388–389.
31. ГАКО. Ф. 582. Оп. 128 ж. Д. 57. Л. 2.
32. Там же. Лл. 4–4 об.

Notes

1. *Farmakovskij I. F. O pervonachal'nom poyavlenii raskola v Vyatskoj eparhii* [About the initial appearance of the split in the Vyatka diocese] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti – Vyatka diocesan gazette*. 1868. No. 5. P. 76-88.
2. *Smirnov N. A. Missionerskaya deyatel'nost' cerkvi (vtoraya polovina XIX – 1917 g.)* [Church's missionary activity (second half of XIX – 1917)] // *Cerkov' v istorii Rossii (IX v. – 1917 g.)*. *Kriticheskie ocherki – Church in the Russian history* (IX century – 1917). Critical essays. M. 1967. P. 281.
3. State Archive of Kirov Region (GAKO). F. 811. Sh. 1. File 428. Sh. 1.
4. GAKO. F. 582. Sh. 128z. File 34. Sh. 126.
5. Ibid. Sh. 115–133.
6. Ibid. Sh. 121–126.
7. GAKO. F. 582. Sh. 128. File 155. Sh. 52; GAKO. F. 582. Sh. 126. File 103. Sh. 30.
8. *Obzor meropriyatij Ministerstva vnutrennih del po raskolu s 1802 po 1881 god* – An overview of the activities of the Ministry of Internal Affairs on split from 1802 to 1881. SPb. 1903. Pp. 141, 209, 441, 261.
9. GAKO. F. 582. Sh. 128. File 4. Sh. 24, 39.
10. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe (1825–1881)* – Complete collection of laws of the Russian Empire. The second meeting (1825-1881). V. 11 (1836). SPb. 1837. P. 446.
11. GAKO. F. 582. Sh. 128 File 4. Sh. 13.
12. GAKO. F. 582. Sh. 128. File 4. Sh. 19.
13. GAKO. F. 237. Sh. 3. File 1473. Sh. 6.
14. GAKO. F. 582. Sh. 128. File 155. Sh. 52.
15. GAKO. F. 237. Sh. 3. File 1473. Sh. 1.
16. GAKO. F. 237. Sh. 5. File 1782. Sh. 7–7.
17. GAKO. F. 582. Sh. 128. File 4. Sh. 12.
18. Ibid. Sh. 22–22 turn.
19. *Obzor meropriyatij Ministerstva vnutrennih del po raskolu s 1802 po 1881 god* – An overview of the activities of the Ministry of Internal Affairs on split from 1802 to 1881. SPb. 1903. P. 157.
20. GAKO. F. 237. Sh. 5. File 1782. Sh. 86–87.
21. GAKO. F. 582. Sh. 84. File 6. Sh. 324–324 about.
22. Ibid. Sh. 400.
23. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie pervoe (1649–1825)* – Complete collection of laws of the Russian Empire. The collection first (1649-1825). Vol. VII (1723–1727). SPb. 1830. C. 19.
24. *Buslaev F. I. Obshchie ponyatiya o russkoj ikonopisi* [General concepts of Russian icon painting] // *Buslaev F. I. O literature: Issledovaniya. Stat'i* [About literature: Research. Articles]. M. 1990. Pp. 360–361.
25. GAKO. F. 237. Sh. 5. File 1782. Sh. 105–106.
26. GAKO. F. 582. Sh. 84. File 6. Sh. 400 turn.
27. GAKO. F. 237. Sh. 5. File 1782. Sh. 107, 106.
28. Ibid. Sh. 373.
29. Ibid. Sh. 273–274.
30. Ibid. Sh. 388 and 389.
31. GAKO. F. 582. Sh. 128ж. File 57. Sh. 2.
32. Ibid. Sh. 4–4.

УДК 94(47)08

Н. Л. Семенова

Оренбургский край в региональной политике Российской империи в XVIII – начале XIX в.

В статье предпринята попытка рассмотреть Оренбургский край как историко-географическое и политико-административное пространство, как единый регион в составе Российской империи. Автор пришла к выводу, что Оренбургский край не являлся административно-территориальной единицей, а представлял собой более широкое объединение, которое уже в XVIII в. выделилось в отдельный сегмент правительственной политики. В рассматриваемом крае сохранялись приоритет военной власти над гражданской, недоурогой управленческий механизм, традиционные институты самоуправления и суда у коренного населения. Военная власть отвечала за внутреннее устройство края, но самое главное – за внешнюю политику и пограничную линию. Региональная политика в крае определялась военно-политическими и экономическими приоритетами, географическими условиями, этноконфессиональной ситуацией.

There is made an attempt to study the Orenburg region as a historic-geographical and political-administrative area, as a united region as a part of the Russian Federation. The author comes to the conclusion that the Orenburg region was not an administrative-territorial unit, but a wider unity which was treated as a separate

part of the governmental policy in the XVIII century. The region maintained the priority of the military power over the civil one, inexpensive governmental mechanism, traditional institutions of self-government, and court of the natives. The military power was responsible for an internal structure of the region but the most important responsibility was for an external policy and a region's border. The regional policy was determined by a military-political and economic priorities, geographical conditions and ethno-confessional situation.

Ключевые слова: Оренбургский край, регион, губерния, административно-территориальные реформы, фронтир.

Keywords: Orenburg region, Region, province, administrative-territorial reforms, frontier.

Российская империя сформировалась как многонациональное государство. Имперская политика была достаточно гибкой и, несмотря на имевшиеся просчеты, обеспечила долговременность существования и единство огромного государства.

Историография последних трех десятилетий достигла заметных успехов в теоретическом осмыслении истории империи, определении ее роли в историческом процессе. Так, А. В. Ремнев на основе анализа управления азиатскими регионами России в XIX – начале XX вв. пришел к выводу, что «длительная устойчивость империи объяснима именно с позиций поливариантности властных структур, многообразия правовых, государственных, управленческих форм, асимметричности и разнопорядковости связей различных народов и территориальных образований» [1]. Рассматривая российскую имперскую политику через организацию управления периферией, А. В. Ремнев выделил понятие «география власти», охватывающее институциональную структуру и управленческую иерархию государственных учреждений в дихотомии «центр – периферия», пространственную морфологию власти и ее территориальную динамику [2]. Он определил регион как «историко-географическое пространство, естественное образование, в рамках которого осуществляется хозяйственная и социокультурная деятельность территориально идентифицируемого населения» [3]. При этом он подчеркивал определенное несоответствие традиционного административно-территориального деления империи потребностям экономики и политики, требующих более широких объединений. Важный вывод А. В. Ремнева состоит в том, что политика правительства в отношении каждого региона была дискретной, зависела от господствовавших в то время взглядов на природу взаимоотношений центра и регионов, территориальных и ведомственных интересов, географических условий, типа социально-экономических отношений, этноконфессиональной ситуации, военно-политических и экономических приоритетов.

Профессор К. Мацузато полагает, что Российская империя была построена на чисто территориальных принципах. Она «управляла не этносами, а территориями; этносами управляли территории (генерал-губернаторства) по согласованию с центром, но, тем не менее, довольно самостоятельно» [4]. Империя состояла из трех частей: «внутренних губерний», краев с этнополитиканскими генерал-губернаторами и краев с хозяйственными генерал-губернаторствами [5]. Основная часть «внутренних губерний», территориальное ядро империи, включало три макрорегиона: бывшую территорию Московского государства, Волго-Уральского региона и Левобережной Украины. Именно данные три макрорегиона обеспечивали устойчивое территориальное единство Российской империи, которая являлась, по мнению К. Мацузато, своего рода коалиционным государством трех макрорегионов» [6]. Он доказывает, что этнические вопросы не всегда имели первенствующее значение в организации управления имперской периферией. По мнению ученого, требует дальнейшего изучения влияние внешней политики, задач освоения территорий на административное устройство отдельных регионов Российской империи.

В новейших исследованиях Урало-Каспийский регион рассматривается с точки зрения историко-географических характеристик его культурных ландшафтов [7]. Профессор С. В. Любичанковский и А. В. Любичанковский определили его как фронтир, существовавший с XVI в. до начала XX в., для которого были характерны «ассимиляция русской и ногайской культур на раннем этапе развития, мозаичность и дисперсность структуры этнокультурного пространства, своеобразная культура уральского и оренбургского казачества и характерная для любого фронта зона особых социальных условий, связанная с идущими на ней процессами освоения. Оренбургская область с ее «расползающейся» региональной идентичностью, в силу нахождения в ней центра исследуемого региона, является единственным «останцом» существовавшего Урало-Каспийского региона» [8]. Таким образом, анализ новейшей историографии свидетельствует о том, что региональный подход остается актуальным в изучении имперской политики России.

Целью данной статьи является попытка рассмотреть Оренбургский край как историко-географическое и политико-административное пространство, как единый регион, выделить его место в составе Российской империи и определить факторы, влиявшие на задачи администра-

тивной политики правительства в XVIII – нач. XIX вв. Решение данной исследовательской проблемы позволит уточнить сущность политики правительства на окраинах, поскольку, как полагает В. С. Дякин, «официальных документов, формулировавших принципы национальной политики царизма в целом не существовало. Эта политика формулировалась всегда применительно к конкретным конфессиям и народам на том или ином этапе. Можно, однако, проследить общие закономерности этой политики» [9].

Расширение территории Российской империи в 1730-е гг. на юго-восток, принятие российского подданства Младшим и Средним казахским жузами требовали создания новых центров – опорных пунктов влияния, через которые должен был осуществляться трансфер имперской идеологии и практики в новом регионе. Таким центром стал Оренбург, основанный в 1743 г. и ставший центром Оренбургской губернии, образованной в 1744 г. [10] Губерния включала в себя Уфимскую, Исетскую провинции, крепости по рекам Уралу, Сакмаре и Самаре, а также земли зауральских башкир. Ставропольская крепость (ныне г. Тольятти), населенная крещеными калмыками, также вошла в состав губернии [11]. До административных преобразований Екатерины II Оренбургская губерния занимала огромную территорию. В ее состав входили территории современной Республики Башкортостан, Челябинской, Оренбургской областей, большая часть Самарской области, восточная часть Республики Татарстан, южные земли Пермского края, юго-западная окраина Свердловской области, западная часть Курганской области, Актюбинская область Республики Казахстан, почти полностью Костанайская область, юго-западная часть Акмолинской области, треть Карагандинской и Кызылординской областей, север Мангистауской области, большие территории Атырауской и Западно-Казахстанской областей, а также северо-западная окраина Узбекистана [12]. Современная Оренбургская область в своих границах сохранила менее 10% земель некогда чрезвычайно обширной Оренбургской губернии. В 1740-х гг. было положено начало формированию Оренбургского края как особого региона, единого историко-географического пространства, ориентированного главным образом на военно-колониационную деятельность.

Российские интересы в крае в рассматриваемый период определялись необходимостью обеспечить безопасность юго-восточных рубежей, умиротворить казахов, продолжить развитие транзитной торговли через регион и стремлением использовать новых подданных для решения внешнеполитических задач (например, для отражения джунгарской или иной агрессии) [13].

Для реализации указанных целей в 1735–1743 гг. строится Оренбургская пограничная линия, включавшая десятки крепостей и укреплений. Для несения пограничной службы на линии в 1748 г. из уфимских, самарских, табынских, исетских казаков правительством формируется Оренбургское казачье войско. В 1755 г. был утвержден его штат [14]. Поскольку оренбургских казаков не хватало, с 1748 г. на службу стали наряжаться башкиры, служилые татары и мишари. В 1760–1770-е гг. на линии находилось 2 155 башкир, или 40% от всех находящихся на границе войск [15]. Оренбургский военный губернатор О. А. Игельстром составил план замены регулярных войск на границе с казахской степью казаками и башкирами, создания мощного иррегулярного войска, способного решать как задачи по охране границы, так и участвовать в походах русской армии. В 1798 г. в Башкирии была введена кантонная система управления, которая распространялась на башкир, мишарей, калмык, оренбургских и уральских казаков. Было создано 11 башкирских, 5 мишарских, 5 оренбургских и 2 уральских, калмыцкий кантоны [16]. Тем самым правительство стремилось умиротворить башкир через привлечение их на военную службу и другие работы, использовать материальные и людские ресурсы Башкирии в интересах освоения казахской степи, усилить охрану линии, не прибегая к дополнительным расходам из государственной казны. Введение кантонной системы не встретило серьезного сопротивления со стороны коренного населения. В 1798 г. юртовые старшины отправляли в адрес Павла I многочисленные послания с выражениями верноподданнических чувств [17].

По мнению современных историков, для исследования процессов, протекавших на Южном Урале и юге Сибири, юго-восточной и восточной границах России в XVIII – первой половине XIX в. вполне применим фронтальный подход [18]. Основными компонентами «российского» фронта можно считать Оренбургскую пограничную линию, представлявшую цепь связанных между собой фортов, редутов, крепостей, которая перемещалась по мере освоения территории и интеграции ее в состав империи; воинские формирования, которые несли службу на линии: казачество, коренное башкирское военно-служилое население, гарнизонные батальоны [19]. Для фронта на Южном Урале, как считает Р. Н. Рахимов, было характерно доминирование военного фактора над всеми остальными. Местная администрация, в лице оренбургского губернатора, обеспечивала безопасность Оренбургской пограничной линии, была ответственна за проведение внешней

политики. Именно поэтому при сохранении традиционных институтов самоуправления военная власть длительное время имела приоритет над властью гражданской [20].

В ходе административно-территориальной реформы 1775 г., последовавшей после подавления движения под руководством Е. Пугачева, произошло «разукрупнение» губерний, которое, по мысли Екатерины II, должно было укрепить местный государственный аппарат, усилить администрацию на окраинах. В основу нового административного устройства был положен принцип количественного равенства жителей по губерниям. По указу от 23 декабря 1781 г. Оренбургская губерния была упразднена, вместо нее учреждено Уфимское наместничество, состоящее из двух областей: Уфимской и Оренбургской, которые делились на 12 уездов [21]. На юге и юго-востоке граница наместничества шла по рекам Урал, Уй и Тобол. Водные границы отделяли земли Оренбургской области в составе Уфимского наместничества от земель степи кочующих киргиз-кайсаков. В окрестностях села Рассыпная (Илекский район Оренбургской области) граница наместничества шла на запад, далее – по реке Моча (река Чапаевка, Самарская область), затем – на север до слияния рек Вятки и Камы. Северная граница Уфимского наместничества шла по рекам Кама, Буй. Северо-восточная окраина наместничества располагалась в районе озер Чаша и Убиенное в 45 км от города Кургана. Протяженность Уфимского наместничества с севера на юг составляла около 580 км, с запада на восток – более 950 км [22]. В результате административных преобразований Екатерины II территория края уменьшилась: Гурьев и Уральск были отписаны к Астраханской губернии, города Самара и Ставрополь отошли к Симбирскому наместничеству, а Шадринск и Оса – к Пермской губернии [23]. Однако, несмотря на эти изменения, территория наместничества продолжала оставаться огромной. По мнению В. И. Старкова, в результате преобразований Екатерины II на Урале все административно-территориальные единицы стали более соответствовать естественному и историческому делению региона [24]. Произошло административное закрепление Южного Урала (в границах Оренбургского края), географически расположенного на стыке Европы и Азии, Средний Урал был разделен на Предуральскую и Зауральскую части. Специфика Оренбургского края нашла отражение в его пограничном положении, значительной доле регулярного и иррегулярного военно-служилого населения.

Екатерина II именным указом, данным Сенату от 13 июня 1781 г., объявила об образовании Уфимского и Симбирского генерал-губернаторства, состоявшего из Уфимского и Симбирского наместничеств [25]. Создание генерал-губернаторства означало утверждение территориального принципа управления. Уфимским и симбирским генерал-губернатором был назначен И. В. Якоби. Под его властью находились регулярные войска, служилые сословия – башкиры, мишари, уральские и оренбургские казаки. Он являлся главным попечителем войск в крае, составлял расписания нарядов на службу на пограничную линию, заботился об обеспечении военных сил края провиантом, дровами. Во главе Уфимского наместничества был определен «правитель» наместнического правления или губернатор, который занимался главным образом вопросами гражданского управления. Должность генерал-губернатора была поставлена над губернской администрацией и губернатором, учреждалась с целью координации системы управления, обеспечения эффективного взаимодействия гражданских и военных властей, контроля над местным управлением.

Павел I указом от 12 декабря 1796 г. вновь провел реорганизацию местного управления [26]. Вместо 50 губерний, образованных Екатериной II, учреждалась 41, сокращалось число уездов. Таким образом, Павел I фактически «укрупнил» губернии. По мнению М. В. Ключкова, данная реформа была вызвана «финансовой нуждой» государства и «стремлением к усилению централизации». Вступив на престол, Павел I задался целью сократить расходы и дефицит государственного бюджета. Одним из главных средств решения этой задачи он считал уменьшение расходов на содержание местного управления [27].

Согласно именному указу от 12 декабря 1796 г. «О новом разделении государства на губернии», Уфимское наместничество было преобразовано в Оренбургскую губернию, состоявшую из 10 уездов: Оренбургского, Верхнеуральского, Троицкого, Челябинского, Уфимского, Стерлитамакского, Бирского, Мензелинского, Бугульминского, Бузулукского. Белебеевский и Бугурусланский уезды были упразднены [28].

При Павле I во главе местного управления по всей империи встали губернаторы, военные губернаторы были введены в обеих столицах, что обуславливалось их особой важностью, и на окраинах империи, где обстановка была нестабильной, были расположены регулярные и иррегулярные войска и требовался определенный переходный период для инкорпорации окраин в состав империи [29]. Оренбургская губерния оставалась окраиной империи со значительным числом военно-служилого населения. Так, по данным на 1800 г., общая численность населения Оренбургской губернии насчитывала 368 360 душ м. п., башкиры, мещеряки составляли 98 626 душ м. п., казаки – 21 200 душ [30]. Согласно штату Оренбургской губернии, утвержденному 31 декабря 1796 г., мест-

ная администрация состояла из военного и гражданского губернаторов. Военный губернатор находился во главе всего Оренбургского края, а гражданский – ведал делами гражданского управления в пределах собственно Оренбургской губернии и подчинялся военному губернатору.

Александр I с самого начала своего правления занялся административно-территориальными преобразованиями и реорганизацией местного управления. 9 сентября 1801 г. был подписан указ, ставший результатом обсуждения вопросов о новом административном делении империи и восстановлении должности генерал-губернаторов [31]. Согласно указу помимо существовавших тогда 41 губернии предписывалось восстановить еще пять. В приграничные губернии и «на особенных правах состоящие» назначались военные губернаторы. Под начальством 10 военных губернаторов были 18 губерний, т. е. некоторые военные губернаторы управляли несколькими губерниями. Оренбургская губерния в начале XIX в. также была отнесена к числу пограничных губерний во главе с военным губернатором [32]. Законодательно обязанности военных губернаторов не были четко определены. 15 апреля 1803 г. был подписан указ, который гласил, что все военные губернаторы, управляющие и гражданской частью, в отношении присутственных мест должны поступать «сообразно» должности главнокомандующего (или генерал-губернатора) в соответствии с «Учреждением для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г. [33]

К началу XIX в. военный губернатор стоял во главе Оренбургского края, включавшего Оренбургскую губернию, земли уральских казаков, башкирские земли в Пермской, Вятской, Саратовской губерниях, приуральские кочевья казахских жузов. Правительственный взгляд на Оренбургский край нашел отражение в документе, подписанном 16 сентября 1803 г. императором Александром I и адресованном генералу от кавалерии Г. С. Волконскому, назначенному 18 июля 1803 г. оренбургским военным губернатором [34]. Документ назывался «Извлечение главнейших предметов из Высочайшей инструкции, оренбургскому военному губернатору данной» [35]. Инструкция представляла собой своеобразную программу деятельности Г. С. Волконского в крае. Александр I так и писал: «...нужным признаю обратить внимание ваше на некоторые генеральные предметы» [36]. Во-первых, императора и правительство беспокоили «...хищничества киргиз-кайсаков, и что неоднократно караваны проходившие, были разграблены». Волконскому следовало вникнуть в причины этих «беспорядков и принять меры, дабы самая строгая дисциплина на линии содержима была», чтобы никаких покушений со стороны войск или жителей, противных правилам, не было». Политика Российской империи в данном регионе, по мнению Александра I, должна строиться на принципах «справедливость, ласковость и строгость», что предполагало соблюдение строгой справедливости по отношению к казахам и ко всем «тамошним азиатским народам» и твердостью «к отражению покушений их». Особо император остановился на баранте, которая, в соответствии с традициями казахов, представляла собой право потерпевшей стороны угонять принадлежащих виновной стороне животных прямо с пастбища. Александр I считал, что употребление баранты без всякого разбора «...ни к чему другому не служит как к усилению злобы и вражды, и к утверждению правил мщения» [37]. Но, вместе с тем, баранта «или на похищающих, или на те роды, коим похитители принадлежат, есть мера, которая, устрашая их, не может не производить наилучшего впечатления» [38].

Инструкция предписывала военному губернатору Г. С. Волконскому объехать пограничную линию при первом же удобном случае, изучить положение кантонов, порядок несения службы, проконтролировать, нет ли злоупотреблений. Кроме того, император поручил военному губернатору представить свое мнение по поводу необходимости усиления поселений на пограничной линии, чтобы не прибегать к дополнительным расходам из казны.

Во-вторых, военному губернатору следовало обратить внимание на внутреннее положение Оренбургской губернии и на взаимоотношения с гражданским губернатором. Император писал, что в губернии должен царить «дух единомыслия». Он прямо указал на то, что между военным и гражданским губернаторами Оренбургской губернии уже возникали «недоразумения», которые «не могли не иметь влияния на благоустройство тамошнего края» и которые нельзя допустить впредь [39]. По всей видимости, император имел в виду конфликт между военным губернатором генерал-майором Н. Н. Бахметевым, назначенным в край в сентябре 1798 г., и гражданским губернатором, действительным статским советником И. М. Баратаевым, служившим в губернии с 1787 г. Конфликт произошел в конце 1798–1799 г. и был связан с разногласиями по поводу заготовки дров для казарм военно-служилого населения губернии. Обстоятельства конфликта довольно подробно рассмотрены в историографии [40]. Итогом конфликта стала отставка гражданского губернатора И. М. Баратаева. В области гражданского управления военному губернатору Г. С. Волконскому следовало также пресекать злоупотребления по части земской полиции, способствовать развитию промышленности в губернии.

Наконец, третий пункт инструкции императора Александра I был связан с казачьими войсками края, а именно, с Уральским войском, в котором готовилась реформа управления. Правительство планировало реорганизовать местное управление казачьих войск на принципах, возможно более близких к устройству губернского управления. В 1802 г. в Уральскую войсковую канцелярию был командирован генерал-лейтенант Медер, на которого было возложено составить штат канцелярии и более детально изучить состояние управления в войске. Он должен был привести в исполнение новое положение об Уральском казачьем войске. Общее руководство над реформой управления казачьих войск было возложено на военного губернатора Г. С. Волконского.

Анализ основных положений Высочайшей инструкции, данной оренбургскому военному губернатору в 1803 г., свидетельствует о том, что правительство выделяло три главные направления в его деятельности как начальника края: обеспечение безопасности Оренбургской пограничной линии и проведение продуманной и взвешенной внешней политики; контроль за гражданским управлением и пресечение злоупотреблений; реформирование казачьих войск края, направленное на установление единообразного организационного, хозяйственного и правового устройства. При этом военный губернатор оставался главным доверенным лицом императора, которое должно было информировать о состоянии вверенной губернии.

Таким образом, анализ историографии, законодательных документов и архивных источников свидетельствует о том, что в XVIII – нач. XIX в. Оренбургский край не являлся административно-территориальной единицей империи. Он представлял собой отдельный регион, отдаленную обширную юго-восточную окраину Российской империи, включающую в себя территорию нескольких губерний, географически совпадавшую с Южным Уралом. В ходе административно-территориальных реформ XVIII – начала XIX в. сохранялось историко-географическое единство края. Формирование данного региона было обусловлено пространственной локализацией и определенными историческими событиями, среди которых доминировали военно-колониационные.

В XVIII в. Оренбургский край выделился в отдельный сегмент правительственной политики. В крае сохранялись приоритет военной власти над гражданской, недорогой управленческий механизм, традиционные институты самоуправления и суда у коренного населения. Военная власть отвечала за внутреннее устройство края, но самое главное – за внешнюю политику и пограничную линию. На протяжении первой половины XIX в. Оренбургский край оставался пограничным регионом. Территория края не оставалась неизменной, происходило ее расширение. В 1804 г. Белебеевский и Бугурусланский уезды были восстановлены, Оренбургская губерния стала состоять из 12 уездов. Площадь губернии составляла 282 551 кв. версту [41]. В 1808 г. в его состав вошла Внутренняя (Букеевская) орда, в 1811 г. была присоединена территория в междуречье Урала, Бердянки и Илека, был создан так называемый Ново-Илекский район. В таком составе Оренбургская губерния просуществовала до 1851 г. Политика правительства претерпевала некоторые изменения в соответствии с менявшимися военно-политическими и экономическими приоритетами. По мере дальнейшего продвижения русского влияния в Казахстан и Среднюю Азию Оренбургский край окончательно превратился во внутренний район империи, о чем свидетельствовала отмена в 1881 г. Оренбургского генерал-губернаторства.

Примечания

1. Ремнев А. В. Имперское управление азиатскими регионами России в XIX – начале XX веков. Некоторые итоги и перспективы изучения // Сибирская заимка. История Сибири в научных публикациях. URL: <http://zaimka.ru/remnev-imperium/> (дата обращения: 07.04.2017).
2. Ремнев А. В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX вв.: в поисках новых теоретических подходов // Сибирская заимка. История Сибири в научных публикациях. URL: <http://zaimka.ru/remnev-siberia/> (дата обращения: 10.04.2017).
3. Ремнев А. В. Имперское управление азиатскими регионами России в XIX – начале XX веков...
4. Мацузато К. Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу // Новая имперская история постсоветского пространства : сб. ст. (Библиотека журнала «AbImperio») / под ред. А. В. Герасимова, С. В. Глебова, А. П. Каплуновского, М. Б. Могильнер, А. М. Семенова. Казань, 2004. С. 458.
5. Там же. С. 456.
6. Там же. С. 434.
7. Любичанковский С. В., Любичанковский А. В. Урало-Каспийский регион как историко-географический феномен (XVI – начало XX вв.) // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 1 (18). С. 105.
8. Там же. С. 104.
9. Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 131.
10. Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1976. Т. IV. Ч. 1. С. 14.

11. Чибилев А. А. (мл.), Богданов С. В. Картографический анализ исторической эволюции границ Оренбургской губернии // Уральский исторический вестник. 2016. № 2(51). С. 128.
12. Там же.
13. Васильев Д. В. Организация административного управления в Казахской степи: государственная политика и региональные практики (XVIII – первая половина XIX в.) : дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2016. С. 246.
14. Рахимов Р. Н. Оренбургская и Сибирская пограничные линии в XVIII – первой половине XIX в. как юго-восточный и восточный фронтиры России // Вестник Томского государственного университета. 2013. 10 (126). С. 107.
15. Там же.
16. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I (далее – ПСЗ I). СПб., 1830. Т. 25. № 18477.
17. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 198/4, Л. 1-5.
18. Рахимов Р. Н. Указ. соч.; Любичанковский С. В., Любичанковский А. В. Указ. соч.
19. Рахимов Р. Н. Указ. соч. 104.
20. Семенова Н. Л. Военное управление Оренбургским краем в конце XVIII – первой половине XIX вв. Стерлитамак, 2001. С. 178.
21. ПСЗ I. Т. 21. № 15307.
22. Чибилев А. А. (мл.), Богданов С. В. Картографический анализ исторической эволюции границ Оренбургской губернии // Уральский исторический вестник. 2016. № 2(51). С. 130–131.
23. Буканова Р. Г., Абдрахимова Г. Р. Образование Уфимского наместничества – начало нового этапа в развитии городов Южного Урала // Вестник Башкирского университета. 2013. Т. 18. № 4. С. 1329.
24. Старков В. И. Основные реформы в области административно-территориального устройства России XVIII–XIX вв. Урал в ходе проведения реформ // Веси. 2014. № 5. С. 6. URL: <http://www.cdooso.ru/phocadownload/userupload/editions/starkov-v-i-osnovnye-reformy-adm-terr-ustroistva-rossii-XVIII-XIX-vv.Ural-v-hode-provedeniya-reform.vesi-05-2014.pdf> (дата обращения 17.04.2017).
25. ПСЗ I. Т. 21. № 1517.
26. ПСЗ I. Т. 24. № 17634. С. 249–250.
27. Клочков М. В. Очерки правительственной деятельности Павла I. Пг., 1916. С. 412.
28. ПСЗ I. Т. 24. № 17634.
29. Градовский А. Д. Исторический очерк учреждения генерал-губернаторств в России // Собрание сочинений А. Д. Градовского : Т. 1–9. СПб., 1899–1908. Т.1, 1899. С. 313–315.
30. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1537. Оп. 1. Д. 90. Л. 13-14.
31. ПСЗ I. Т. 26. № 20004.
32. Там же. С. 776.
33. ПСЗ I. Т. 27. № 20713. С. 542.
34. РГИА Ф. 1286. Оп. 1. Д. 256. Л. 70.
35. ПСЗ I. Т. 27. № 20938. С. 893–894.
36. Там же. С. 893.
37. Там же. С. 893.
38. Там же. С. 894.
39. Там же.
40. Семенова Н. Л. Гражданские губернаторы Оренбургской губернии: механизм и мотивы их назначения и увольнения (конец XVIII – первая половина XIX веков) // Новый исторический вестник. 2016. № 2(48). С. 10–26.
41. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. ВУА. Д. 18890. Л. 10.

Notes

1. Remnev A. V. *Imperskoe upravlenie aziatskimi regionami Rossii v XIX – nachale XX vekov. Nekotorye itogi i perspektivy izucheniya* [Imperial governance of Asian regions of Russia in the XIX – early XX centuries. Some results and prospects of research] // *Sibirskaya zaimka. Istoriya Sibiri v nauchnykh publikatsiyah* – Siberian Zaimka. History of Siberia in scientific publications. Available at: <http://zaimka.ru/remnev-imperium/> (accessed: 07.04.2017).
2. Remnev A. V. *Sibir' v imperskoj geografii vlasti XIX – nachala XX vv.: v poiskah novykh teoreticheskikh podhodov* [Siberia in the Imperial geography of power XIX – early XX centuries: in search of new theoretical approaches] // *Sibirskaya zaimka. Istoriya Sibiri v nauchnykh publikatsiyah* – Siberian Zaimka. History of Siberia in scientific publications. Available at: <http://zaimka.ru/remnev-siberia/> (accessed: 10.04.2017).
3. Remnev A. V. *Imperskoe upravlenie aziatskimi regionami Rossii v XIX – nachale XX vekov...* [Imperial governance of Asian regions of Russia in the XIX – early XX centuries...]
4. Macuzato K. *General-gubernatorstva v Rossijskoj imperii: ot ehnicheskogo k prostranstvennomu podhodu* [Governor-generalship in the Russian Empire: from ethnic to spatial approach] // *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva : sb. st. (Biblioteka zhurnala «AbImperio»)* – New Imperial history of post-Soviet space: collection of articles (library of the magazine "AbImperio") / under the editorship of A. V. Gerasimov, S. V. Glebov, A. P. Kaplunovskii, M. B. Mogilner, A. M. Semenov. Kazan. 2004. S. 458.
5. Ibid. P. 456.
6. Ibid. P. 434.

7. Lyubichankovskij S. V., Lyubichankovskij A. V. *Uralo-Kaspijskij region kak istoriko-geograficheskij fenomen (XVI – nachalo XX vv.)* [Uralo-Caspian region as a historical-geographical phenomenon (XVI – beginning XX centuries)] // *Samarskij nauchnyj vestnik – Samara Scientific Herald*. 2017, vol. 6, No. 1 (18), p.105.
8. Ibid. P. 104.
9. Dyakin V. S. *Nacional'nyj vopros vo vnutrennej politike carizma (XIX v.)* [National question in internal policy of the tsarism (XIX century)] // *Voprosy istorii – Questions of history*. 1995, No. 9, p. 131.
10. *Materialy po istorii Bashkirskoj ASSR – Materials on the history of the Bashkir ASSR*. M. 1976. Vol. IV. Part 1. P. 14.
11. CHibilev A. A. (ml.), Bogdanov S. V. *Kartograficheskij analiz istoricheskoy ehvolyucii granic Orenburgskoj gubernii* [Cartographic analysis of the historical evolution of the borders of Orenburg province] // *Ural'skij istoricheskij vestnik – Ural historical journal*. 2016, No. 2(51), p. 128.
12. Ibid.
13. Vasil'ev D. V. *Organizaciya administrativnogo upravleniya v Kazahskoj stepi: gosudarstvennaya politika i regional'nye praktiki (XVIII – pervaya polovina XIX v.): dis. ... d-ra ist. nauk* [Organization of administrative control in the Kazakh steppe: state policy and regional practice (XVIII – first half XIX century) : dis. ... dr hist. sciences]. Samara. 2016. P.246.
14. Rahimov R. N. *Orenburgskaya i Sibirskaya pogranchnye linii v XVIII – pervoj polovine XIX v. kak yugo-vostochnyj i vostochnyj frontiry Rossii* [The Orenburg and Siberian frontier lines in the XVIII – first half XIX century as South-Eastern and Eastern frontiers of Russia] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Tomsk state University*. 2013, 10 (126), p. 107.
15. Ibid.
16. Complete collection of laws of the Russian Empire. Meeting I (hereafter PSZ I). SPb. 1830. Vol. 25. No. 18477. (in Russ.)
17. State archive of Orenburg region (GAOO). F. 6. Sh. 1. File 198/4. Sh. 1-5.
18. Rakhimov R. N. Op. cit.; Lyubichankovskij S. V., Lyubichankovskij A. V. Op. cit.
19. Rakhimov R. N. Op. cit. P. 104.
20. Semenova N. L. *Voennoe upravlenie Orenburgskim kraem v konce XVIII – pervoj polovine XIX vv.* [Military management of the Orenburg region in late XVIII – first half XIX centuries] Sterlitamak. 2001. P. 178.
21. PSZ I. Vol. 21. No. 15307. (in Russ.)
22. CHibilev A. A. (ml.), Bogdanov S. V. *Kartograficheskij analiz istoricheskoy ehvolyucii granic Orenburgskoj gubernii* [Cartographic analysis of the historical evolution of the borders of Orenburg province] // *Ural'skij istoricheskij vestnik – Ural historical journal*. 2016, No. 2(51), pp. 130-131.
23. Bukanova R. G., Abdrahimova G. R. *Obrazovanie Ufimskogo namestnichestva – nachalo novogo ehtapa v razvicii gorodov YUzhnogo Urala* [Formation of Ufa governorship – the beginning of a new stage in the development of the cities of the southern Urals] // *Vestnik Bashkirskogo universiteta – Herald of the Bashkir University*. 2013, vol. 18, No. 4, p. 1329.
24. Starkov V. I. *Osnovnye reformy v oblasti administrativno-territorial'nogo ustrojstva Rossii XVIII-XIX vv. Ural v hode provedeniya reform* [Basic reform of the administrative-territorial device of Russia in XVIII-XIX centuries, the Urals during reforms] // *Vesi – Villages*. 2014, No. 5, p. 6. Available at: <http://www.cdooso.ru/phocadownload/userupload/editions/starkov-v-i-osnovnye-reformy-adm-terr-ustroistva-rossii-XVIII-XIX-vv.Ural-v-hode-provedeniya-reform.vesi-05-2014.pdf> (accessed 17.04.2017).
25. PSZ I. Vol. 21. No. 1517. (in Russ.)
26. PSZ I. Vol. 24. No. 17634. Pp. 249-250. (in Russ.)
27. Klochkov M. V. *Ocherki pravitel'stvennoj deyatel'nosti Pavla I* [Essays on the governmental activities of Paul I]. PG. 1916. P. 412.
28. PSZ I. Vol. 24. No. 17634. (in Russ.)
29. Gradovskij A. D. *Istoricheskij ocherk uchrezhdeniya general-gubernatorstv v Rossii* [Historical sketch of the institution of general-government in Russia] // *Sobranie sochinenij A. D. Gradovskogo – Collected works of A. D. Gradovsky*: vol. 1-9. SPb. 1899-1908. Vol. 1. 1899. Pp. 313-315.
30. The Russian state historical archive (RGIA). F. 1537. Sh. 1. File 90. Sh. 13-14.
31. PSZ I. Vol. 26. No. 20004. (in Russ.)
32. Ibid. P. 776.
33. PSZ I. Vol. 27. No. 20713. P. 542. (in Russ.)
34. RGIA F. 1286. Sh. 1. File 256. Sh. 70.
35. PSZ I. Vol. 27. No. 20938. Pp. 893-894. (in Russ.)
36. Ibid. P. 893.
37. Ibid. P. 893.
38. Ibid. P. 894.
39. Ibid.
40. Semenova N. L. *Grazhdanskije gubernatory Orenburgskoj gubernii: mekhanizm i motivy ih naznacheniya i uvol'neniya (konec XVIII – pervaya polovina XIX vekov)* [Civil governors of the Orenburg province: mechanism and motives of their appointment and dismissal (end of XVIII – first half XIX centuries)] // *Novyj istoricheskij vestnik – New historical herald*. 2016, No. 2(48), pp. 10-26.
41. Russian state military historical archive (RGVIA). F. BYA. File 18890. Sh. 10.

Девиация: два случая из жизни учителей Зауралья 70-х гг. XIX в.

В статье рассматривается девиантное поведение в провинциальной педагогической среде 70-х гг. XIX в. На примере конфликтов, разгоревшихся в Екатеринбурге и Тобольске, выявлены особенности менталитета гимназистов и их преподавателей в дореволюционной России. Для учительского сообщества и его социального окружения было характерно причудливое сочетание элементов традиционной и феодальной культур и ряда идеологических течений Нового времени. Предполагалось, что обучение должно базироваться на внеличных началах. Труд учителя рассматривался как героическое деяние, искупительная жертва или греховная практика. Поступки педагогов могли обуславливаться мотивами защиты личного достоинства или преодоления испытаний. Соответственно, социальные характеристики учителей того времени нередко отличались отсутствием цельного взвешенного поведения, господством ситуативных моментов, а в крайних случаях и девиации.

This article discusses the deviant behavior in the provincial pedagogical environment of the 70-th years of the 19-th century. On the example of the conflicts which have erupted in Yekaterinburg and Tobolsk, as a result of the study was exposed features of mentality of grammar-school boys and their teachers in pre-revolutionary Russia. The fancy combination of elements of traditional and feudal cultures and a number of ideological consecutions of New Time was typical for community of teachers and its social environment. It was supposed that education has to be based on the extra personal beginnings. Work of the teacher was considered as heroic deed, an atoning sacrifice or sinful practice. Acts of teachers could be caused by motives of protection of personal advantage or overcoming trail. Respectively, social characteristics of teachers of that time quite often differed in lack of the integral weighed behavior, domination of the situational moments, and in extreme cases and deviation.

Ключевые слова: гимназия, Голодников, девиация, Екатеринбург, конфликт, Обреимов, провинция, Тобольск, учитель.

Keywords: the grammar-school, Golodnikov, the deviation, Yekaterinburg, the conflict, Obreimov, the province, Tobolsk, the teacher.

В 1861 г. Россия вступила в полосу Великих реформ. Известно, что в конечном итоге эти реформы сменились контрреформами и еще позднее – радикальными революционными потрясениями. Двигателем нового всегда была молодежь, и наше Отечество не стало исключением. Допустима постановка следующих вопросов: что должны были чувствовать дети и школьные учителя во времена бурных общественных трансформаций? Какова была их социально-психическая мотивация? Для предварительных ответов на поставленные вопросы в ряде случаев важно отвлечение от объективистской сухой отчетности, где в основном отображено количество учащихся и учителей, и попытка заглянуть за школьные статистические кулисы. Поиск верных ответов на вышеизложенные вопросы немыслим без детального рассмотрения исторических источников, в которых представлено не столько обыденное состояние школьных дел, сколько конфликтные и даже кризисные ситуации, посредством которых невольно обнажались ранее скрытые процессы и умалчиваемые реалии.

В настоящей публикации предпринят анализ двух достаточно «громких» эпизодов девиантного поведения учителей и учащихся Зауралья в 70-х гг. XIX в. Нельзя сказать, что анализируемые случаи ранее не освещались в отечественной историографии. В советский период акцентировалось внимание на их положительной революционной составляющей [1]. В современной России, напротив, девиантные поступки педагогов прошлого воспринимаются, в основном, отрицательно [2]. Нет сомнения, что идеологическая предвзятость мешает осознанию произошедшего именно как девиантного поведения. При этом девиация понимается нами максимально расширенно – как любое поведенческое отклонение (не обязательно исключительно негативное) от общепринятых социокультурных норм. Ранее нам уже приходилось освещать проблемы девиантного поведения в педагогической среде [3].

Первый громкий случай произошел в Екатеринбурге. Здесь в 1870 г. появился новый преподаватель местной мужской гимназии. Им был выходец из мещан Василий Иванович Обреимов, 1843 г. рождения. Он успешно закончил математический факультет Казанского университета и имел степень кандидата. Видимо, начальство было им довольно. В преподавательском коллективе Обреимова приняли хорошо, его не сторонились. В те времена для жителей Екатеринбурга и

окружающих территорий наличие собственной мужской гимназии было достаточно престижным. Здесь обучались отпрыски богатейших местных купцов. Здесь французский язык преподавал уроженец Швейцарии Онисим Егорович Клер, один из основателей Уральского общества любителей естествознания – УОЛЕ.

Нередко в перерывах между занятиями преподаватели, не стесняясь, вели достаточно вольные разговоры. Да и что им было скрывать? В провинциальном уездном Екатеринбурге все про всех знали. Известно было, в частности, что Обреимов приехал в город с матерью и живет в гражданском браке с Глафирой (она называла себя Кларой) Тетюшиновой. Глафира Ивановна, одна из первых женщин-журналисток в России, ранее публиковалась в провинциальной периодической печати, занималась переводами. Формально же, по паспорту, она числилась женой астраханского купца [4]. В. И. Обреимов активно участвовал в местной общественной жизни, сотрудничал с О. Е. Клером, преподавал в женской гимназии, открыл домашний пансион для учащихся. Не чурался он и репетиторства, подрабатывая вместе с невенчанной женой. Дети любили своего энергичного наставника.

Конфликт, затронувший многих екатеринбуржцев, внешне начался почти случайно. Законоучитель священник Знаменский сообщил Обреимову как классному наставнику, что некоторые ученики его шестого класса «начали учащено и, поддерживая друг друга, задавать разные вопросы относительно религии, причем допускали глумление и резкие выражения». К числу этих выражений относились следующие: «отцы церкви сами не знали, какую пищу можно употреблять, а какую нет»; «так как у христиан первых времен было всё общее, то теперь должно быть всё общее, потому что все люди равны»; «апостол Павел не понимал равенства и не знал потребностей нашего времени»; «апостолы своим учением прекратили у нас возможность прогресса». Некоторые учащиеся отвергали подлинность Евангелия и библейской истории, негативно относились к почитанию святых мощей [5].

Судя по последующим жалобам Обреимова, священник Знаменский во многом сам провоцировал эпатажные вопросы. В преподавании Закона Божьего его отличали фамильярное общение с учащимися и циничная откровенность на уроках. «Дадут мне тысяч 20, – заявлял священник, – я хоть родного брата на сестре повенчаю, не беда, что расстригут, с деньгами-то ныне можно и без службы прожить»; «все берут, вот и вы честны, когда сидите на школьной скамье, а как выйдете из гимназии, сами не прочь будете попользоваться». Однажды, срочно вызванный для елеосвящения тяжелобольного, Знаменский заявил гимназистам: «Ну, братцы, сидите смирно, а я пойду комедию ломать». В гимназии батюшку отличали излишняя болтливость, неумение держать дистанцию, бестактность по отношению к окружающим. Так, объектом его пошлых острот стал тихий и болезненный преподаватель латинского языка Хорошкевич, которому священник советовал поселиться в одном из публичных домов и «выставлял при этом все выгоды такой квартиры» [6].

Реакция Обреимова на претензии Знаменского и пререкания между ними была неожиданно резко негативной. Несмотря на все уговоры директора В. В. Всеволодова, преподаватель решил оставить службу в гимназии. Не став ждать ответа на своё прошение из Казанского учебного округа, Обреимов отказался проводить уроки. 14 гимназистов, узнав об уходе популярного учителя, подали коллективный протест и также временно перестали посещать занятия. Скандал получился громадный. Он дошел до министров народного просвещения и внутренних дел.

В итоге проиграли все. Был вынужден оставить свой пост директор мужской гимназии. Несколько учащихся гимназии отчислили с «волчьими билетами» [7]. Не осуществились и наивные мечты Обреимова продолжать и далее держать свой пансион в Екатеринбурге и сохранить уроки в местной женской гимназии. В 1872 г. вместе с Тетюшиновой его сослали в Вятскую губернию. Интересно, что двое их учеников, сыновья золотопромышленника Севастьянов и купца из Каменского завода Шемарина, планировали далее продолжить свое обучение, поехав в места ссылки педагогов, однако власти не позволили этого сделать [8].

В 1873 г., уже находясь в ссылке, Обреимов составил две докладные записки объемом в несколько десятков страниц в Святейший Синод и на имя министра народного просвещения графа Дмитрия Толстого. В этих записках он, вероятно вполне искренне, доказывал властям свою религиозность и верность престолу. Но, не ограничившись этими утверждениями, Обреимов представил шаржированные характеристики своих коллег по гимназии. Он подробно описал случаи рукоприкладства, грубости и некорректных высказываний педагогов, их увлечение картами, появление в пьяном виде и низкую эффективность образовательного процесса в гимназии [9]. Интересно, что подобным же деструктивным образом действовали и некоторые недовольные учащиеся. Но, в отличие от ссыльного Обреимова, они делали ставку на разжигание общественного скандала через анонимные листовки. В начале сентября 1871 г. в разных местах города бы-

ли расклеены воззвания с призывом отменить преподавание в гимназиях «гнилой древности» и пасквиль на членов Педагогического совета.

Одного автора нашли сами ученики. Это был некто Е. П. Левитский, сын священника села Маминское в Екатеринбургском уезде. Оставленному на второй год из-за невыплаты денег за обучение Левитскому уже исполнилось 18 лет. Шансы завершить среднее образование у него были минимальными [10]. Точно неизвестно, сколько было вывешено анонимных сатирических листов. Объединяло их критическое отношение к педагогам. К их числу относится «Надежды Екатеринбурга. Комедия в одном действии». Действующими персонажами оскорбительной «комедии» стали преподаватели мужской гимназии во главе с директором [11]. Пасквиль на Знаменского появился и в стенах гимназии. Он был написан на карте. Попытка дополнительно запечатлеть произведение, вырезав его ножом, привела к отчислению из гимназии Андреева, сына ирбитского купца 2-й гильдии [12].

Среди учащихся ходила по рукам злободневная «Дума гимназиста». Приведем из неё несколько поэтических строк:

Окончен суд неправый строгий,
Суровый приговор прочтен.
Протест наш признан стачкой, бунтом,
Поступок честный осужден.

Далее в «Думе» оправдывался Обреимов и порицались его коллеги:

Он был грозой для педагогов,
Живым укором в их делах.
Для нас же был он другом верным,
Защитой, помощью в делах.

Заканчивалось это наивное произведение на оптимистической ноте:

Мы любим все, что чисто, свято.
Мы сильны! Будущность за нас! [13].

К сожалению, история не подтвердила надежд гимназистов Екатеринбурга. Их искреннее стремление защитить Обреимова впоследствии, когда он уже находился в ссылке, обернулось кровавой расправой. 15 мая 1874 г. ученик Скачков, поклонник Обреимова, убил из пистолета следующего директора гимназии Я. И. Предтеченского, который не имел отношения к конфликту. Еще ранее Скачков пытался поджечь здание гимназии [14].

Менее трагичная история произошла в губернском Тобольске. В 1876 г. здесь появилась дочь врача, молодая учительница В. И. Зацвилюховская, недавно закончившая Саратовскую гимназию. Обаятельная Варвара Ивановна подружилась с семьей чиновника и краеведа К. М. Голодниковова, племянника историка Сибири П. А. Словцова [15], где её запросто звали Басей. В доверительных отношениях она была и с младшим сыном Голодниковых Александром. Мальчишка, для того чтобы произвести впечатление на взрослую девушку, начал таинственно сообщать ей о своих мифических связях с террористическим подпольем. Разговорами дело не обошлось. В 1879 г. Александр был исключен из шестого класса местной мужской гимназии из-за распространения писем с угрозой сжечь город Тобольск и написанного им же стихотворения «На смерть А. К. Соловьева» (покушавшегося на Александра II). В 1881 г. он, вместе с купеческим сыном Сыромятниковым и коллежским секретарем Тунгусовым, по доносу был дополнительно обвинен в богохульстве и «дерзких словах» о покойном императоре.

С началом следствия для ученика и учительницы потянулась долгая цепь допросов и унижительных очных ставок. Родители с обеих сторон (Голодниковова и Зацвилюховской) пытались выгородить исключительно своего ребенка, приписывая все грехи противоположной стороне. Весьма характерно, что в следственных документах отложились не только бытовые подробности, но и сведения о политических оппозиционных настроениях в учительской среде, о круге их чтения, о музицировании запрещенной «Марсельезы». По признанию самого осужденного Голодниковова, его эксцентричные поступки были вызваны именно романтическим чувством к Зацвилюховской. Хотя учительницу Мариинской женской школы и оправдали, но её репутация в глазах общества была утрачена [16]. Архивные документы свидетельствуют, что романтические взаи-

моотношения между девушкой-педагогом и взрослеющим гимназистом не были единичным случаем. Одна из таких историй в городе Ишиме закончилась смертью девушки [17].

Кратко расскажем о дальнейших судьбах главных героев. Они сложились по-разному. Обреимов до 1878 г. находился в ссылке, где успешно сотрудничал с прогрессивным издателем Ф. Ф. Павленковым. Затем Обреимов и Тетюшинова из ссылки бежали и жили на нелегальном положении. Еще позднее их пути разошлись. Тетюшинова перебралась за границу, переводила зарубежных авторов, в частности книгу Чезаре Ломброзо «Гениальность и помешательство» [18]. Обреимов официально женился, жил в Швейцарии и Франции, затем добился помилования, вернулся в Россию и стал известен научными работами, получившими признание у математиков. В изгнании у него родился сын, будущий известный советский физик И. В. Обреимов.

А. К. Голодников неоднократно подвергался арестам, жил под гласным и негласным надзором полиции. После вынесения приговора бывший гимназист с 1882 г. находился в ссылке в Кургане. Несмотря на прошения родителей о помиловании, у него были проблемы с устройством на гражданскую службу. В короткий период, с марта по июль 1884 г., Голодников числился канцелярским служителем в Тобольском губернском правлении, затем его уволили в отставку. В 1891 г. пытался поступить в Акмолинское областное правление, потом вновь служил в Тобольске [19]. Карьеры он не сделал. В последующее время работал хроникером в газете «Енисей», писал для журнала «Сибирский наблюдатель». Наиболее известной его работой стала «Енисейская губерния (статистическо-экономический очерк)».

Хотя детальные биографии участников описываемых событий пока еще не созданы, допустимо сделать предварительные выводы, не претендующие на всеобщность. Видимо, в 60–70-е гг. XIX в. индивидуализм образованной части провинциальной молодежи столкнулся со стремлением самодержавного государства сохранить внешние атрибуты быстро деградирующего сословного строя. Система государственного обучения в дореволюционной России была основана на иерархичности, показной дисциплине, казенных ритуалах и устаревшем формализме. Поэтому публичные отступления от официальных норм воспринимались властями как преступления и подлежали наказанию. Результативность обучения, реальное удовлетворение потребностей общества в образованных кадрах, культурные запросы и нужды педагогов и учащихся, особенности психологии подростков учитывались в незначительной мере либо не учитывались совсем.

С другой стороны, в новых исторических условиях нормы уходящей эпохи оказались отчасти заимствованы образованной публикой. Прежняя идея служения (монарху, государству) осталась в общественном сознании, но была радикально переосмыслена. Изменились акторы и адресат служения. Людми того времени предполагалось, что образование базируется на внеличных ценностях. Преподавание и обучение рассматривались как героические деяния и требовали подвигов. В провинциальном мире учителя и гимназисты оказались объектами пристального внимания, пристрастной как положительной, так и отрицательной критики. Фигуры педагогов и учеников находились в центре общественных ожиданий. С ними связывались надежды на улучшение нравов, часто неоправданные.

Завышенные требования порождали и завышенные самооценки. Отсюда проистекало щепетильное отношение к внешней, показной, стороне дела, к поддержанию в глазах окружающих собственного достоинства, личной и корпоративной чести. Для ряда педагогов взвешенное поведение было нехарактерно. Такие учителя отличались критическим настроением к окружающим и тяготением к ситуативности и девиации. Это провоцировало межличностные конфликты в педагогическом сообществе. Внешний жесткий контроль над личностью педагогов и учеников учительскими корпорациями, местными жителями и вышестоящими властями не предотвратил ни процессов эмансипации провинциального учительства, ни его активного участия в последующих революционных событиях. Демонстративное пренебрежение к индивиду ломало судьбы талантливых людей, оборачивалось растратой человеческого капитала и достижений отечественной культуры.

Примечания

1. Минковский В. Л. Василий Иванович Обреимов // Математика в школе. 1951. № 5. С. 68–71.
2. Егорова М. В. Повседневная жизнь учащихся и учителей Урала в XIX – начале XX в. М. : Памятники исторической мысли, 2008. С. 159–160.
3. Ершов М. Ф. Социальный статус педагога и березовские реалии в 80-е годы XIX в. // Меншиковские чтения – 2015. СПб. : Изд-во «XVIII век», 2015. С. 49–55.
4. Тарков А. Образ твой теряется вдали // Горожанин (Астрахань). 1995. № 1. URL: http://harabaly.ru/multimedia/files/6648/file_6648.pdf.
5. НАРТ Ф. 92. Оп. 1. Д. 10578. Л. 54–55.
6. Там же. Д. 1118. Л. 6–7, 26–27.

7. Там же. Д. 10578. Л. 16–30.
8. Там же. Л. 87–90.
9. Там же. Д. 1118. Л. 1–5.
10. Там же. Д. 1115. Л. 1–13.
11. Там же. Д. 10578. Л. 62–63.
12. Там же. Л. 54-об.
13. Там же. Л. 59–61.
14. *Диомидов Н.* Историческая записка о Екатеринбургской мужской гимназии (1861–1886). Оренбург : Типолитография И. И. Ефимовского-Мировицкого, б. г. С. 79.
15. Капитон Михайлович Голодников // Тобольские губернские ведомости: Редакторский корпус: Антология тобольской журналистики XIX – начала XX в. Тюмень : Мадр и К, 2004. С. 103–104.
16. ГУТОГА. Ф. И-159. Оп. 1. Д. 173. Л. 1–35.
17. ГАСПИТО. Ф. 4048. Оп. 1. Д. 57. Л. 78–84.
18. *Абросимов М. И.* Это было давно. Астрахань : Форзац, 1995. С. 38.
19. ГУТОГА. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 891. Л. 1–5. Ф. И-152. Оп. 8. Д. 296.

Notes

1. *Minkovskij V. L. Vasilij Ivanovich Obreimov* [Vasily Ivanovich Obreimov] // *Matematika v shkole – Mathematics at school.* 1951, No. 5, pp. 68–71.
2. *Egorova M. V. Povsednevnyaya zhizn' uchashchihsya i uchitelej Urala v XIX – nachale XX v* [Everyday life of students and teachers in the Urals in the XIX – early XX century] M. Monuments of historical thought. 2008. Pp. 159–160.
3. *Ershov M. F. Social'nyj status pedagoga i berezovskie realii v 80-e gody XIX v.* [Social status of the teacher and berezov realities in the 80-ies of the XIX century] // *Menshikovskie chteniya – 2015 – Menshikov readings – 2015.* SPb. Publishing house "XVIII century". 2015. Pp. 49–55.
4. *Tarkov A. Obraz tvoej teryaetsya vdali* [Your image is lost in the distance] // *Gorozhanin (Astrahan') – The Citizen (Astrakhan).* 1995, No. 1. Available at: http://harabaly.ru/multimedia/files/6648/file_6648.pdf.
5. National Archive of Republic of Tatarstan (NART). F. 92. Sh. 1. File 10578. Sh. 54–55.
6. Ibid. File 1118. Sh. 6–7, 26–27.
7. Ibid. File 10578 Sh. 16–30.
8. Ibid. Sh. 87–90.
9. Ibid. File 1118. Sh. 1–5.
10. Ibid. File 1115. Sh. 1–13.
11. Ibid. File 10578 Sh. 62–63.
12. Ibid. Sh. 54–turn.
13. Ibid. Sh. 59–61.
14. *Diomidov N. Istoricheskaya zapiska o Ekaterinburgskoj muzhskoj gimnazii (1861–1886)* [Historical note on the Yekaterinburg gymnasium (1861–1886)]. Orenburg. Lithographic printing house of I. I. Efimov-Mirovitskiy. P. 79.
15. *Kapiton Mihajlovich Golodnikov – Capiton Mikhailovich Golodnikov* // *Tobol'skie gubernskie vedomosti: Redaktorskiy korpus: Antologiya tobol'skoj zhurnalistiki XIX – nachala XX v.* – Tobolsk provincial gazette: Editorial corps: an anthology of Tobolsk journalism of XIX – beginning of XX century. Tyumen. Madr. 2004. Pp. 103–104.
16. GUTOSA. F. And-159. Sh. 1. File 173. Sh. 1–35.
17. State Archieve of Social-Political History of Tambov Region. F. 4048. Sh. 1. File 57. Sh. 78–84.
18. *Abrosimov M. I. Ehto bylo davno* [It was a long time ago]. Astrakhan. Forzats. 1995. P. 38.
- GUTOSA. F. И-1. Sh. 1. File 891. Sh. 1–5. F. И-152. Sh. 8. File 296.

УДК 930.2

Р. Р. Шайдуллин

Судебные следователи округа Казанской судебной палаты: организация и улучшение их деятельности (вторая половина XIX в. – 1917 г.)

Статья посвящена освещению истории создания и деятельности института судебных следователей при Казанской судебной палате после Судебной реформы 1864 г. Автор статьи на основании архивных источников и научной литературы по истории права России выявляет общие подходы и предоставляет конкретные материалы по организации и улучшению деятельности судебных следователей Казанской судебной палаты. Следственная часть, созданная еще в 1860 г., в дальнейшем стала одной из важных составляющих пореформенной судебной системы России. Сначала они были утверждены при окружных судах, затем и при судебных палатах. Как носители судебной власти, они обладали высоким статусом. Деятельность су-

дебных следователей была одним из ключевых звеньев по осуществлению правосудия. Количество должностей судебных следователей и следственных участков Казанской судебной палаты, как и по всей России, регулярно менялось в сторону увеличения, что было связано с ростом преступности и количества рассматриваемых дел.

The article is devoted to the coverage of the history of the establishment and activity of the Institute of Judicial Investigators under the Kazan Judicial Chamber after the Judicial Reform of 1864. The author of the article on the basis of archival sources and scientific literature on the history of law of Russia reveals common approaches and provides specific materials on the organization and improvement of the activity of the judicial investigators of the Kazan Judicial Chamber. The investigation department, created in 1860, later became one of the important components of the post-reform judicial system in Russia. At first they were approved at the district courts, then at the court chambers. As carriers of the judiciary, they enjoyed high status. The activity of judicial investigators was one of the key elements in the implementation of justice. The number of positions of judicial investigators and investigative sites of the Kazan Trial Chamber, as well as throughout Russia, regularly changed in the direction of increase, which was due to the increase in crime and the number of cases considered.

Ключевые слова: Судебная реформа, Министерство юстиции, Казанская судебная палата, окружной суд, следственный участок, судебный следователь, статус, уголовное дело.

Keywords: Judicial reform, Ministry of Justice, Kazan Judicial Chamber, district court, investigative site, judicial investigator, status, criminal case.

Институт судебных следователей, которому возлагалась функция предварительного следствия, был создан накануне Судебной реформы. Следователи стали действовать при окружных судах и судебных палатах. Функция предварительного следствия, в ходе которого собирались улики для перепроверки в суде, как неотъемлемая часть судопроизводства была довольно специфичной – по сути это являлось судебной функцией. В русле общих подходов и принципов Судебной реформы эту функцию было решено изъять у полиции и передать институту, судебному по своей юридической природе. Таким институтом стали судебные следователи (в первоначальной редакции проекта – следственные судьи) [1].

Указом еще от 8 июня 1860 г. следственная часть была отделена от полиции, отныне для производства предварительных следствий назначались судебные следователи. Был утвержден Наказ судебным следователям. Первоначально планировалось ввести примерно 1000 должностей судебных следователей в уездах и городах 44 губерний, управлявшихся на основании общих положений.

В дальнейшем статус следствия нашел отражение в Уставах 1864 г. Формально статус судебного следователя стал довольно высоким. Сам факт признания его носителем судебной власти, пользующегося правом несменяемости, должен был обеспечить его независимость. Судебные следователи считались членами окружного суда в назначенных для каждого из них участках. Отныне они, как и судьи, назначались на должность императором по представлению министра юстиции [2].

В реальной жизни замысел составителей Уставов 1864 г. о самостоятельности и несменяемости судебных следователей не получил полной реализации. Их самостоятельность была, в сущности, уничтожена созданием взамен должности утвержденного судебного следователя, так называемого «неполного следователя – «исправляющего должность» (исполняющего обязанности) судебного следователя. Министр юстиции К. И. Пален с 1870 г. «во избежание несоответствий, которые могли бы возникнуть от предоставления судейской несменяемости начинающим судебную деятельность лицам» решил прибегнуть к назначению их «исправляющими должность судебного следователя. Таковые лица не пользовались правом несменяемости и могли быть переведены таким же приказом не только в другой участок, но и в другой суд, в другую местность. Эта практика была одобрена самим Императором.

Вместе с тем у Министерства юстиции в начале 1860-х гг. были все основания говорить о дефиците кадров и кандидатов в судебные следователи [3]. При таком положении дел после реформы 1864 г. на эти должности в числе прочих стали назначать бывших офицеров и таможенников, чиновников центрального губернского аппарата и, главным образом, – служащих старых, упраздненных судебных учреждений. Такая кадровая политика в итоге оказалась не провальной. Так, к середине 1870-х гг., т. е. всего через десять лет после введения новых судебных уставов девять из двенадцати участковых следователей Москвы уже имели государственные награды, в данном случае, ордена.

В 1867 г. должности судебных следователей по особо важным делам впервые были учреждены в Московской и Санкт-Петербургской судебных палатах. Вначале они были введены в ре-

менно, но с 1875 г. стали постоянными [4]. Как показала судебная практика, введение этих должностей следователей было оправданным. К началу XX в. судебные следователи действовали во многих других городах: Харькове, Новочеркасске, Одессе, Саратове, Казани, Киеве, Вильно, Варшаве, Тифлисе, Иркутске, Ташкенте, Омске.

В мае 1870 г. министру юстиции предоставляется право, не меняя штатного состава судебных следователей при окружных судах, назначать одного из них для производства следствий по особо важным делам на территории всего округа.

В целях уяснения причин недостатков, присущих следственному производству, в 1869 г. были собраны обширные сведения, подтвердившие убеждение Министерства юстиции, что следственная часть далеко не всегда соответствует всем требованиям правильного и быстрого отправления правосудия. Вследствие этого по Высочайшему повелению была учреждена комиссия из чинов министерств внутренних дел и юстиции для исследования обстановки на местах и разработки мер по улучшению ситуации. С отчетом комиссии, с результатами ее деятельности в то время судебные установления были ознакомлены. Однако выработанные комиссией положения не представлялось возможным сопроводить в законодательном порядке. Это делалось в целях накопления более продолжительного опыта, ввиду необходимости более твердых оснований и многостороннего изучения для предстоящих изменений как в самой следственной части, так и в уголовном процессе.

13 мая 1871 г. были опубликованы Высочайше утвержденные правила о доставлении судебными следователями тех местностей, где Судебные уставы от 20 ноября 1864 г. введены в полном объеме, сведений о производящихся у них делах (Собрание Узаконений 1871 г., № 44) [5]. На их основании вышла Инструкция о порядке доставления в департамент Министерства юстиции сведений о производящихся у следователей делах. Этими документами предусматривалась и ответственность следователей. Так, на основании п. 6 вышеуказанных правил о доставлении судебными следователями сведений о производящихся у них делах, виновные в неправильном и небрежном составлении сведений подлежали ответственности по ст. 417 Уложения о наказаниях [6].

Контроль за деятельностью судебных следователей, рассмотрением дел в судах производился регулярно. Так, в ноябре 1874 г. старший председатель Казанской судебной палаты получил циркуляр Министерства юстиции, который на основании указанных правил и циркулярного предписания Управляющего Министерства юстиции от 26 сентября 1873 г. (№ 17337) обязывал по всем неоконченным к 31 декабря уголовным делам направлять в Министерство копии с ведомостей о производстве дела, а взамен таковых подшивать новые бланки копии [7].

Вместе с тем, как отмечал в 1880 г. министр юстиции Д. Набоков, применение на практике в течение 14 лет действующих по следственной части постановлений успело обнаружить много недостатков, по крайней мере важнейшие из них. Устранение таковых возможно и необходимо для достижения целей уголовного судопроизводства и правосудия. В связи с этим министр юстиции обращался ко всем старшим председателям судебных палат с просьбой обсудить с председателями департаментов палаты и судебными чинами, которые могли бы быть полезны, те меры, которые надлежало принять для улучшения следственной части. Улучшение предполагалось провести путем общих административных по судебному ведомству распоряжений и законодательно утвержденных инициатив. Заключение с мест министр просил предоставить к 1 декабря 1880 г. [8]

Согласно циркуляру Минюста от 25 мая 1880 г. в Казанской судебной палате и Казанском окружном суде были обсуждены меры по улучшению следственной части путем административных распоряжений и законодательных реформ для совместной выработки соображений и предложений для предоставления в министерство [9]. Заключение по данному вопросу было предоставлено министру юстиции 25 ноября 1880 г. (№ 16243) [10].

Увеличение количества уголовных дел приводило к необходимости увеличения числа и самих судебных следователей. Так, в 1909 г. был составлен список должностей судебных следователей, предполагаемых к учреждению в округе Казанской судебной палаты с 1 января 1910 г. Согласно этому списку по округу Симбирского окружного суда предполагалось учредить: 2 участка в г. Симбирске, 1 – по г. Сызрани, 3 – в Карсунском уезде; по округу Сарапульского окружного суда: 8 участков в Сарапульском уезде, 4 участка в Малмыжском уезде; по округу Пермского окружного суда: 3 участка в г. Перми, 7 – в Осинском уезде, 3 участка в Чердынском уезде; по округу Уфимского окружного суда: 4 участка в г. Уфа, 4 – в Стерлитамакском уезде, 5 участков в Белебеевском уезде [11].

Необходимость увеличения должностей судебных следователей привела к долгой и разнообразной переписке между председателями окружных судов, старшим председателем Казанской судебной палаты и Министерством юстиции о конкретном числе новых должностей в каждом

судебном округе, о месте расположения этих участков, о последующем избрании на эти должности кандидатов, переделе границ следственных участков, перемещении с места на место судебных следователей и пр. Так, председатель Пермского окружного суда в декабре 1909 г. делился своими соображениями по поводу перераспределения следственных участков, с конкретным наименованием волостей в каждом новом следственном участке исходя и количества и специфики преступлений [12]. Рассмотрев статистические данные за 1907, 1908 и 1909 гг., Комиссия по изменению следственных участков Министерства юстиции прислала в Пермский окружной суд свои рекомендации. В частности, отмечалось, что статистические данные указывают, что в Оханском, Соликамском, Кунгурском и Красноуфимском уездах нет необходимости в увеличении числа следственных участков, чего нельзя сказать об Осинском, Чердынском и Пермском уездах [13].

Работа по усилению штатов судебных следователей продолжалась, в 1911 г. планировалось ввести дополнительные должности в некоторых судебных округах КСП. Старший председатель КСП в ноябре 1910 г. писал в Министерство юстиции, что не возражает по проекту образования новых следственных участков на территории Уфимского окружного суда (5-й участок Белебеевского и 4-й участок Стерлитамакского уездов) [14]. Также старший председатель КСП сообщал о своем согласии с проектами учреждения с 1 января 1911 г. должности судебного следователя 4-го участка Малмыжского уезда Сарапульского окружного суда [15], 3-го участка Карсунского уезда Симбирского окружного суда [16], двух членов суда и двух следователей Симбирского окружного суда [17] и пр. При обсуждении этих проектов участвовали и прокуроры, мнения которых иногда расходились с предположениями председателей окружных судов. Так, прокурор судебной палаты возражал против проекта об образовании 4-го участка в г. Уфе ввиду незначительности территории и предлагал дополнительно учрежденную должность судебного следователя отнести в Мензелинский уезде [18].

Необходимость увеличения штатов в судебных округах доказывалась в каждом отдельном случае. Так, относительно проекта утверждения дополнительного участка судебного следователя в Малмыжском уезде председатель Сарапульского окружного суда писал следующее. Несмотря на то что с момента открытия суда (01.07.1874 г.) население уезда увеличилось вдвое (с 193 835 до 325 201 чел.), штаты судебных следователей оставались неизменными. Это привело к увеличению числа преступлений, с 1904 г. в трех участках Малмыжского уезда преступность возросла в три раза. Ввиду этого отмечалась сильная загруженность судебных следователей, а также в качестве доказательства приводились факты о больших расстояниях и территориях судебных участков, неудовлетворительность путей сообщения и пр. На основании изложенного председатель Сарапульского окружного суда просил не только учредить дополнительный штат судебного следователя, но и перераспределение волостей уезда между четырьмя участками по предложенной ему схеме [19].

1 декабря 1910 г. старший председатель КСП обращался в Министерство юстиции (А. В. Лядову) с просьбой не отказать в дальнейшем сопровождении утвержденного Министром проекта об увеличении личного состава судебных установлений империи [20].

Законом от 28 мая 1911 г. в округе Казанской судебной палаты с 1 октября были дополнительно учреждены должности: по три следователя при Симбирском, Сарапульском, Уфимском и Пермском окружных судах [21]. Позже председателям соответствующих окружных судов были доставлены сведения относительно использования вновь учрежденных должностей, а также оного члена Казанского окружного суда [22].

Однако вопрос увеличения и утверждения штатов судебных следователей, новых следственных участков был делом непростым и долгим, что в итоге не всегда приводило к желаемым результатам. Так, в июне 1911 г. старший председатель Казанской судебной палаты сообщал в Министерство юстиции, что вместе со списком предполагавшихся к учреждению в 1910 г. должностей судебных следователей были препровождены четыре представления с проектами образования новых следственных участков. Они были выработаны общими собраниями перечисленных выше судов, применительно к проекту Министерства юстиции об усилении штатов от 18 февраля 1910 г., которым число должностей судебных следователей, предложенных к учреждению в округе КСП в 1911 г., было уменьшено. Сокращенный список выглядел следующим образом: в округе Симбирского окружного суда предложено учредить 2, Сарапульского – 1, Пермского – 1, Уфимского – 2 следственных участка [23].

На местах председатели окружных судов не скрывали своего удовольствия от учреждения новых должностей судебных следователей и новых следственных участков на территории своих судебных округов. В июле 1911 г. председатель Пермского окружного суда препроводил старшему председателю Казанской судебной палаты письмо о перемещении и назначении местных судебных следователей согласно постановлению отделений окружного суда [24]. Другим письмом

председатель Пермского окружного суда сообщал о предстоящей комплектации новых следственных участков в связи с утверждением трех новых должностей судебных следователей [25]. Также в июле 1911 г. председатель Уфимского окружного суда сообщал в КСП об избрании кандидатов на вновь образованные в своем судебном округе должности судебных следователей [26].

В целях облегчения и улучшения работы судебных следователей их перемещения и перераспределение следственных участков не прекращались. 26 июля 1911 г. из Министерства юстиции получено письмо на имя старшего председателя Казанской судебной палаты с приложением переписки о новом распределении следственных участков в округах Уфимского, Сарапульского, Симбирского и Пермского судов. Ввиду увеличения числа судебных следователей при этих судах 2-й Департамент министерства просил сообщить о своих соображениях по поводу возможных изменений первоначальных предположений по этому вопросу [27].

Соответственно, количество участков и должностей судебных следователей Казанской судебной палаты постоянно менялось в сторону увеличения. Так, согласно сведениям 1909 г., в Казанском окружном суде насчитывалось 26 судебных следователей (одна должность вакантна), в Симбирском – 18, в Вятском – 22, в Сарапульском – 13, в Пермском – 35, в Екатеринбургском – 34, Уфимском – 30 [28]. К середине 1916 г. в Казанском окружном суде насчитывалось 27 судебных следователей, в Симбирском – 21, в Вятском – 23, в Сарапульском – 15, в Пермском – 38, в Екатеринбургском – 34, в Уфимском – 33 [29].

Таким образом, мы можем констатировать следующее. Судебные следователи (изначально – следственные судьи) стали важным звеном Судебной реформы. Вместе с тем следственная часть была отделена от полиции еще до начала Судебной реформы Указом от 8 июня 1860 г. Статус следствия нашел отражение в Уставах 1864 г. Формально статус судебного следователя стал довольно высоким. Судебные следователи считались членами окружного суда в назначенных для каждого из них участках. Однако в реальности замысел составителей Уставов 1864 г. о самостоятельности и несменяемости судебных следователей не получил полной реализации. В 1867 г. должности судебных следователей по особо важным делам впервые были учреждены в Московской и Санкт-Петербургской судебных палатах. Вначале они были введены временно, но с 1875 г. стали постоянными. Как показала судебная практика, введение этих должностей следователей было оправданным. К началу XX в. судебные следователи действовали во многих других городах, в том числе и в Казани.

Со стороны руководства судебных палат и Министерства юстиции производился регулярный контроль за деятельностью судебных следователей, рассмотрением дел в судах. Увеличение количества уголовных дел приводило к необходимости увеличения числа и самих судебных следователей. С начала XX в. к 1916 г. количество должностей судебных следователей и следственных участков существенно выросло, что приводило к своевременному и более качественному ведению следствия.

Примечания

1. Мамонтов А. Г. Становление института предварительного следствия. М., 2005. С. 61.
2. Шахрай С. М., Краковский К. П. Суд скорый, правый, милостивый и равный для всех : К 150-летию Судебной реформы в России. М. : Кучково поле, 2014. С. 256–257.
3. Мамонтов А. Г. Указ. соч. С. 104.
4. Там же. С. 103.
5. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 51. Оп. 1. Д. 5. Л. 14–14 об.
6. Там же. Л. 15–15 об.
7. НА РТ. Ф. 51. Оп. 1. Д. 1. Л. 106.
8. Там же. Л. 298–298 об.
9. Там же. 299–299 об.
10. Там же. Л. 298.
11. НА РТ. Ф. 51. Оп. 7. Д. 189. Л. 4.
12. Там же. Л. 48.
13. Там же. Л. 50.
14. Там же. Л. 52.
15. Там же. Л. 53.
16. Там же. Л. 56.
17. Там же. Л. 68.
18. Там же. Л. 71.
19. Там же. Л. 54.
20. Там же. Л. 44.
21. Там же. Л. 1а.
22. Там же. Л. 2 а.

23. Там же. Л. 3.
24. Там же. Л. 13.
25. Там же. Л. 14.
26. Там же. Л. 38.
27. Там же. Л. 43.
28. НА РТ. Ф. 51. Оп. 1. Д. 10. Л. 84, 85, 86–86 об., 87, 88, 89, 90.
29. НА РТ. Ф. 51. Оп. 7. Д. 291. Л. 133–134 об.

Notes

1. *Mamontov A. G.* Stanovlenie instituta predvaritel'nogo sledstviya. M., 2005. P. 61.
2. *Shahraj S. M., Krakovskij K. P.* Sud skoryj, pravyj milostivij i ravnyj dlya vsekh: K 150-letiyu Sudebnoj reformy v Rossii. M.: Kuchkovo pole, 2014. P. 256-257.
3. *Mamontov A. G.* Stanovlenie instituta predvaritel'nogo sledstviya. M., 2005. P. 104.
4. Там же. P. 103.
5. Nacional'nyj arhiv Respubliki Tatarstan (NA RT). F. 51. Op. 1. D. 5. L. 14–14 об.
6. Там же. L. 15–15 об.
7. NA RT. F. 51. Op. 1. D. 1. L. 106.
8. Там же. L. 298–298 об.
9. Там же. 299–299 об.
10. Там же. L. 298.
11. NA RT. F. 51. Op. 7. D. 189. L. 4.
12. Там же. L. 48.
13. Там же. L. 50.
14. Там же. L. 52.
15. Там же. L. 53.
16. Там же. L. 56.
17. Там же. L. 68.
18. Там же. L. 71.
19. Там же. L. 54.
20. Там же. L. 44.
21. Там же. L. 1a.
22. Там же. L. 2 a.
23. Там же. L. 3.
24. Там же. L. 13.
25. Там же. L. 14.
26. Там же. L. 38.
27. Там же. L. 43.
28. NA RT. F. 51. Op. 1. D. 10. L. 84, 85, 86-86 об., 87, 88, 89, 90.
29. NA RT. F. 51. Op. 7. D. 291. L. 133–134 об.

Семантика болезни в поэзии русской эмиграции 1920–1930-х гг.

В статье рассматривается роль «болезни» как художественного кода в системе семиотических параметров формирования художественного текста русской эмиграции, а также связанных этим кодом телесных ощущений (боль, холод, ожог), отражающих эмоциональный мир и лирические переживания поэта-эмигранта.

В качестве иллюстрации показаны разные способы передачи восприятия мира лирическим героем и его эмоциональных состояний, таких как страх, любовь, эмоциональная усталость, одиночество, страдания и т. д.), которые передаются чувством боли, тяжести, холода, напряжения, спазма, физическими муками и другими приемами кинестетики. Исследование основано на обширном корпусе русской поэзии первой эмиграции, как западной, так и восточной.

The article sees into the role of disease code in the system of semiotic parameters forming the Russian emigration's literary text as well as the mixture of haptic feelings and senses leading us into the emigrant poet's emotional experience.

As an example we show different ways to convey the character's perception of the world and demonstrate his/her emotional conditions such as fear, love, emotional fatigue, loneliness, suffering, etc.) which emerge in the feeling of pain, the warmth and the cold, tension, spasm, touch and other demonstrations of kinaesthetics. The study is based on a large body of the Russian emigration poetry, both western and eastern.

Ключевые слова: поэзия русской эмиграции, семантика болезни, телесный код, художественная синестезия.

Keywords: the poetry of the Russian emigration, semantic code of illness, «body code», artistic synesthesia.

Литература эмиграции представляет собой текст культуры, семиотическое поле которого составляет систему, обладающую определенными характеристиками, позволяющими говорить о модели мира в культуре русской эмиграции в системе ее геокультурных характеристик (как для западноевропейской, так и для восточной ветви). Доказательством этому служит наличие системы культурных кодов, составляющих данный текст, – пространственных, предметно-функциональных, чувственных и т. д., что закономерно приводит к некоей целостности художественно-эстетической (и в частности, поэтической) модели сознания, в русле которой (при видимом многообразии творческих индивидуальностей) мы имеем дело с типологическими процессами, с обобщенными знаками и свойствами, присущими всем литературным текстам, независимо от конкретного их содержания, географической локализации, особенностей мирозерцания и степени таланта их авторов.

Совершенно очевидно, что подобный культурный текст, представляющий собой знаковую систему на всех уровнях, должен формироваться в границах определенной парадигмы сознания, формирующейся на основе онтологических координат. Мы исходим из того, что эти координаты обусловлены, прежде всего, онтологией изгнания – того метафизического состояния, которое является символом потери первоначальной духовной цельности и самобытности. Принимая на определенном этапе статус «концепта», изгнание становится той метаметафорой, которая реализуется во множестве семиотических параметров – от пространственно-временных до предметных, также связанных с семантикой потери, в том числе и физиологического характера. Определенное место здесь, по мнению Е. Бронфен, отводится таким мифологическим истокам, как библейская ассоциация изгнания с грехопадением и психоаналитическое возведение изгнания к эдиповскому разрыву с матерью [1]. В этом преломлении складывается своеобразная онтология эмиграции как особая ценностная система, которая, по сути, воплощает онтологию изгнания, реализуемую в системе определенных семиотических кодов, представленных как в индивиду-

альных проявлениях, так и типологических рядах и мотивах, в том числе в мотивах болезни и смерти.

В ряду семиотических кодов культуры болезни принадлежит особое место. Связанная с телесным компонентом культуры и являясь его аксиологической характеристикой, болезнь становится индикатором человека и бытия, придает ему философский статус – биологизм и витальность обретают экзистенциальный смысл. Не случайно в мировую литературу в разное время входят культурные метафоры (туберкулез, чума, эпилепсия и др.), определяющие не только сюжетное движение произведений, но и основную его концепцию.

Выработанная модерном и эстетическими исканиями авангарда, в том числе сюрреализма, новая эстетика телесности актуализировала огромный пласт чувств и чувствований, восходящих к языку глубинной психологии, а следовательно, к архаическому способу восприятия мира. А фрейдистско-юнгианские теории лишь усилили интенцию, сформировавшуюся в философских школах к онтологии телесности.

Русская эмиграция в этом смысле представляет особый культурный феномен. В русле обозначенной темы мы исходим из положения, что литература (и – шире – культура) эмиграции представляет собой текст культуры, семиотическое поле которого составляет систему, обладающую определенными характеристиками, позволяющими говорить об особой художественной модели мира. Доказательством этому служит наличие системы культурных кодов, составляющих данный текст – пространственных, предметно-функциональных, чувственных, в русле которых (при видимом многообразии творческих индивидуальностей) мы имеем дело с обобщенными знаками и свойствами, присущими всем литературным текстам, независимо от конкретного их содержания, географической локализации, особенностей мирозерцания и степени таланта их авторов. Совершенно очевидно, что подобный культурный текст, представляющий собой знаковую систему на всех уровнях, должен формироваться в границах определенной парадигмы сознания, формирующейся на основе онтологических координат.

Даже в ситуации вполне благополучной адаптации эмигрантов к условиям жизни в их сознании неизбежно отражался отрыв от корней, ментальности, системы ценностей, связанных с родиной (маргинальное, отверженное существование). Мотив болезни, присутствует, например, в прозе В. Набокова («Камера обскура», «Защита Лужина», «Пнин» и др.), где он является отражением нездорового состояния общества и мира, ввергнутого в пучину революций и войн [2].

Адаптация беженцев к новой среде обитания сопровождалась болезненным состоянием подавленности и напряжения, неуверенности, экзистенциального одиночества и страха, о чем свидетельствуют тексты литературного творчества, дневников и писем, объединяющих взаимосвязанные культурные коды, обусловленные онтологией изгнания, в том числе и чувственные – одористический, слуховой, телесно-тактильный (боль, мучения, раны). Очень точно этот эмоционально-чувственный аспект эмигрантского сознания и творчества охарактеризовал Владимир Варшавский, который в статье «О прозе "младших" эмигрантских писателей» отмечал, что литература его поколения «стремится к углублению в исследования развивающихся в результате длительного одиночества, малоизученных мучительных заболеваний как бы шестого чувства, служащего человеку для координации своего поведения...» [3].

Лишая человека его культурной, духовной и языковой почвы, эмиграция обостряет чувства либо приводит к их утрате – бесчувственности (и то и другое является признаком серьезной болезни и страданий). К этому состоянию больше всего подходит понятие, в свое время предложенное немецким психологом Вильгельмом Вундтом, – «телесная душа» («Очерки по теории чувственного восприятия», 1858). Применительно к психологическому состоянию эмигранта эти метафорические ряды получили лирическое выражение у В. Андреева: «Тогда-то восемь чувств совсем не много: / Три новых – боль, тоска и смерть. / И надо мною голубая твердь / Раскроет щупальцы...» [4].

В соответствии с этим «онтологическим параллелизмом» эмиграция стала ассоциироваться не только с изгнанием из дома, но и с изгнанием человека из собственного тела, поэтому переживание изгнания как потери способствовало повышению семиотического статуса тела: «Русские изгнанники, крайние жертвы войны, люди с содранной кожей» [5].

Обостряется внимание к собственному телу, связанному с дискомфортом, мучениями, тело подвергается испытаниям, физическое и душевное взаимопроницаемы и взаимозаменяемы. Язык тела замещает вербальный язык, когда вербальный язык не может передать всей глубины эмоционального переживания эмиграции. Болезненные ощущения становятся символами-сигнификаторами внутреннего мира лирического героя. Это особенно заметно в дневниковых записях эмигрантов: постоянное ощущение холода в довольно теплой Европе, боль, кашель, слабость, ревматические боли.

Подобное обостренное ощущение больного тела как индикатора физического и духовного восприятия мира имело в творческом сознании русской эмиграции свои истоки и предпосылки. В их числе – религиозный фактор, в соответствии с которым мотив мучительной боли был одной из главных составляющих, имеющей глубоко сакральные корни. В рамках православной культуры, выходящей за рамки средневекового дуализма и идеи греховности плоти (идущей от св. Августина), признавалась мистическая доктрина обожения (слияния тела верующего с Богом и уподобления телесных мук мукам Христа), идущая от Аквината. На основе изучения духовных текстов можно видеть, что душевные импульсы и переживания изображаются чаще всего как результат физических воздействий на плоть: сначала приходит боль, потом, как ее следствие – тяжелые внутренние переживания. Степень физических страданий, часто избыточных натуралистическими подробностями, пропорциональна степени душевных мук и терзаний. Передавая душевные страдания, мученики веры изображают их страданиями тела, языком тела («Житие» протопопа Аввакума, «Житие» Епифания и др.). Тело перестаёт быть бранным вместилищем греха, становясь сосудом души, а грань между телом и душевной жизнью становится условной и очень зыбкой. По отношению к житийному стилю Аввакума противники его веры обвиняли его в том, что он мыслит «плотским смыслом», «по чувственному», но не по «духовному разуму».

Подобный принцип восприятия мира и человека поняла и прочувствовала русская классическая литература (вспомним в связи с этим «Отца Сергия» Толстого, персонажей Достоевского), и в этой своей представленности его унаследовала литература эмиграции.

Если эмиграция ассоциировала изгнание с мессианством (вспомним приписываемое Нине Берберовой: «Мы не в изгнании, мы в послании»), то мучения и страдания лирического героя (alter ego автора) уподоблялись мучениям и страданиям Христа, что воплощалось в культивировании нездорового, ущербного, деформированного пространства, искаженно выражавшего мученическую телеснодуховность Христа и искупительную жертвенность. Отсюда мотивы и символы ожога, жары, колючего венца, ядовитых укусов, плена, ощущения сдавленности: «Сомнения вонзаются в висок, / Судьба полна немymi голосами...» (Анна Присманова) [6]; «И кровью истекают сердца раны» (Эдуард Эристов, 2, 180); «...душа обожжена / Негодованием» (Александр Браиловский, 1, 393); «...мысленно жизнь потрогав, отдергиваюсь назад. / В прошлом – вапа гробов, / В будущем – долгий ад» (Петр Потемкин, 1, 194); «А оводы кружатся липким роем / Из недр летейского мороза...» (Антонин Ладинский, 2, 138); «Господи, помилуй! / Ты дал мне боль Своих Ужасных ран. / Ты мне понятен. Ты мне близок, милый...» (Борис Поплавский) [7]; «Я не более чем животное, / Кем-то раненное в живот. / Жжет... Как будто душу сдернули / С кожей!...» (М. Цветаева) [8].

Поэты воспринимают физические мучения как волю Бога, пославшего им страдание во имя спасения. В этом смысле многие стихотворения такого плана прочитываются в русле святоотеческой традиции и пушкинской реминисценции Пророка:

Он (Единогор. – Н. О.) вышел из огня,
И прободал горящий быт.
И он сказал: – тебя глядит
Бог, посылающий меня.
Тебе я сердце проколю,
Чтоб ты не забывал Его,
И слух наружный просверлю,
Но внутреннее естество
Тебя спасет на всех путях.
(Николай Оцуп, 2, 46).

А Нина Берберова в стихотворении «Гуверовский архив. Калифорния» практически процирует евангельский текст на судьбы эмиграции:

Раздавили тебя. Раздробили узоры костей.
Надорвали рисунок твоих кружевных сухожилий,
И, собрав, что могли из почти невесомых частей,
В легкий гроб, в мягкий гроб уложили.
Перед тем как уйти, эти тени ласкают меня
И кидаются снова и снова на грудь и на шею,
Обнимают, и молят, и ищут ушедшего дня,
Но ответить я им, и утешить я их не умею... (2, 317)

При этом поэты-эмигранты часто легитимизировали свое состояние, придавая ему экзистенциально значимый смысл: бессонница, сугубо интимные болезни, алкоголизм и наркомания, предсмертные страдания и болезни в гипертрофированном виде обсуждались с медицинскими подробностями в мемуарах и дневниках. Этот процесс болезненного разрушения-распада определил стремление к иррационализации, галлюцинирующему сознанию, что нашло отражение в образе и мотиве «страдающего тела» (знаки болезни, телесных мучений и др.): «Я сутулился, и вся моя внешность носила выражение какой-то трансцендентальной униженности, которую я не мог сбросить с себя, как кожную болезнь» (Борис Поплавский) [9]. Болезнь в этом контексте – это знак деформации обыденного сознания лирического героя.

Детали быта, пейзажа, зарисовки окружающей жизни воспринимаются в знаках опаленно-болезненного мира и часто в персонифицированных образах вещного мира: это и «раскаленное течение / Не утоляемых летам мук» (Галина Кузнецова, 2, 361), это и «дробь джаза», которая «раскаляется жаркой иглой» под звуки гобоя «с перерезанным горлом» (Перикл Ставров, 2, 78).

Мотивы телесной боли, усиленные оксюморонными конструкциями, создают эмоционально-физиологический фон поэзии: «Печаль зимы сжимает сердце мне, / Оно молчит в смиренной рубашке» (Б. Поплавский) [10]; «Мы вспоминаем прошлое беззлобно. / Как музыку. Запело и ожгло» (Арсений Несмелов, 1, 274); «Мир оплывает, как свеча, / И пламя пальцы обжигает» (Георгий Иванов, 2, 10).

При этом реакция на внешние раздражители становится не столько внешним, сколько внутренним фактором: любое прикосновение болезненно и мучительно, как будто человеческое тело лишено кожи, а сердце, мозг, сосуды – все, что составляет материализованную душу, – открыты опасному воздействию. Мотив больной души/сердца, тела, испытывающего постоянную боль от нанесенных временем и судьбой ран, которые оставляют рубцы, создается метафорическими конструкциями, передающими сосредоточенность лирических персонажей эмигрантской лирики на своих болевых ощущениях, которые, чудовищно разрастаясь, становятся совершенно нестерпимыми:

Мучительно и трудно, как короста,
Все язвы дней с души отшелуша,
Прошла вся жизнь, и стало очень просто,
И стало холодно тебе, душа.
(Александр Перфильев, 2, 82)

Я сегодня почувствовал жесткий
Удар посредине сердца
Я сегодня спустился к черным
Безмятежным краям пустынь [11].

(Б. Поплавский, пунктуация автора. – Н. О.)

– и приобретают натуралистический, почти сюрреалистический характер:

Горечь все наплывала, копилась, и вот
Оживать стал прозрачный осколок.
И забился, как сердце. Но только больней
Угловатые стенки кололи.
Так прибавились к боли привычной моей
Капли новой томительной боли.
(Анатолий Штейгер, 3, 184)

Наиболее последовательно символизм архаического сознания задает интенсивную проработанность символики боли образности, мифологической «анатомии», психофизиологических характеристик в творчестве М. Цветаевой эмигрантского периода. Абсолютная свобода стиха, синтез классической традиции и смелых поэтических экспериментов проявились и в знаменитых цветаевских метафорах, построенных на сложных, порой парадоксальных ассоциативных рядах, передающих высшую степень эмоционального состояния лирической героини:

Это слепень в раскрытый плач
Раны плещущей... Слепень злится...
Это – красною раной вскачь
Запаленная кобылица! [12].
(Федра. Жалоба)

Рассмотренные особенности генезиса и функционирования мифосемиотического комплекса мотива болезни в лирике первой эмиграции свидетельствуют не только о художественной разработке одного из основных поэтических дискурсов литературы русского зарубежья, основанных на образно-семантической реконструкции архетипических моделей, включенных в контекст онтологии эмиграции, но и о бесконечной внутренней диалогичности этого текста как одного из важнейших звеньев историко-литературного процесса XX в.

Примечания

1. Bronfen E. Entortung und Identitüt: Ein Thema der modern Exilliteratur // Germanic Review. 1994. № 2. S. 70–78.
2. Отметим, что подобное воплощение русской революции и большевизма с болезнью и сопровождавшими его «больничными» образами было свойственно не только эмиграции, но и поэтам, оставшимся в Советской России (Б. Пастернак, А. Ахматова, О. Мандельштам и др.). См.: Фатеева Н. А. Семантическое поле «болезни» в творческой системе Б. Пастернака // Н. А. Фатеева. Поэт и проза: книга о Пастернаке. М.: НЛО, 2003. URL: <http://libatriam.net/read/229624>.
3. Варшавский В. С. О прозе «младших» эмигрантских писателей // Современные записки. 1936. № 61. С. 411.
4. Андреев В. Стихотворения и поэмы: в 2 т. Т. 1. М., 1995. С. 69.
5. Мережковский Дм. Тайна Запада: Атлантида – Европа. Белград, 1921. С. 8.
6. «Мы жили тогда на планете другой...». Антология поэзии русского зарубежья: в 4 кн. / сост. Е. В. Витковский. М., 1994–1995. Кн. 1. С. 386. Далее ссылки на это издание даны в тексте с указанием в скобках номера книги и страницы.
7. Поплавский Б. Ю. Сочинения. СПб., 1999. С. 149.
8. Цветаева М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 3. М., 1993. С. 42.
9. Поплавский Б. Ю. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2: Аполлон Безобразов. Домой с небес: романы. М., 2000. С. 22.
10. Поплавский Б. Ю. Сочинения... С. 177.
11. Там же. С. 220.
12. Цветаева М. Цит. изд. Т. 2. С. 172.

Notes

1. Bronfen E. Entortung und Identitüt: Ein Thema der modern Exilliteratur // Germanic Review. 1994. № 2. Pp. 70–78.
2. Note that this embodiment of the Russian revolution and of Bolshevism with illness and the accompanying clinical images was characteristic not only of emigration, but of the poets left in Soviet Russia (B. Pasternak, A. Akhmatova, O. Mandelstam, etc.). See: Fateeva N. A. *Semanticheskoe pole «bolezni» v tvorcheskoj sisteme B. Pasternaka* [Semantic field of "disease" in the creative system by Boris Pasternak] // N. A. Fateeva. *Poeht i proza: kniga o Pasternake* [Poet and prose: a book about the future]. M. NLO. 2003. Available at: <http://libatriam.net/read/229624>.
3. *Varshavskij V. S. O proze «mladshih» eh migrantskih pisatelej* [On prose of "younger" emigre writers] // *Sovremennye zapiski – Modern*. 1936, No. 61, p. 411.
4. *Andreev V. Stihotvoreniya i poehmy: v 2 t.* [Poetry and poems: in 2 v.] Vol. 1. M. 1995. P. 69.
5. *Merezhkovskij Dm. Tajna Zapada: Atlantida – Evropa* [Mystery of the West: Atlantis – Europe]. Belgrade. 1921. P. 8.
6. «*My zhili togda na planete drugoj...»*. *Antologiya poehzii russkogo zarubezh'ya: v 4 kn.* – "We lived then on another planet...". Anthology of poetry of the Russian abroad: in 4 books / comp. E. V. Witkowski. M. 1994-1995. Book 1. P. 386. Further references to this edition are given in the text in parentheses with the numbers of books and pages.
7. *Poplavskij B. YU. Sochineniya* [Works]. SPb. 1999. P.149.
8. *Cvetaeva M. Sobr. soch.: v 7 t.* [Coll. works: in 7 vol.] Vol. 3. M. 1993. P. 42.
9. *Poplavskij B. YU. Sbranie sochinenij: v 3 t. T. 2: Apollon Bezobrazov. Domoj s nebes: romany* [Works: in 3 volumes. Volume 2: Apollo Bezobrazov. Home from heaven: a novel]. M. 2000. P. 22.
10. *Poplavskij B. YU. Sochineniya...* [Works...] P. 177.
11. *Ibid.* P. 220.
12. *Cvetaeva M. Cit. Vol. 2. P. 172.*

Семантизация лингвокультурных единиц в толковых словарях русского языка

Статья посвящена изучению опыта лексикографического описания лингвокультурных единиц на необычном материале – в толковых (лингвистических) словарях русского языка. Рассмотрены способы лексикографической интерпретации лингвистических параметров обозначенных единиц в следующих словарях: «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, «Толковом словаре» Д. Н. Ушакова, «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой, «Новом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой, «Малом академическом словаре русского языка» А. П. Евгеньевой. При анализе характеристики абсолютной ценности слов особое внимание было уделено рассмотрению их культурного фона (на примере слов «домовой» и «кикимора», то есть слов, обладающих достаточно высокой лингвокультурной ценностью). Согласно сделанным выводам толковые словари в определенной степени отражают культурно значимую информацию, содержащуюся в лингвокультурных единицах, то есть обладают культурологической ценностью, это позволяет утверждать необходимость и актуальность изучения толковых словарей в лингвокультурологическом аспекте.

The article is devoted to the study of the experience of the lexicographic description of linguocultural units on an unusual material – in the explanatory (linguistic) dictionaries of the Russian language. The ways of lexicographic interpretation of the linguistic parameters of the designated units in the following dictionaries are considered: «Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language» by V. I. Dahl, «Explanatory Dictionary» by D. N. Ushakov, «Explanatory dictionary of the Russian language» by S. I. Ozhegova, N. Yu. Shvedova, «New Dictionary of the Russian Language» by T. F. Efremova, «Small Academic Dictionary of the Russian Language» by A. P. Evgenieva. When analyzing the characteristics of the absolute value of words, special attention was paid to examining the explanation of their cultural background (on the example of the words «domovoy» and «kikimora», that is, words possessing a sufficiently high linguistic cultural value). According to the findings, the explanatory dictionaries to a certain extent reflect the culturally significant information contained in the linguistic cultural units, that is, they have a cultural value, this allows us to affirm the necessity and relevance of the study of explanatory dictionaries in the linguistic and cultural aspects.

Ключевые слова: лексикография, толковые словари, лингвокультурные единицы, культурный фон, лексикографическая интерпретация.

Keywords: lexicography, explanatory dictionaries, linguocultural units, cultural background, lexicographical interpretation.

Лингвокультурные единицы русского языка (единицы, содержащие культурный компонент / единицы, обладающие лингвокультурной ценностью, отличной от нуля) являются объектом словарного описания достаточно давно: сформирован корпус словарей лингвокультуры (см. в [1]) и область их исследования – лингвокультурная лексикография (см. в [2]).

В теории лексикографии словари, содержащие культурную информацию (энциклопедические), обычно относят либо к лингвокультурологическим, либо к лингвострановедческим. Под лингвокультурологическими понимают словари, «в лексикографической форме представляющие содержание культурных феноменов» [3] (например, Руднев В. П. Словарь культуры XX века (1999) [4]; Складневская Г. Н. Словарь православной церковной культуры (2000) [5]; Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь / под ред. И. С. Брилевой, Н. П. Вольской, Д. Б. Гудкова, И. В. Захаренко, В. В. Красных (2004) [6] и др.). Под лингвострановедческими – словари, «призванные способствовать изучению культуры и истории страны через описание этнокультурного компонента значений лексических и фразеологических единиц <...> в силу специфического подхода к описанию лексики, адресованного прежде всего иностранцам, изучающим русский язык» [7] (например, Денисова М. А. Народное образование в СССР. Лингвострановедческий словарь (1983) [8]; Чернявская Т. Н. Художественная культура СССР: лингвострановедческий словарь (1984) [9]; Еськов Г. С., Кузнецов В. Г. Советское общество. Лингвострановедческий словарь (для говорящих на французском языке) (1988) [10]; Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета (2001) [11]; Россия. Большой лингвострановедческий словарь / под общ. ред. Ю. Е. Прохорова (2007) [12] и др.).

Толковые (лингвистические) словари в аспекте отражения в них лингвокультуры практически не изучаются. Считаем необходимым обратиться к анализу описания лингвокультурных единиц в данных словарях с целью выяснить (подтвердить или опровергнуть) наличие в них (словарях) культурно-значимой информации.

Рассмотрим семантизацию лингвокультурных единиц в следующих толковых словарях:

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка (1994) [13].
2. Ушаков Д. Н. Толковый словарь (1996) [14].
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка (1994) [15].
4. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка (2000) [16].
5. Евгеньева А. П. Малый академический словарь русского языка (1999) [17].

В процессе анализа лексикографической интерпретации лингвокультурных единиц будем опираться на понимание учебной семантизации лексических фонов Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова [18]. Разграничим лексикографические термины «определение», «толкование», «описание» (традиционные лексикографические приемы) и «изъяснение» (термин Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова).

В соответствии с двумя типами лексикографических произведений – лингвистических и энциклопедических – в лексикографии достаточно детально изучена разница между филологическим толкованием обиходного слова и энциклопедическим определением одноименного термина [19] (совместная лексика – обиходное слово и одноименный научный термин, по Е. М. Верещагину, В. Г. Костомарову [20]).

Таким образом, толкование применимо к семантизации лексического понятия, тогда как определение – к семантизации понятия научного. Но этим интерпретация слов в словарях не исчерпывается, поскольку, помимо понятия, необходимо отразить культурный фон слова и научный фон термина. Тогда с семантизацией научного фона соотносится описание, а словарный комментарий культурного фона – с изъяснением.

По итогам рассмотрения опыта лексикографического описания лингвокультурных единиц представим таблицу, отражающую способы лексикографической интерпретации их лингвистических параметров в заявленных словарях (табл. 1).

Таблица 1

**Характеристика абсолютной ценности [21] слов
в некоторых толковых словарях русского языка**

Семантизация слова	ТСЖВЯ Даль В. И.	ТСРЯ Ушаков Н. Д.	ТСРЯ Ожегов С. И.	НСРЯ Ефремова Т. Ф.	МАС Евгеньева А. П.
Толкование лексического понятия	+	+	+	+	+
Определение научного понятия	- / +	-	-	-	- / +
Изъяснение культурного фона	+	- / +	- / +	- / +	- / +
Описание научного фона	- / +	-	-	-	-

Цель нашего исследования обусловила особое внимание к изъяснению культурного фона описываемых в словарях единиц. Рассмотрим его на примере слов «домовой» и «кикимора», то есть слов, обладающих достаточно высокой лингвокультурной ценностью (а также высокой, в сравнении с другими лингвокультурными единицами, частотностью: «домовой» – 888 вхождений в тексты Национального корпуса русского языка, «кикимора» – 277 вхождений).

Прежде всего, обратим внимание на то, что в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля нет словарной статьи с заголовочной единицей «домовой». Информация о домовом является культурным комментарием словарной статьи «дом». Несмотря на это адресат словаря может получить максимальные сведения об этом духе домашнего пространства. Так, в словарной статье предлагается следующая информация: а) имена домового, б) его типичные действия, в) двойственное отношение домового к человеку, г) «классификация» домовых по месту их обитания, д) их «родственные связи» с другими домашними и лесными духами, е) описание внешнего вида домового, а также ж) место и время, когда можно его встретить: «домовик, дедушка, постен, постень, лизун, доможил, хозяин, жировик, нежить, суседко, батанушка; дух-хранитель и обидчик дома; стучит и возится по ночам, проказит, душит, ради шутки, сонного; гладит мхнатою рукою к добру и пр. Он особенно хозяйничает на конюшне, заплетает любимой лошади гри-

ву в колтун. Домового можно увидеть в ночи на Светлое Воскресенье в хлеву; он космат, но более этой приметы нельзя упомянуть ничего, он отшибает память» [22].

Другие рассматриваемые толковые словари содержат статьи с заголовочной единицей «домовой», но в них представлена минимальная информация: домовый – «по народному поверью – сверхъестественное существо, живущее в каждом доме» [23], «в славянской мифологии: сказочное существо, обитающее в доме, злой или добрый дух дома» [24], «добрый или злой дух, живущий – по суеверным представлениям – в доме» [25], «по суеверным представлениям славянских и некоторых других народов: добрый или злой дух, живущий в доме» [26].

Для наглядности заключим материал в таблицу (табл. 2).

Таблица 2

Описание единицы «домовой» в толковых словарях русского языка

Словари	Мифологический персонаж	Типичный образ		
		внешний вид	типичные действия	отношение к человеку
ТСЖВЯ Даль В. И.	Дух – хранитель и обидчик дома	Космат	Стучит и возится по ночам, проказит, душит, ради шутки, сонного; гладит мохнатую рукою к добру и пр. Он особенно хозяйничает на конюшне, заплетает любимой лошади гриву в колтун	Хранитель и обидчик дома
ТСРЯ Ушаков Д. Н.	Сверхъестественное существо, живущее в каждом доме	–	–	–
ТСРЯ Ожегов С. И.	Сказочное существо, обитающее в доме, злой или добрый дух дома	–	–	Злой или добрый
НСРЯ Ефремова Т. Ф.	Добрый или злой дух, живущий – по суеверным представлениям – в доме	–	–	Добрый или злой
МАС Евгеньева А. П.	добрый или злой дух, живущий в доме	–	–	Добрый или злой

Кикимора, согласно словарю В. И. Даля, имеет форму как женского, так и мужского рода и определяется как «род домового, который по ночам прядет; он днем сидит невидимкою за печью, а проказит по ночам, с веретеном, прялкой, воробами и вьюшкою», автор уточняет, что «в Сибири есть и лесная кикимора». В словарной статье приводится пример прецедентного употребления данной единицы: «укорительное: домосед, нелюдим, невидимка, кто вечно сидит дома за работою, особенно кто очень прилежно прядет. От кикиморы не дожدهшься рубахи, хотя он и прядет», а также некоторые сведения практического характера: «чтобы кикимора кур не воровал, вешают над насестью, на лыке, отшибенное горло кувшина либо камень с природною сквозною дырою» [27].

В толковом словаре под редакцией Д. Н. Ушакова кикимора семантизируется несколько иначе: «нечистая сила в женском образе» – в первом значении и – «человек нелепого или смешного вида; смешно одетый; сумрачный, нелюдимый, неприятный человек (простореч. неодобрит.). Надулся, как кикимора, слова не скажет» [28]. Как видим, происходит минимизация прямого, мифологического, значения, с одной стороны, и расширение возможного прецедентного употребления – с другой.

С. И. Ожегов в «Толковом словаре русского языка» включает в словарную статью «Кикимора» перечень возможных мест ее обитания, предлагает три ее «разновидности»: «маленькая невидимка, живущая за печкой, в лесу, в болоте. Кикимора болотная, лесная». Заметим, что в словаре Н. Д. Ушакова зафиксировано употребление слова «кикимора» как бранного, неодобрительного по отношению к человеку, тогда как в словаре С. И. Ожегова такое употребление приобретает шуточный оттенок, конечно, не теряя при этом отрицательную коннотацию: «перен., м. и ж. О человеке, имеющем смешной, нелепый вид (разг. шутл.)» [29].

Статья «Кикимора» «Нового словаря русского языка» Т. Ф. Ефремовой повторяет подобную статью словаря С. И. Ожегова, с авторской оговоркой о том, что кикиморой могут назвать только «женщину, имеющую смешной, нелепый вид» [30] (ср. у С. И. Ожегова «м. и ж.»).

В «Малом академическом словаре» под редакцией А. П. Евгеньевой кикимора – «*по суеве-рым представлениям: нечистая сила в женском образе*»; просторечное употребление этой едини-цы по отношению к женщине маркируется как бранное: «*прост. Об уродливой или некрасиво оде-той женщине. Употребляется как бранное слово*» [31].

Для лучшего восприятия материала, представим его в виде следующей таблицы (табл. 3).

Таблица 3

Описание единицы «кикимора» в толковых словарях русского языка

Словари	Мифоло-гический персонаж	Среда обитания	Типичный образ			Характеристика че-ловека
			внешний вид	действия	отношение к человеку	
ТСЖВЯ Даль В. И.	Род до-мового	Дом (за печкой), в Сибири – в лесу	Невидимка	По ночам пря-дет; днем си-дит невидим-кою за печью, а проказит по ночам, с вере-теном, прят-кою, воробами и выюшкою	Проказни-чает по ночам	<i>Укорительное домо-сед, нелюдим, невидимка, кто вечно сидит дома за рабо-тою, особ. кто очень прилежно прядет</i>
ТСРЯ Ушаков Н. Д.	Нечистая сила в женском образе	-	-	-	-	Человек нелепого или смешного вида; смешно одетый (<i>простореч. неодобрит. шутл.</i>) Сумрачный, нелю-димый, неприятный человек (<i>простореч. неодобрит.</i>)
ТСРЯ Ожегов С. И.	Малень-кая невидимка	За печ-кой, в лесу, в болоте	Невидимка	-	-	<i>Разг. шутл. о чело-веке, имеющем смешной, нелепый вид</i>
НСРЯ Ефремова Т. Ф.	Нечистая сила в женском облике	За печ-кой, в лесу, на болоте	В женском облике	-	-	<i>Перен. разг. женщи-на, имеющая смеш-ной, нелепый вид</i>
МАС Евгеньева А. П.	Нечистая сила в женском образе	-	-	-	-	<i>Прост. об уродливой или некрасиво оде-той женщине, прост. употребляет-ся как бранное слово</i>

Безусловно, из списка рассматриваемых словарей ярко выраженной культурологической направленностью отличается «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля. Видится возможным его выход за рамки толкового и соотнесение с определенным типом словаря культуры, формирующим единое языковое и культурное пространство XIX в. (с соответствующими характеристиками структуры, состава словника и лексикографической интерпретацией входящих в него единиц) и даже во многом предвосхитившим развитие словарей культуры в их современном понимании.

Статьи других обсуждаемых словарей при первичном рассмотрении, как кажется, не содержат изъяснения культурного фона семантизируемых слов: в них отсутствует детальное описание внешнего вида домового и кикиморы, их типичных действий и отношения к человеку, также не отмечены прецедентные ситуации, например когда люди вспоминают домового во время поиска потерянной в доме вещи. Но в процессе изучения статей становится ясно, что на материале толковых словарей можно сделать определенные выводы относительно тех или иных лингвокультурных единиц. Анализ словарных статей позволяет сделать наблюдение о расширении места обитания кикиморы, проследить эволюцию ее образа: в словаре В. И. Даля кикимора является домашним духом, кроме сибирской кикиморы, которая также может жить в лесу, далее зоной ее обитания становятся дом, лес и болото («Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой, «Новый словарь русского языка» Т. Ф. Ефремовой). Предполагаем, что в понимании большинства современных русских кикимора – болотный дух.

Таким образом, толковые словари в той или иной степени отражают культурно значимую информацию, то есть обладают определенной культурологической ценностью.

Как отмечает Ю. Д. Апресян, «отличительная черта современной лексикографии – это синтез филологии и культуры в широком смысле слова» [32]. Как мы выяснили, обозначенная специфика предполагает не только необходимость выделения отдельной области теоретического исследования и практической разработки проблем, связанных с лексикографированием лингвокультуры, но и изучение толковых словарей в лингвокультурологическом аспекте.

Примечания

1. Ансимова О. К. Словари лингвокультуры: формирование корпуса и построение типологии // Scienceand world. International scientific journal. 2014. № 9(13). С. 86–91.
2. Лукьянова Н. А. Типология русских лингвистических словарей // Вестник НГУ. Сер. : История, филология. Новосибирск : НГУ, 2005. Т. 4. Вып. 4. С. 20–45.
3. Козырев В. А., Черняк В. Д. Вселенная в алфавитном порядке: Очерки о словарях русского языка. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2000. С. 290.
4. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. М. : Аграф, 1999. 384 с.
5. Скляревская Г. Н. Словарь православной церковной культуры. СПб. : Наука, 2000. 270 с.
6. Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь / под ред. И. С. Брилевой, Н. П. Вольской, Д. Б. Гудкова, И. В. Захаренко, В. В. Красных. М. : Гнозис, 2004. 318 с.
7. Козырев В. А., Черняк В. Д. Указ. соч. С. 288.
8. Денисова М. А. Народное образование СССР. Лингвострановедческий словарь / под ред. Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова. М. : Рус. яз., 1983. 250 с.
9. Чернявская Т. Н. Художественная культура СССР: лингвострановедческий словарь / под ред. Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова. М. : Рус. яз., 1984. 360 с.
10. Еськов Г. С., Кузнецов В. Г. Советское общество. Лингвострановедческий словарь (для говорящих на французском языке) / под ред. Г. С. Еськова. М. : Рус. яз., 1988. 533 с.
11. Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета. М. : АСТ-ПРЕСС, 2001. 672 с.
12. Россия. Большой лингвострановедческий словарь / под общ. ред. Ю. Е. Прохорова М. : АСТ-ПРЕСС Книга, 2007. 736 с.
13. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : ТЕРРА, 1994.
14. Ушаков Д. Н. Толковый словарь : в 4 т. М. : ТЕРРА, 1996. 824 с.
15. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : АЗЪ, 1994. 928 с.
16. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. М. : Дрофа : Рус. яз., 2000. 1233 с.
17. Евгеньева А. П. Малый академический словарь русского языка : в 4 т. / РАН : Ин-т лингв. исследований. М. : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999. 750 с.
18. Денисова М. А. Указ. соч. С. 10; Чернявская Т. Н. Указ. соч. С. 9–10.
19. Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. Л. : Наука, 1974. С. 290.
20. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М. : Изд-во МГУ, 1973. 235 с.
21. Абсолютная ценность слова – «это сопряженная с материальной оболочкой информация о денотате, то есть классе вне слова бытийствующих фактов, объединенных общностью некоторых существенных признаков» (см.: Морковкин В. В. Основы теории учебной лексикографии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1990. С. 19).
22. Даль В. И. Указ. соч. Т. I (А-З). С. 466–467.
23. Ушаков Д. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 762.
24. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 177.
25. Ефремова Т. Ф. Указ. соч. С. 217.
26. Евгеньева А. П. Указ. соч. Т. 1. С. 427.
27. Даль В. И. Указ. соч. Т. II (И-О). С. 107.
28. Ушаков Д. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 1854.
29. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 274.
30. Ефремова Т. Ф. Указ. соч. С. 504.
31. Евгеньева А. П. Указ. соч. Т. 2. С. 48.
32. Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д. и др. Проспект активного словаря русского языка / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М. : Языки славян. культуры, 2010. С. 210.

Notes

1. Ansimova O. K. *Slovari lingvokul'tury: formirovanie korpusa i postroenie tipologii* [Dictionaries of linguistic culture: the formation of the corpus and building of typology] // Scienceand world. International scientific journal. 2014, No. 9(13), pp. 86-91.
2. Luk'yanova N. A. *Tipologiya russkikh lingvisticheskikh slovarej* [Typology of Russian linguistic dictionaries] // *Vestnik NGU. Ser. : Istoriya, filologiya* – Herald NSU. Ser.: History, Philology. Novosibirsk. NSU. 2005, vol. 4, is. 4 pp. 20-45.

3. *Kozyrev V. A., Chernyak V. D. Vselennaya v alfavitnom poryadke: Ocherki o slovaryah russkogo yazyka* [The universe in alphabetical order: Essays on dictionaries of the Russian language]. SPb. Publishing house of RGPU n.a. A. I. Herzen. 2000. P. 290.
4. *Rudnev V. P. Slovar' kul'tury XX veka* [Dictionary of culture of the twentieth century]. M. Agraf. 1999. 384 p.
5. *Sklyarevskaya G. N. Slovar' pravoslavnoj cerkovnoj kul'tury* [Dictionary of the Orthodox Church culture]. SPb. Nauka. 2000. 270 p.
6. *Russkoe kul'turnoe prostranstvo: lingvokul'turologicheskij slovar'* – Russian cultural space: linguistic-cultural dictionary / under the editorship of I. S. Brileva, N. P. Wolskaya, D. B. Gudkov, I. V., Zakharenko, V. V. Krasnyh. M. Gnosis. 2004. 318 p.
7. *Kozyrev V. A., Chernyak V. D. Op. cit. P. 288.*
8. *Denisova M. A. Narodnoe obrazovanie SSSR. Lingvostranovedcheskij slovar'* [Public education of the USSR. The linguistic and country-study dictionary] / under the editorship of E. M. Vereshchagin, V. G. Kostomarov. M. Rus. yaz. 1983. 250 p.
9. *CHernyavskaya T. N. Hudozhestvennaya kul'tura SSSR: lingvostranovedcheskij slovar'* [The artistic culture of the Soviet Union: the linguistic and country-study dictionary] / under the editorship of E. M. Vereshchagin, V. G. Kostomarov. M. Rus. yaz. 1984. 360 p.
10. *Es'kov G. S., Kuznecov V. G. Sovetskoe obshchestvo. Lingvostranovedcheskij slovar' (dlya govoryashchih na francuzskom yazyke)* [Soviet society. The linguistic and country-study dictionary (French-speaking)] / ed. by G. S. Es'kova. M. Rus. yaz. 1988. 533 p.
11. *Balakaj A. G. Slovar' russkogo rechevogo ehtiketa* [Dictionary of Russian speech etiquette]. M. AST-PRESS. 2001. 672 p.
12. *Rossiya. Bol'shoj lingvostranovedcheskij slovar'* – Russia. Big linguistic and country-study dictionary / under the general editorship of Yu. E. Prokhorov. M. AST-PRESS Kniga. 2007. 736 p.
13. *Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka : v 4 t.* [Explanatory dictionary of living great Russian language: in 4 volumes] M. TERRA. 1994.
14. *Ushakov D. N. Tolkovyj slovar' : v 4 t.* [Dictionary: in 4 volumes] M. TERRA. 1996. 824 p.
15. *Ozhegov S. I., Shvedova N. YU. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. M. AZ. 1994. 928 p.
16. *Efremova T. F. Novyj slovar' russkogo yazyka* [New dictionary of Russian language]. M. Drofa: Rus. yaz. 2000. 1233 p.
17. *Evgen'eva A. P. Malyj akademicheskij slovar' russkogo yazyka : v 4 t.* [Small academic dictionary of the Russian language: in 4 vol.] / RAS: In-t of ling. research. M. Rus. yaz.; Poligrafists. 1999. 750 p.
18. *Denisova M. A. Op. cit. P. 10; Chernyavskaya T. N. Op. cit. Pp. 9-10.*
19. *SHCherba L. V. Opyt obshchej teorii leksikografii* [Experience of the general theory of lexicography] // *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* – Language system and speech activity. L. Nauka. 1974. P. 290.
20. *Vereshchagin E. M. Kostomarov V. G. Yazyk i kul'tura. Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo* [Language and culture. Linguistic and cultural studies in teaching Russian as a foreign language]. M. Publ. MSU. 1973. 235 p.
21. Absolute value of a word – "this is coupled with a material shell information about the denotation, i.e. the class of facts being outside the word, united by the commonality of certain essential features" (see: *Morkovkin V. V. Osnovy teorii uchebnoj leksikografii : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Bases of the theory of educational lexicography: abstr. dis. ... dr philol.] M. 1990. P.19).
22. *Dal V. I. Op. cit. Vol. I (A-3). Pp. 466-467.*
23. *Ushakov D. N. Op. cit. Vol. 1. P. 762.*
24. *Ozhegov S. I., Shvedova N. Y. Op. cit. P. 177.*
25. *Efremova T. F. Op. cit. P. 217.*
26. *Evgen'eva A. P. Op. cit. Vol. 1. P. 427.*
27. *Dal V. I. Op. cit. Vol. II (И-О). P. 107.*
28. *Ushakov D. N. Op. cit. Vol. 1. P. 1854.*
29. *Ozhegov S. I., Shvedova N. Y. Op. cit. P. 274.*
30. *Efremova T. F. Op. cit. P. 504.*
31. *Evgen'eva A. P. Op. cit. Vol. 2. P. 48.*
32. *Apresyan V. YU., Apresyan YU. D. and others Prospekt aktivnogo slovarya russkogo yazyka* [The prospectus of the active dictionary of the Russian language] / the editorship of Yu. D. Apresyan. M. Languages of the Slavs. Culture. 2010. P. 210.

О культурном потенциале аллюзивных единиц

В настоящем исследовании изучению подвергается стилистический прием аллюзии и его функционирование в художественном дискурсе Д. Фаулза. Аллюзия, восходя к значимым фактам культуры, заимствует культурную информацию и обогащает описываемый образ или ситуацию. Культура существует в сознании представителей того или иного лингвокультурного сообщества в форме культурного пространства. Культурологическая компонента аллюзий соотносится с тремя составляющими культуры (по С. В. Ивановой): цивилизационной, социально-психологической и модусной. Предпринятый анализ показывает преобладание социально-психологической составляющей культуры английского лингвокультурного сообщества в текстах Д. Фаулза. Цивилизационная и модусная составляющие культуры, которые характеризуют предметный мир культуры и культуру как комплекс моделей поведения, эксплицируются реже.

In the present research allusion is studied as a stylistic device. Its functioning in the literary discourse of J. Fowles is paid attention to. Allusion, going up to significant facts of culture, borrows cultural information and enriches the described character or situation. Culture exists in consciousness of linguistic-cultural community representatives in the form of cultural space. Allusions' culturological component correlates with three spheres of culture (according to S. V. Ivanova): culture's civilizational component, culture's social psychological component, culture's mode component. The undertaken analysis shows prevalence of culture's social psychological component of English linguistic-cultural community in J. Fowles' texts. Culture's civilizational component and culture's mode component are met less often.

Ключевые слова: аллюзия, культура, культурологическая компонента, лингвокультурное сообщество, дискурс, цивилизационная составляющая культуры, социально-психологическая составляющая культуры, модусная составляющая культуры.

Keywords: allusion, culture, culturological component, linguistic-cultural community, discourse, culture's civilizational component, culture's social psychological component, culture's mode component.

Цель данной статьи состоит в попытке охарактеризовать потенциал аллюзивных единиц, способных дешифровать культурные смыслы, которые отражают ценности английского лингвокультурного сообщества. Достижение этой цели требует решения следующей задачи: установить соотношение культурной информации, передаваемой аллюзиями, с тремя составляющими культуры.

В центре настоящей статьи находится стилистический прием аллюзии, который ярко характеризует художественный дискурс Д. Фаулза. Отметим, что при передаче культурной специфики художественный текст представляет собой особое явление, поскольку он насыщен культурно-маркированными единицами, характеризующими ту или иную культуру [1]. Аллюзия определяется как «специфический намек, особенность которого состоит в иносказании, то есть в косвенной, путем упоминания какого-нибудь имени или названия, отсылке к общеизвестному литературному произведению или историческому факту» [2]. Каждое лингвокультурное сообщество характеризуется этнокультурным своеобразием коммуникативного поведения [3]. Значимые области культурного пространства того или иного лингвокультурного сообщества могут быть активизированы посредством аллюзии, поскольку «анализ аллюзий предполагает дешифровку культурных смыслов, отражающих ценности данного лингвокультурного сообщества» [4].

В исследованиях, посвященных различным типам дискурсов, отмечается важная роль аллюзий для актуализации прецедентных феноменов, которые не только акцентируют внимание на эмоционально-экспрессивной стороне описываемого явления, но и являются способом кодирования информации [5].

Культурное пространство является формой существования культуры в сознании человека, это культура, отображенная сознанием [6]. Г. В. Драч к сферам культуры относит следующее: 1) предметный мир культуры, который включает все произведенное человеком; 2) сам человек и степень его окультуренности, достигнутой индивидом и обществом; 3) культура как «комплекс образцов поведения, определяющих жизнь» [7]. Вслед за таким разделением С. В. Иванова выделяет три составляющие культуры: цивилизационную, социально-психологическую и модусную, или деятельностьную [8]. Цивилизационная составляющая культуры указывает на результаты хозяйственной деятельности людей в соответствии с прохождением различных ступеней технического и технологического развития данного сообщества, так как развитие человеческой деятельности яв-

ляется одним из главных факторов в производстве и кумуляции смысложизненного содержания духовного мира человека [9]. Социально-психологическая составляющая характеризует национальный характер, менталитет. И, наконец, модусная, или деятельностная, составляющая указывает на способы освоения действительности, восприятия и передачи информации [10].

Содержание культурологической компоненты языковой единицы, в нашем случае аллюзии, соотносится с этими тремя составляющими культуры. С. В. Иванова определяет культурологическую компоненту как «культурно-ценностную информацию, совмещенную с языковым значением и локализованную в единицах языковой системы» [11].

Культурологическая компонента аллюзий дискурса Д. Фаулза восходит ко всем трем вышеупомянутым составляющим культуры. Эмпирический материал представлен примерами из девяти произведений Д. Фаулза и содержит 2 341 контекстуальную единицу («Коллекционер» – 264, «Волхв» – 286, «Любовница французского лейтенанта» – 684, «Башня из черного дерева» – 193, «Энигма» – 80, «Элидюк» – 23, «Мантисса» – 233, «Червь» – 426, «Дерево» – 152). Анализ включает процедуру выборки эмпирического материала, изучение специфики использования аллюзии с последующим отнесением контекстуальной единицы к той или иной сфере культуры.

Как уже упоминалось выше, материальная и духовная деятельность человека, выраженная в тех или иных предметах, характеризует цивилизационную составляющую культуры. Произведение «Элидюк» данные примеры не содержит. Что касается остальных проанализированных художественных текстов, то в них цифры, имеющие отношение к вышеупомянутой составляющей культуры, варьируются от 11 до 26% («Коллекционер» – 26%, «Волхв» – 16%, «Любовница французского лейтенанта» – 17%, «Башня из черного дерева» – 21%, «Энигма» – 15%, «Мантисса» – 13%, «Червь» – 11%, «Дерево» – 19%).

Е.г. (1): *“Incident. Today at lunch I wanted the Worcester sauce. He hardly ever forgets to bring anything I might want. But no Worcester sauce. So he gets up, goes out, undoes the padlock holding the door open, locks the door, gets the sauce in the outer cellar, unlocks the door, repadlocks it, comes back. And then looks surprised when I laugh”* [12].

Аллюзия *Worcester sauce* характеризует результат хозяйственной деятельности людей, связанной с приготовлением пищи. **Вустерский соус – торговая марка, получившая свое название в связи с английским графством Вустершир. Вустерский соус – это** пикантный ферментированный английский соус, имеющий кисло-сладкий вкус и приготавливаемый на основе уксуса, сахара и рыбы [13].

Миранда, главная героиня романа Д. Фаулза «Коллекционер», оказывается в заточении, поскольку Клегг помещает ее в подвал своего дома, где удерживает против ее воли. Он готов исполнять все желания Миранды и дать ей все, помимо свободы. В анализируемом отрывке описываются меры предосторожности, предпринимаемые Клеггом по запираению и отпираению двери, поскольку он опасается, что Миранда может попытаться сбежать, пока он отлучается за забытым им вустерским соусом.

Социально-психологическая составляющая культуры, находя свое выражение в аллюзивной форме, насчитывает максимальное количество примеров. Цифры колеблются от 26 до 100% («Коллекционер» – 56%, «Волхв» – 70%, «Любовница французского лейтенанта» – 46%, «Башня из черного дерева» – 48%, «Энигма» – 26%, «Элидюк» – 100%, «Мантисса» – 61%, «Червь» – 39%, «Дерево» – 43%).

Е.г. (2): *“Of his Lordship I may most sincerely state that I have had few pupils to equal him, and none to surpass. You may know, sir, that I am fourth Lucasian professor at this University, and have been so since the year 1711; and thus in commending him so highly I lack not grounds for comparison”* [14].

Звание «лукасианский профессор» происходит от имени Генри Лукаса, учредившего первую кафедру математики в Кембридже в 1663 г. и взявшего на себя все расходы по ее содержанию при условии, что кафедра будет носить его имя [15]. Как известно, Оксфорд и Кембридж – самые известные образовательные центры Великобритании. Мистер Аскью, персонаж романа Д. Фаулза «Волхв», ведущий поиски пропавшего лорда Бартоломью, обращается к профессору из университета Кембридж Николасу Сондерсону за какой-либо информацией, которая могла бы пролить свет на произошедшее. Профессор находится в недоумении от исчезновения Бартоломью и вспоминает о нем как о лучшем ученике. Данная аллюзия отсылает читателей к знаниям об особенностях уклада жизни английского лингвокультурного сообщества.

Модели поведения, которыми руководствуются представители того или иного лингвокультурного сообщества, эксплицируются в модусной составляющей культуры. Результаты подсчетов представлены следующим образом: «Коллекционер» – 18%, «Волхв» – 14%, «Любовница французского лейтенанта» – 37%, «Башня из черного дерева» – 31%, «Энигма» – 59%, «Мантис-

са» – 26%, «Червь» – 49%, «Дерево» – 38%. В произведении «Элидюк» аллюзии, культурологическая компонента которых восходит к модусной составляющей культуры, отсутствуют.

Е.g. (3): “*Because I live in a Queen Anne house do not think I live, like most of the rest of our country, by a Queen Anne morality*” [16].

Анна Стюарт (1665–1714) – английская королева с 1702 г., последняя из династии Стюартов. Николас Урфе, главный герой романа Д. Фаулза «Волхв», разговаривая с госпожой Лилией де Сейтас, матерью двойняшек Лилии и Розы, критиковал неподобающее поведение одной из них. Однако Лилия де Сейтас ответила, что, несмотря на то что она живет в доме восемнадцатого века, она не придерживается строгих моральных принципов, существовавших во время правления королевы Анны Стюарт.

Предпринятый анализ позволяет прийти к выводу, что цивилизационная, социально-психологическая и модусная составляющие культуры находят свое выражение в аллюзиях дискурса Д. Фаулза, причем превалирующей выступает социально-психологическая составляющая. Примеры аллюзий, эксплицирующие цивилизационную и модусную составляющие культуры, фигурируют реже. Лингвокультурологическое исследование раскрывает культурный потенциал аллюзии, поскольку аллюзия предполагает заимствование определенных слов (словосочетаний, предложений), косвенно соотносящихся с той или иной информацией культурного плана.

Примечания

1. Шакирова Н. Р., Макарова Ю. В. Перевод культурно-маркированных единиц в художественном тексте // *Фундаментальные проблемы науки* : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Уфа : АЭТЕРНА, 2015. С. 98–101.
2. Христенко И. С. К истории термина «аллюзия» // *Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология*. 1992. № 4. С. 38–44.
3. Шарипова В. А. О языке и речевой деятельности homo loquens в современных лингвистических исследованиях // *Вестник Башкирского университета*. 2012. Т. 17. № 1. С. 229–231.
4. Гарифуллина А. М. Культурологическая маркированность аллюзий в художественном дискурсе Д. Фаулза : дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2010. С. 7.
5. Губик С. В., Шакирова Э. Р. Коммуникативные и когнитивные аспекты исследования экономического медиа-дискурса (на материале журнала “The Economist”). Уфа : РИЦ БашГУ, 2015. С. 105.
6. Брилева И. С. Русское культурное пространство : лингвокультурологический словарь / И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных. Вып. 1. М. : «Гнозис», 2004. С. 10–11.
7. Драч Г. В. Культура / Человек и общество (Культурология) : слов.-справ. Ростов н/Д, 1996. С. 233–245.
8. Иванова С. В. Лингвокультурологический анализ прагматикона языковой личности : учеб. пособие. Уфа : РИО БашГУ, 2004. С. 16.
9. Иванов С. П. Субъект художественного действия в построении и развитии культурных сфер // *Человек как субъект культуры*. М. : Наука, 2002. С. 331–365.
10. Иванова С. В. Указ. соч. С. 16.
11. Иванова С. В. Лингвокультурология и лингвокогнитология: сопряжение парадигм. Уфа : РИО БашГУ, 2003. С. 45.
12. URL: <http://JohnFowles.narod.ru/TheCollector> (дата обращения: 03.04.2017).
13. URL: ru.wikipedia.org (дата обращения: 13.04.2017).
14. Fowles J. A Maggot. L. : «Vintage», 1996. P. 193.
15. Фаулз Д. Червь. М. : «Махаон», 2001. С. 230.
16. URL: <http://JohnFowles.narod.ru/TheMagus> (дата обращения: 03.04.2017).

Notes

1. Shakirova N. R., Makarova Y. V. *Perevod kul'turno-markirovannykh edinits v hudozhestvennom tekste* [Translation of culturally marked units in a literary text] // *Phundamental'nye problemy nauki: sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsyi* – Fundamental problems of science: collection of articles of International scientific practical conference. Ufa. AETERNA. 2015. Pp. 98–101.
2. Khristenko I. S. *K istorii termina «allyusiya»* [About history of the term «allusion»] // *Vestnik moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya* – Herald of Moscow University. 1992, № 4, pp. 38–44.
3. Sharipova V. A. *O yazike i rechevoy deyatel'nosti homo loquens v sovremennykh lingvisticheskikh issledovaniyakh* [About language and oral activity homo loquens in modern linguistic researches] // *Vestnik Bashkirskogo universiteta* – Herald of Bashkir University. 2012, vol. 17, № 1, pp. 229–231.
4. Garifullina A. M. *Kul'turologicheskaya markirovannost' allyuziy v hudozhestvennom diskurse D. Faulza: dis. kand. filol. nauk* [Culturological markedness of allusions in literary discourse of J. Fowles: dis. cand. philol. sciences]. Ufa. 2010. P. 7.
5. Gubik S. V., Shakirova E. R. *Kommunikativniye i kognitivniye aspekty issledovaniya ekonomicheskogo media-diskursa (na materiale zhurnala “The Economist”)* [Communicative and cognitive aspects of economic media-discourse research (on the material of the journal “The Economist”)]. Ufa. BashSU Editorial-and-publishing center. 2015. P. 105.

6. Brilyova I. S., Volskaya N. P., Gudkov D. B., Zaharenko I. V., Krasnyh V. V. *Russkoye kul'turnoye prostranstvo: lingvokul'turologicheskiy slovar'* [Russian cultural space: linguoculturological dictionary]. Is. 1. M. «Gnozis». 2004. Pp. 10-11.
7. Drach G. V. *Kul'tura / Chelovek i obschestvo (Kul'turologiya): slov.-sprav.* [Individual and society (Culturology): dict.-manual]. Rostov-on-Don. 1996. Pp. 233–245.
8. Ivanova S. V. *Lingvokul'turologicheskiy analiz pragmatikona yazykovoy lichnosti: ucheb. posobie* [Linguoculturological analysis of the linguistic persona pragmaticon: text edition]. Ufa. BashSU Editorial-and-publishing department. 2004. P. 16.
9. Ivanova S. P. *Sub'ekt hudozhestvennogo deystviya v postroenii i razvitiy kul'turnykh sfer* [Literary action subject in construction and development of cultural spheres] // *Chelovek kak sub'ekt kul'tury* – Man as a subject of culture. M. Nauka. 2002. Pp. 331–365.
10. Ivanova S. V. Op. cit. P. 16.
11. Ivanova S. V. *Lingvokul'turologiya i lingvokognitologiya: sopryazhenie paradigm* [Linguoculturology and linguocognitology: conjugacy of paradigms]. Ufa. BashSU Editorial-and-publishing center. 2003. P. 45.
12. Available at: [http:// John Fowles.narod.ru](http://JohnFowles.narod.ru) The Collector. (date accessed: 03.04.2017).
13. Available at: ru.wikipedia.org. (date accessed: 13.04.2017).
14. Fowles J. A Maggot. London: «Vintage», 1996. P. 193.
15. Fowles J. Cherv' [A Maggot]. M. «Machaon». 2001. P. 230.
16. Available at: [http:// John Fowles.narod.ru](http://JohnFowles.narod.ru) The Magus (date accessed: 03.04.2017).

УДК 82-3

Т. В. Швецова

Дон Жуан и Владимир Бельтов: к вопросу о поступке героя

Обращение к образной парадигме «Дон Жуан и Владимир Бельтов» мотивировано поиском путей и способов осмысления механизмов преемственности в литературе и закономерностей литературного процесса 1830–1840-х гг., одного из переломных моментов в истории русской культуры. Методика исследования построена на сочетании методов научного анализа: историко-литературного, типологического, биографического, сравнительного. В центре внимания статьи – поступок героя романа А. И. Герцена «Кто виноват?». Понятие «поступок» толкуется в русле онтологической концепции М. М. Бахтина. Через сопоставление сюжета и образов романа А. И. Герцена с «Дон Жуаном» Гофмана автор работы стремится раскрыть проблему своеобразия мотивов поступка русского литературного героя, что определяет актуальность и новизну исследовательской задачи. Различие мотивов поступка обусловлено различием ключевых ценностных представлений, лежащих в основе художественной картины мира писателей, принадлежащих к разным культурам.

The author of the article refers to “Don Juan and Vladimir Beltov” research paradigm in order to find the ways of comprehension of succession mechanisms in literature and regularities in the literary process of 1830s-1840s, which is one of the watershed moments in the history of Russian culture. The research methodology is based upon a combination of scientific methods: historical-literary, typological, biographical, comparative. In the center of attention there is an act performed by the hero of the novel “Who is to blame?” by A. I. Herzen. The notion of an act is interpreted in line with the ontological conception of M. M. Bakhtin. Comparing the plot and the characters of the novels “Who is to Blame?” and “Don Juan”, the author of the article is trying to disclose the peculiarities of Russian literary hero’s deed motives, which determines the topicality and the novelty of the research task. The difference in motives of an act is defined by the difference between the key axiological ideas underlying the artistic worldview of the writers belonging to different cultures.

Ключевые слова: А. И. Герцен, Э. Т. А. Гофман, компаративистика, литературный герой, поступок, художественная антропология.

Keywords: A. I. Herzen, E. T. A. Hoffmann, comparativistics, literary hero, act, anthropology of art.

30–40-е гг. XIX столетия – важнейший этап в русской литературной истории. Литературная критика эпохи передает новое и странное ощущение образовавшегося вакуума на том месте, где был еще недавно вполне определенный образ героической личности. Ссылка на отсутствие героя в русской критике эпохи становится почти повсеместной и навязчивой (В. Н. Майков, А. В. Никитенко, И. С. Тургенев, Е. Н. Эдельсон [1] и др.). В атмосфере тревожной утраты значимых ориентиров начинают формироваться вопросы о герое. В предшествующие литературные эпохи героическое понималось как признак деятельности выдающейся личности, в которой воплощается божественная воля

[2]. Таким образом, воля героя согласовывалась с замыслом божественной воли. Поступок героя являлся доказательством присутствия Творца в мире. На этапе утраты нравственных ориентиров во второй трети XIX в. герой перестал представлять в мире. Вопрос о герое стал еще более актуальным. Состояние литературной атмосферы, насыщенной такого рода сформулированными и несформулированными вопросами о герое, характеризуется нами как «ожидание героя» [3].

Именно в этот период русская литература всматривается в жизнь в поиске своего национального героя. 30–40-е гг. XIX в. многие исследователи связывают с началом кризиса идентичности [4].

Русская классическая литература в состоянии напряженного поиска концепции положительного героя вполне естественно обращалась к опыту европейской литературы, вбирая в сферу своих размышлений принятые и признанные образцы героических характеров. В 30-е гг. XIX в. в Россию хлынули в изобилии герои западной литературы. Персонажи Шекспира, Вальтера Скотта, Гёте, Байрона, Гофмана усваивались национальной почвой. Герои западной литературы оказались востребованы в той системе противовесов, которая выстраивалась в ходе поиска, вычисления своего органичного национального героя.

Роман А. И. Герцена «Кто виноват?» принадлежит к числу ключевых произведений данной эпохи. Вопрос о герое не оставил равнодушным автора названного романа. В своей более поздней работе «Новая фаза в развитии русской литературы» А. И. Герцен определили формулу, согласно которой герой русской литературы совсем иной: «...это ни Гамлет, ни Фауст, ни Манфред, ни Оберман, ни Тренмор, ни Карл Моор...» [5]

После того как роман «Кто виноват?» появился в печати, В. Г. Белинский отреагировал на него, включив в ежегодный обзор русской литературы. «Герой всех романов и повестей Искандера, – писал критик во “Взгляде на русскую литературу 1847 г.”, – это – человек, понятие общее, родовое, во всей обширности этого слова, во всей святости его значения. Искандер по преимуществу поэт *гуманности*. Поэтому в его романе бездна лиц, большею частью мастерски очерченных, но нет героя, нет героини» [6]. Составитель обзора констатирует отсутствие героя в «Кто виноват?» А. И. Герцена в привычном его понимании.

Казалось бы, симпатии романиста на стороне Бельтова, но Белинского такой вариант не устраивает, он выносит совершенно иной приговор: «Бельтов, герой романа, кажется нам самым неудачным лицом во всем романе» [7]. Русский критик формулирует ключевую проблему литературы: кризис героя.

Современный литературовед Д. Л. Карпов заметил, что «А. И. Герцен обращается к пониманию героического в современной литературе, рисуя целый ряд образов, в каждом из которых разоблачаются героические притязания, включая “героя-резонера” Бельтова, оказывающегося не в состоянии реализовать свой героический потенциал» [8].

Таким образом, критик-современник А. И. Герцена и современный исследователь сходятся во мнении относительно того, что в образе Бельтова героическое начало представлено в усеченном виде.

Р. Г. Назиров называет Владимира Бельтова первым «лишним человеком» в русской литературе, он – «порождение эпохи, когда на смену характерам пришли таланты» [9]. Любопытно наблюдение Д. Л. Карпова: «Бельтов соотносится с литературным полем Дон Жуан» [10]. «Лишние люди» в русской литературе являются носителями донжуановского комплекса.

Имя Дон Жуан маркирует образ Бельтова. Герой Герцена читает «Дон Жуана»: «...по несчастью возле ящика с сигарами лежал Байрон; он лег на диван и до пяти часов читал – “Дон Жуана”» (гл. IV [11]). «Тон Шуаном» определяет его учитель немецкого языка на пиру у Медузина. Повествователь рассказывает о любовных победах Бельтова, изначальном желании его «пококетничать» с Круциферской и скором осознании, что «на такого зверя тенеты слишком слабы». Влюбчивость – черта Бельтова, которую он сам в себе хорошо знает: «...пылкий от природы, увлекающийся от непривычки к самообузданию, Бельтов давал легкий приз над собою всякой кокетке, всякому хорошенькому лицу» (ч. 2, гл. IV). Он всегда был влюблен: то в примадонну, то в танцовщицу, то в двусмысленную красавицу, то в краснощекую и белокурую немку, то в огненную француженку.

Для определения Бельтова Герцен выбирает образ, прочно вошедший в сознание европейских народов. «История Дон Жуана возникла как повествование о судьбе грешника, получившего возмездие свыше», – пишет Н. В. Веселовская [12]. По наблюдению Е. В. Багно, легенда о Дон Жуане контаминирует с мотивами древнерусских легенд об «оскорблении праха» и «бабьем насмешнике» [13].

Герцен стремился максимально индивидуализировать образ Дон-Жуана – Бельтова, и по этому, рассказывая о его судьбе, отказался от привычной классической сюжетной схемы. Мы не найдем в романе «Кто виноват?» ни убитого командора, мужа донны Анны, ни истории со смелым вызовом, бросаемым Дон Жуаном статуе, ни вмешательства адских сил. Имеет место частичное сходство образ слуги Бельтова и привычного комического образа слуги Дон Жуана. В несколько комическом виде прочерчена линия нанесения оскорбления дубасовскому уездному предводителю Карпу Кондратьичу, дом которого после официального приглашения отказался посетить Бельтов, и соответственно не женился на его дочери Варваре Карповне.

В тексте романа присутствуют намеки на то, что писателя занимает немецкий акцент в этом образе, поскольку по следам байроновского героя он идти не желает: «В этом случае позвольте мне защитить немцев <...> По слабости ли сил, по недостатку ли характера, но дело в том, что я – бесполезней человек, и, убедившись в этом, я полагаю, что я один хозяин над моей жизнью; я еще не настолько разлюбил жизнь, чтоб застрелиться, и уж не люблю ее настолько, чтоб жить на диете, водить себя на помочах, устранять сильные ощущения и вкусные блюда для того, чтоб продлить на долгое время эту жизнь больничного пациента» (ч. 2, гл. IV). В донжуанстве Бельтова есть и неистовая любовь к жизни, и презрение к смерти, и вызов небесам.

Прослеживая историю интерпретаций образа Дон Жуана в мировой литературе, В. Е. Багно пишет, что появление новеллы «Дон Жуан» в немецкой литературе в корне изменяет отношение к образу. Произведение Гофмана написано в форме письма к другу, «с которым автор, влюбленный в музыку энтузиаст и мечтатель, делится своими впечатлениями от оперы Моцарта. Для немецкого романтика Дон Жуан – мятущийся герой, трагически переживающий разлад между идеалом и действительностью. Разрушая “камерное” счастье ближнего, довольствующегося мещанскими добродетелями, он в неутоленной тоске безуспешно стремится через наслаждение женщиной достичь в земной грешной жизни того, что “живет в нашей душе как предвкушение неземного блаженства”» [14]. Гофмановский Дон Жуан стремится обрести Царствие Божие на земле, приобщиться к блаженству с помощью искусства.

В новелле Гофмана события происходят в театре, путешественник проникает туда с помощью слуги, ему позволено быть зрителем, и он наблюдает за священнодействием оперы Моцарта, по сюжету которой Дон Жуан проваливается в преисподнюю. У Моцарта порочный поступок ветераника наказан. Для Гофмана-писателя важно другое. Путешественник проникает в ложу театра вторично по собственному желанию, «дает волю собственной фантазии, грезам о прекрасном бытии человека, где он, поэт – единственный господин» [15]. Другими словами, безымянный герой становится творцом собственного сценария, но у него получается лишь жалкая копия показанного на сцене оригинала.

Вот как Гофман интерпретирует образ Дон Жуана: «Дон Жуан – любимейшее детище природы, и она наделила его всем тем, что роднит человека с божественным началом, что возвышает его над посредственностью <...>; итак, он был рожден победителем и властелином. Мощное, прекрасное тело, образ, в котором светится искра божия и, как залог совершенного, зажигает упование в груди; душа, умеющая глубоко чувствовать, живой восприимчивый ум.

<...> Глубоко презирал он общепринятые житейские понятия, чувствуя себя выше их, и язвил насмешкой тех людей, которые надеялись во взаимной любви, узаконенной мещанской моралью, найти хотя бы частичное исполнение высоких желаний, коварно заложенных в нас природой, – а потому-то он и спешил дерзновенно и беспощадно вмешаться именно там, где речь шла о подобном союзе, и бросал вызов неведомому вершителю судеб, в котором видел злорадное чудовище, ведущее жестокую игру с жалкими порождениями своей насмешливой прихоти. Соблазнить чью-то любимую невесту, сокрушительным, причиняющим неисцелимое зло ударом разрушить счастье любящей четы – вот в чем видел он величайшее торжество над враждебной ему властью, расширяющее тесные пределы жизни, торжество над природой, над творцом!» [16]. Дон Жуан – лучшее из творений божьих, он Человек, благодаря своей божественной природе стремящийся к совершенству через любовь. Тяга к земным, телесным удовольствиям для него естественна. Отличительное свойство Дон Жуана – тоска по небесам. Трагедия Дон Жуана – его неверие в Вечность, отсутствие надежды на спасение; видение, ограниченное пределами материального земного существования. По Гофману, человек конечен, только искусство заслуживает бессмертия.

Э. Т. А. Гофман – старший современник А. И. Герцена. В начале своего творческого пути русский писатель пережил увлечение немецкой словесностью, отразившееся в его художественном творчестве. Статья Герцена о Гофмане была первым его оригинальным сочинением, появившимся в печати в 1836 г. Герцен своеобразно описал биографию Гофмана в этом очерке. Он «придавал

этой публикации довольно большое значение», – утверждает В. П. Пронин [17]. Именно данная публикация А. И. Герцена дала толчок к созданию мифа о Гофмане в русской литературе [18].

В современной отечественной науке в полной мере не поднимался вопрос о рецепции новеллы Э. Т. А. Гофмана «Дон Жуан» в художественном сознании А. И. Герцена. Заметим, основные фабульные ходы у Герцена отсутствуют, но заимствованы детали новеллы Гофмана, которые удастся вычлениить в процессе чтения: место, где разворачиваются события (атмосфера провинциального города NN / мещанская атмосфера немецкого города); Владимир Бельтов – красавец, богач, ухожен, хорошо одет, европейски образован, как Дон Жуан. Он поселяется в местной гостинице, как и герой Гофмана. Его внимание в скучной атмосфере города привлекает семейная идиллия Круциферских, Любинька – замужняя дама, как и донна Анна. Круциферская – ангел с чистой душой, как и донна Анна – способ для Дон Жуана спасти свою душу. Бельтов искушает Круциферскую, как Дон Жуан обольщает Анну. Герцен описывает сцену свидания в общественном саду, Гофман пишет о свидании с актрисой, исполнявшей роль донны Анны, в театральной ложе. Бельтов, как Дон Жуан, совершил нечестивейшее злодеяние, вторгся в чужую семью и уехал. Инфернальная сила не настигла его. И герой Гофмана – странник – покинул пределы города. В финале у Гофмана донна Анна умирает, у Герцена – Круциферская угасает.

В новелле Гофмана заявлен апофеоз человека, узнавшего гармонию и блаженство в земном бытии, Дон Жуан – тот, кто имеет представление об Идеале. Герцен, рассказывая биографию Бельтова, делает акцент на том, что матушка и гувернер женевец «рачительно завесили от него, что делается на сером свете, и вместо горького посвящения в жизнь передали ему блестящие идеалы» (гл. VI). Бельтов стремится к идеалу, а когда не находит его, видит только «серый мир», то начинает злобно иронизировать по поводу всего происходящего.

Русский писатель исключает возможность идеализации образа Дон Жуана. Его Бельтов далеко не эталон. Он не расчетлив, не смел, не предприимчив, он не ханжа и лицемер, не авантюрист, не рыцарь удачи, в меру порядочен и т. д. Любые предприятия, за которые он берется, не удаются. Он – жалкая копия, пародия на «мощное» творение Моцарта / Гофмана. Такой подход А. И. Герцена к «вечному» сюжету вполне укладывается в традицию травестирированного, комического прочтения истории о Дон Жуане, которая задана в 40-е гг. И. А. Гончаровым в очерках «Иван Савич Поджабрин» [19].

Н. В. Веселовская пишет, что философской подоплекой в произведениях «дон-жуанской» сюжетики в русской и европейской литературе является проблема вины и возмездия [20]. Отличия произведений разных авторов связаны с проблемой отношения героя к возмездию.

Различие трактовок в том, что западный Дон Жуан – индивидуалист, вершащий суд над земными людьми. Как только его действия переходят пределы земного, следует наказание. Дон Жуан – руководитель в земном мире. Он грешит на земле, никто этого не замечает, только адская сила уносит его с собой.

Заметим, что Бельтов, как герой Гофмана, тоскует по небесам, но небеса отвечают ему молчанием. Порочность Бельтова состоит в его безграничной вере в свою безнаказанность, в чем раскрывается его безбожность. Владелец имения Белое Поле видит смысл существования в земных наслаждениях. Он совершает безнравственный поступок, и наказание его не настигает. Высший Судья не карает его за прелюбодеяние. Он чувствует себя верховным судьей, неподвластным никакому земному суду («я не признаю над собою суда, кроме меня самого» (ч. 2, гл. VI)).

Современные интерпретаторы определяют положение Бельтова в романе А. И. Герцена так: это одна из версий расплывшихся во второй половине XIX в. «историй молодых людей, вмешивающихся третьими в семейные отношения» [21]. Таким образом, суть истории, в которую оказался включен Бельтов, – разрушение семьи. Семья должна прекратить свое существование (об этом в дальнейшем и «Крейцера соната» Л. Н. Толстого). Семья как константа русской жизни подвергается сомнению. Разрушение семьи – это вызов патрону, освящающему узы брака на небесах, следовательно, это насмешка над Вечностью.

Насмешка Бельтова в своей кульминации имеет разрушение «камерного счастья ближнего». Приехавший из Европы вольнодумец решил поглумиться над простым человеческим счастьем: «Жизнь Круциферских устроилась прекрасно. Они так мало делали требований на внешнее, так много были довольны собою, так проникались взаимной симпатией, что их трудно было не принять за иностранцев в NN; они вовсе не были похожи на все, что окружало их» (ч. 2, гл. II). Картина семейного счастья Круциферских не вписывается в общую обстановку города. Молодые люди счастливы: их чувства взаимны, они не столько любят, сколько доверяют друг другу, Бог благословил их брак ребенком. Деяние Бельтова – это месть неведомой силе, вложившей в человека жажду недостижимого идеала.

Безграничная личная свобода Бельтова приводит к презрению общепринятых норм морали. Свидание с Любинькой Круциферской происходит в общественном саду, на виду у всех. Герценовский герой стремится прервать связь земных человеческих отношений с вечностью. Вмешиваясь по своему произволу в земные связи людей, Бельтов тем самым разрушает их возможное продолжение за чертой смерти. В «Кто виноват?» воспроизводится ситуация адюльтера – добровольного предательства. Исторически сложилось так, что этот порок считался одним из самых позорных и карался смертной казнью, поскольку изменник обрекал на страдание в Вечности свою вторую половину. Бельтов чувствует себя властителем того, что произойдет за этой чертой, в ином мире, и наслаждается этой своей безграничной властью.

Героя Герцена нельзя назвать положительным героем. За обычным соблазнением у Герцена стоит другая концепция поступка. Путь западного героя ложен, за прегрешение нечестивца ждет расплата. Гофман оправдывает Дон Жуана «высшими» мотивами «гениальной личности», которой все позволено. В варианте Герцена поступок Бельтова не рассматривается как греховный, так как в мире нет той инстанции, которая могла бы взять на себя ответственность. Наказание за случившееся его не настигает.

Бельтов изначально явлен как грешник, он словно при жизни попал в ад, поскольку описание города NN содержит многочисленные аллюзии к песням «Ада» в «Божественной комедии» Данте Алигьери. Мотива покаяния и возмездия у Герцена нет, поскольку ад не конкретное пространство, локус, это состояние, ощущение, которое Бельтов всегда носит с собой.

Думается, как раз это качество в составе образа Бельтова вызвало раздражение у критиков и литературоведов. Созданный по западному образцу персонаж и мотивы его поступка не укладываются в национальное представление о герое. Русский Дон Жуан, созданный Герценом, демонстрирует вполне осознанное отторжение этической концепции, положенной в основу героя европейской литературы. В этом обнаруживает себя объективный для классического литературного периода процесс национального самоопределения русской литературы.

Примечания

1. Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX века / подгот. текста, сост., вступ. статья и примеч. В. К. Кантора, А. Л. Осповата. М. : Искусство, 1982. 544 с.
2. Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории. М. : Эксмо, 2008. 864 с. (Антология мысли). URL : http://imwerden.de/pdf/carlyle_geroi_2008.pdf (дата обращения 03.05.2017)
3. Николаев Н. И., Швецова Т. В. Русская литература 30–40-х годов. «Ожидание героя» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 3 (29). С. 125–142.
4. Никитина О. А. Герой в современной газетно-журнальной периодике в контексте кризиса идентичности : дис. ... канд. филол. н. СПб., 2006. С. 85; Гусарова М. А. Проблема поиска духовных основ российского правосознания в философской концепции А. С. Хомякова // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 1. С. 13.
5. Герцен А. И. Собр. соч. : в 30 т. Т. XVIII. М., 1959. С. 184.
6. Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. X. М., 1956. С. 320.
7. Белинский В. Г. Указ. соч. С. 320.
8. Карпов Д. Л. Традиция пушкинской прозы и русские романы середины 1840-х гг. : дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2010. С. 169.
9. Назиров Р. Г. Традиции Пушкина и Гоголя в русской прозе. Сравнительная история фабул: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1995. С. 8 URL : <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-tradicii.php>
10. Карпов Д. Л. Традиция пушкинской прозы и русские романы середины 1840-х гг. : дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2010. С. 114.
11. Цитаты из романа А. И. Герцена приводятся по изданию: Герцен А. И. Кто виноват? // Герцен А. И. Сочинения : в 4 т. Т. 4 / общ. ред. и коммент. Г. Г. Елизаветиной. М. : Правда, 1988. 464 с. В скобках указывается часть и глава.
12. Веселовская Н. В. Дон Жуан в русской классической литературе : дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. С. 3.
13. Багно В. Е. Расплата за своеволие. URL : <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/1630/1/philolog-ahp-08.pdf> (дата обращения: 03.05.2017)
14. Там же.
15. Карельский А. В. Метаморфозы Орфея: Беседы по истории западных литератур. Вып. 3 : Немецкий Орфей / сост. А. Б. Ботникова, О. Б. Вайнштейн. М. : РГГУ, 2007. С. 277.
16. Гофман Э. Т. А. Дон Жуан. URL : <http://knigosite.org/library/read/18585> (дата обращения: 03.05.2017).
17. Пронин В. П. Записки молодого Герцена о германской словесности // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2002. № 3. С. 175–180.
18. Кожикова А. В. Восприятие Э. Т. А. Гофмана в России 30–40-х годов XIX века: к проблеме формирования и трансформации мифа : дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2007. 177 с.

19. *Otradin M. V. Proza I. A. Goncharova v literaturnom kontekste*. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994. 168 с. URL : <http://libed.ru/knigi-nauka/418737-1-otradin-v-proza-a-goncharova-literaturnom-kontekste-spb-izd-vo-s-peterburg-un-ta-1994-168-sankt-peterburgsk.php>. (дата обращения: 03.05.2017)
20. *Веселовская Н. В.* Там же. С. 3.
21. *Смирнов И. П.* Психодиахронология: Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. URL : <https://culture.wikireading.ru/62074>. (дата обращения: 03.05.2017).

Notes

1. *Russkaya estetika I kritika 40-50-kh godov XIX veka* -Russian aesthetics and critics of the 1840s-1850s. Text prepared and compiled; introduction and made by V. K. Kantor and A. L. Ospovat. M. Iskusstvo. 1982. 544 pp.
2. *Karleil' T. Geroi, pochitanie geroev I geroicheskoe v istorii* [Heroes, honoring heroes and heroic stories]. M. Eksmo. 2008. 864 p. (Anthology of Thought). Available at: http://imwerden.de/pdf/carlyle_geroi_2008.pdf (date of access 03.05.2017)
3. *Nikolaev N. I., Shvetsova T. V. Russkaya literatura 30 – 40-kh godov. «Ozhidanie gerioia»* [Russian Literature of the 30s-40s. "Waiting for a hero"] // Tomsk State University Herald. Series: Philology. 2014, № 3 (29), pp. 125-142.
4. *Nikitina O. A. Geroi v sovremennoi gazetno-zhurnal'noi periodike v kontekste krizisa identichnosti: disser. ... kand. Filol.* [Heroes in up-to-date newspaper and magazine periodical press in the context of identity crisis: dissertation ... candidate of philological sciences]: 10.01.10. SPb. 2006. 196 pp. P. 85.
5. *Gertsen A. I. Sobr. soch. v 30 t.* [Collected works issued in 30 volumes]. Vol. XVIII. M. 1959. P. 184.
6. *Belinskiy V. G. Vzglyad na russkuiu literaturu 1847 goda* [The view of Russian literature of 1847] // Belinskii V.G. Collected works. Vol. X. M. 1956. P. 320.
7. *Belinskiy V. G.* Ibid. P. 320.
8. *Karpov D. L. Traditsiia pushkinskoi prozy i russkie romany serediny 1840-kh gg.: dis. ... kand. filol. nauk* [The traditions of prose by A. S. Pushkin and Russian novels of the mid-1840s: dissertation ... candidate of philological sciences]: 10.01.01. Yaroslavl'. 2010. P. 169.
9. *Nazirov R. G. Traditsii Pushkina I Gogolia v russkoi proze. Sravnitel'naya istoriia fabul: disser.... d. filol. n.* [Traditions of Pushkin and Gogol in Russian prose. Comparative history of the plots: dissertation ... doctor of philology]: 10.01.01 Ekaterinburg. 1995. P. 8. Available at: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-tradicii.php> (date of access 03.05.2017).
10. *Karpov D. L.* Ibid. P. 114.
11. *Gertsen A. I. Kto vinovat?* [Who is to blame?] // Gertsen A. I. Collected works issued in four volumes. Vol. 4 / edited and commented by G. G. Elizavetina. M. Pravda. 1988. 464 pp.
12. *Veselovskaia N. V. Don Zhuan v russkoi klassicheskoi literature: disser. ... k.filol.n* [Don Juan in Russian classical literature: dissertation ... candidate of philological sciences]: 10.01.01. M. 2000. 135 pp. P. 3.
13. *Bagno V. E. Rasplata za svoevolie* [Retribution for the self-will]. Available at: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/1630/1/philolog-ahp-08.pdf> (date of access 03.05.2017)
14. Ibid.
15. *Karel'skii A. V. Metamorfozy Orfeia: Besedy po istorii zapadnykh literatur* [Metamorphoses of Orpheus: discussion on the history of Western literature]. Part 3: German Orpheus / Compiled by. A. B. Botnikova, O. B. Veinstein. M. RSHU. 2007. 608 pp. P. 277.
16. *Gofman E. T. A. Don Zhuan* [Don Juan]. Available at: <http://knigosite.org/library/read/18585> (date of access 03.05.2017).
17. *Pronin V. P. Zapiski molodogo Gertsena o germanskoi slovesnosti* [on the German literature made by young Herzen] // Proceedings of higher educational institutions. Problems of polygraphy and publishing. 2002, № 3, pp. 175–180.
18. *Kozhikova A. V. Vospriiatie E. T. A. Gofmana v Rossii 30–40-kh godov XIXveka: k probleme formirovaniya I transformatsii mifa: diss. ... k.filol.n.* [The perception of E. T. A. Hoffmann in Russia 30–40-ies of the XIX century: to the problem of formation and transformation of myth: dissertation ... candidate of philological sciences]: 10.01.01. Cherepovets. 2007. 177 p.
19. *Otradin M. V. Proza I. A. Goncharova v literaturnom kontekste* [Prose by I. A. Goncharov in the context of literature]. SPb. Publishing house of St. Petersburg University. 1994. 168 pp. Available at: <http://libed.ru/knigi-nauka/418737-1-otradin-v-proza-a-goncharova-literaturnom-kontekste-spb-izd-vo-s-peterburg-un-ta-1994-168-sankt-peterburgsk.php>. (date of access 03.05.2017)
20. *Veselovskaia N. V.* Ibid. P. 3.
21. *Smirnov I. P. Psikhodiakhronologika: Psikhistoriya russkoi literatury ot romantizma do nashikh dnei* [Psycho-diachronology: Psychohistory of Russian literature from romanticism to the present]. Available at: <https://culture.wikireading.ru/62074>. (date of access 03.05.2017)

Аббревиатурное заглавие романа Виктора Пелевина «Т» как инструмент репрезентации базового художественного концепта текста

В статье ставится вопрос о возможностях аббревиатурного заглавия современного художественного текста выступать в качестве репрезентанта базового концепта художественного произведения.

Заглавие рассматривается нами как центральный элемент в процессе структурирования художественного дискурса.

Выделение базового художественного концепта постмодернистского текста является центральной задачей интерпретатора, который, анализируя текст, собирает в целое все образы, оценки, представления, жанровые и стилевые особенности произведения, репрезентирующие концепт, который, в свою очередь, является ключом для адекватного восприятия содержательной и эмоционально-оценочной части произведения, так как содержит в себе культурно и исторически обусловленный смысловой код. Анализ семантики заглавия позволяет обнаружить «маяки», служащие ориентиром в художественном пространстве, актуализатором основных смыслов и ограничивающие некоторым образом широту интерпретаций.

The article raises the question of the possibilities of the abbreviation title of the modern artistic text to act as a representative of the basic concept of artistic text.

The title is considered by us as a central element in the process of structuring artistic discourse.

The selection of the basic artistic concept of the postmodern text is the central task of the interpreter, which, analyzing the text, collects into the whole all the images, assessments, representations, genre and style features of the work, representing the concept, which in turn is the key for an adequate perception of the content and emotional. Estimated part of the work, because it contains a culturally and historically conditioned semantic code. Analysis of the semantics of the title allows us to find "beacons" that serve as a guide in the artistic space, an actualizer of the basic meanings and limiting the breadth of interpretations in some way.

Ключевые слова: художественный текст, аббревиатурное заглавие, постмодернизм, концепт.

Keywords: artistic text, abbreviated title, postmodernism, concept.

В русской литературе постмодернизма одним из продуктивных композиционно-стилистических приемов стало использование инициальной аббревиатуры в позиции заглавия произведения. Такое наименование, являясь неотъемлемой частью художественного текста, выделяет композиционно значимые единицы произведения, акцентируя внимание читателя на ключевых лексемах. Аббревиатурное заглавие способно включать в свой состав несколько лексических единиц, актуализируя тем самым одновременно несколько аспектов произведения. Такая способность аббревиатуры позволяет предположить, что заглавие постмодернистского художественного текста способно полноценно репрезентировать базовый концепт произведения. Таким образом, процесс декодирования семантической составляющей аббревиатурного заглавия является необходимым условием адекватного восприятия концепта текста, а значит и его интерпретации.

Проведем концептуальный анализ текста романа «Т» В. Пелевина, в котором выделим базовый художественный концепт произведения и ответим на вопрос: является ли аббревиатурное заглавие данных произведений репрезентантом базового концепта?

Роман В. Пелевина «Т» опубликован в 2009 г. В нем нет политических и социальных тем, внимание автора направлено на процесс творчества. Роман создан в период активного массового литературного производства, что заставляет автора задаться вопросами «Что есть творчество? Кто такой творец?».

В качестве заглавия романа автор использует аббревиатуру «Т», интерпретация и расшифровка которой становится доступной лишь по прочтении произведения. В состав названия входят следующие лексемы: граф Т, Толстой, теория, крест, тильда, троица, текст, творец.

Лексический анализ текста выявил следующие актуальные слова: творец (и все однокоренные и производные слова) – 51, создатель (и все однокоренные и производные слова) – 120, автор (и все однокоренные слова) – 39. Ключевой лексемой является слово «создатель», актуаль-

ными – «творец» и «автор». Таким образом, наиболее важной является лексика, связанная с процессом творчества, создания чего-либо.

При интерпретации и анализе основной темы, проблемы, реализованных в романе В. Пелевина «Т», мы приходим к выводу, что доминантной эмоционально-смысловой составляющей произведения является авторская рефлексия процесса и результатов творчества. Творчество в романе рассматривается под разными углами – и как процесс создания новых, популярных художественных произведений, и как создание нового художественного мира, в котором существует герой. Последнее понимание творчества непосредственно связано с религиозным представлением о творце и его деятельности как о создании нового мира, новой жизни. В центре авторского анализа творческого процесса оказывается писатель как создатель не просто нового текста, а нового жизненного пространства. Таким образом, создатель художественного произведения понимается как демиург.

Обращаясь к лексикографическому пониманию слова «творец», мы обнаруживаем следующие значения.

1. Создатель материальных и духовных ценностей.
2. По религиозным представлениям – высшее существо, создавшее мир; бог [1].

Данная словарная статья репрезентирует базовые обыденные и религиозные представления о лексеме «творец», которые соотносятся с теми аспектами, которые рассматриваются автором романа, то есть творец как творческая личность, писатель, создающий новое художественное произведение, творец как демиург, создатель нового живого мира.

В словаре русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой «творец» имеет следующую характеристику:

1. Тот, кто творит, создает что-л.; создатель.
2. По религиозному представлению: верховное существо, создавшее мир и управляющее им; бог [2].

Данная статья раскрывает лексему «творец» с тех же позиций – обыденной и религиозной.

В Толковом словаре живого великорусского языка статьи, посвященной лексеме «творец», нет, однако в составе статьи по лексеме «творить» обнаруживаются следующие упоминания исследуемого нами слова: «Творец, Бог, Создатель, Мироздатель. Творец неба и земли / Делатель, производитель, исполнитель, изобретатель, сочинитель, основатель» [3].

В данной статье лексема «творец» рассматривается в качестве неотъемлемого, связанного элемента с лексемой «творить», то есть как субъект действия.

В ассоциативном словаре под редакцией Ю. Н. Караулова в качестве наиболее частотных реакций на слово-стимул «творец» приводятся следующие: бог (14), художник (7), мира (6).

Наиболее частотной является реакция «бог», что говорит об основном представлении о творце в религиозно-мистическом аспекте.

Концепт «творец» является недостаточно изученным с точки зрения его экстенционала и репрезентаций.

В контексте романа «Т» мы анализируем концепт «творец» по следующим параметрам.

1. Творец как создатель новых духовных и материальных ценностей.
2. Творец как высшее существо в религиозно-мистическом понимании, демиург.

В исследуемом нами произведении автор поднимает вопрос о деятельности писателя как создателя, с одной стороны, новых литературных произведений. Так, автор представляет своему читателю, как создается произведение для массового потребителя. Процесс творчества здесь – конвейер, на котором разные рабочие делают свою часть работы, создавая тем самым увлекательное, захватывающее произведение. Таким образом, современное литературное творчество в романе представляется как бизнес, имеющий под собой исключительно коммерческое основание. С другой стороны, писатель рассматривается как создатель нового мира, который существует по определенным правилам и законам, герои способны чувствовать и размышлять, то есть автор творит новую жизнь.

Концепт «творец» в данном произведении реализуется значением аббревиатурного заглавия «творчество» как основная деятельность, процесс создания литературного произведения.

«От писателя требуется преобразовать жизненные впечатления в текст, приносящий максимальную прибыль. Понимаете? Литературное творчество превратилось в искусство составления буквенных комбинаций, продающихся наилучшим образом. Это тоже своего рода каббала. Но не та, которую практиковал мой дедушка» [4].

Кроме того, деятельность творца в романе представляется и с религиозной, мистической точки зрения, то есть как процесс создания нового мира, новой жизни.

«– Именно! – улыбнулся Ариэль. – Писатель, описывая несуществующий мир с помощью алфавита, делает практически то же самое, что творцы вселенной. Запирается, так сказать, в каюте первого класса и начинает рвать о голову сами знаете что... Мне это показалось забавным. Но дедушка был в ужасе. “Арик, – говорил он, – как же ты не понимаешь? Когда писателя называют творцом, это вовсе не комплимент. Даже самый тупой и подлый писака с черной как ночь душой все равно властен вызывать к жизни новые сущности. Отец всех писателей – диавол. Именно поэтому творчество, демиургия есть самый темный грех из всех возможных...”» [5].

С точки зрения результата деятельности концепт «творец» реализуется значениями аббревиатурного заглавия текст, творение, граф Т.

Результатом творчества в произведении является, во-первых, текст как новое литературное произведение.

«Вы герой повествования, граф. Можно было бы назвать вас литературным героем, но есть серьезные сомнения, что текст, благодаря которому вы возникаете, имеет право называться литературой. Попробую сделать так, чтобы до вас это окончательно дошло...» [6].

Во-вторых, результат творчества – это текст как новая жизнь, пространство для возникновения новых людей и их судеб.

«А жизнь ведь и правда, подобие текста, который мы непрерывно создаем, пока дышим... Сделав усилие, Т. вспомнил слова Ариэля в точности: “А потом этот непонятно кем написанный текст пытается сам что-то такое сочинять и придумывать – ведь просто уму непостижимо. Дедушка говорил, человек настолько призрачное существо, что для него вдвойне греховно плодить вокруг себя новых призраков...”» [7].

Героем созданного в романе текста, то есть самим творением, вынужденным существовать в рамках нового текста, является граф Т.

«Тяжкая сырость сгущалась в воздухе, и вскоре настроение Т. переменилось.

“Да, Ариэль может быть моим творцом, – думал он, пробираясь через густую поросль орешника. – Но отчего я думаю, что мой творец благ? Подумаешь, создатель... Великое дело... Любой пьяный солдат способен стать создателем новой жизни. Быть может, я просто результат немелкого опыта? Несчастливая случайность? Или, наоборот, я сотворен для того, чтобы испытать безмерное страдание и угаснуть?”» [8].

Творца как субъекта репрезентируют такие значения, как творец, Толстой, граф Т. Как мы говорили, творец в романе – это не только создатель текста как новой духовной и материальной ценности, но и как демиург, создающий новое жизненное пространство, новых живых сущностей.

«Существование, сударь мой, это не выстрел из пушки. С чего вы взяли, что у него есть цель? И потом, это вопрос не по адресу. Я всего лишь творец видимого вами мира, временный повелитель, создающий тени из праха. Помните, как у Пушкина? “Властитель праздный и лукавый, плешивый щеголь, враг труда, нечаянно пригретый славой...” Вот только Слава где-то заблудился, хе-хе-хе...» [9].

Творцом в исследуемом нами произведении становится и прежде рассматриваемый нами как результат творчества граф Т, который преодолел состояние героя, зависимого от действий своего автора-творца.

«Когда дверь закрылась, Т. поглядел на стену – туда, где была прощальная надпись Федьки Пятака.

“Теперь я знаю, где искать истинного автора, подумал он, – его не надо искать. Он прямо здесь. Он должен притвориться мной, чтобы я появился. На самом деле, если разобраться, нет никакого меня, есть только он. Но этот “он” и есть я. И так сквозь всю промежуточную оптику – до самого начала и конца, Соловьев тысячу раз нрав... “Eternalmighty I am», как в старом протестантском псалме. Вот только в моем случае строка на время удлинилась до “I am T”. Но “T” здесь не важен. Важно только “I am”. Потому что “I am” может быть и без графа, а вот графа Т без этого “I am” быть не может. Пока я думаю “I am T”, я работаю подсобным рабочим в конторе Ариэля. Но как только я обрезаю эту мысль до “I am”, я сразу вижу истинного автора и окончательного читателя. И еще тот единственный смысл, который есть в этом “T”, и во всех других словах тоже. Как просто...”» [10].

Кроме того, реальным творцом, прототипом которого в романе «Т» и стал граф Т, является граф Лев Николаевич Толстой, которому приснился сон про изложенную в произведении историю.

«Эту комнату я уже видел, – вспомнил Толстой, – только она была немного другая... Я в ней как раз пытался писать себя сам... Не попробоват ли снова? Надо бы взять и кончить это дело, пока Ариэль в Египте...» [11].

Выделенные лексемы взаимодействуют между собой внутри текста, формируют логичную, связную систему образов и символов, что позволяет актуализировать разные аспекты базового

концепта «Творец». Данное взаимодействие отображено на схеме, которая демонстрирует, как входящие в состав исследуемой аббревиатуры лексемы пересекаются в композиции текста и влияют друг на друга, раскрывая образы и символы, наполняющие базовый концепт произведения. Лексема *творец* обладает в тексте двойственной природой, с одной стороны, репрезентирует концепт «Творец» с точки зрения обыденной картины мира, где он представляется как производитель продукта, обладающего некоторой материальной и духовной ценностью (здесь связанными оказываются лексемы *творец* и *Толстой*), а с другой – раскрывает мистические представления о творце как о создателе живых существей, об авторе как о демиурге, персонажи которого существуют в созданном им мире (здесь концепт реализуют лексемы *граф Т*, *творец* и *Толстой*). Таким образом, данная лексема выступает как многозначное слово. Творец с научной и мистической точек зрения характеризуется своей деятельностью – творчеством. В тексте лексема *творчество* также многозначна, творчество – как создание материального объекта и как порождение новой жизни. Результатом деятельности творца в обоих случаях становится текст, который в научном представлении является литературным произведением, а в мистическом – пространством, в котором существуют и развиваются созданные автором-демиургом персонажи.

На основании проведенного анализа мы делаем вывод о том, что аббревиатурное заглавие «Т» романа В. Пелевина входящими лексемами репрезентирует базовый художественный концепт «творец» по двум направлениям: творец как создатель новых духовных и материальных ценностей (в рамках данного аспекта мы выделяем субъект действия – автора художественного текста и результат деятельности творца – получаемое литературное произведение, его персонажи), творец в мистическом понимании, как существо, создающее новую жизнь (в рамках данного аспекта мы также выделяем субъект деятельности – автора, который выступает в качестве демиурга, процесс создания и результат).

Таким образом, аббревиатурное заглавие художественного текста русского постмодернизма, обладая краткой формой, позволяющей включать в свой состав несколько лексем, способно выступать средством репрезентации базового художественного концепта текста русского постмодернизма. Заглавие занимает сильную позицию по отношению к тексту, аккумулирует в себе смысловую доминанту произведения и, обладая прямой семантической связью с текстом, актуализирует своими значениями разные аспекты концепта, формируя целостную картину смысловой организации произведения по мере его композиционного развертывания.

Примечания

1. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. Т. 15. (БАС) / Г. А. Качевская, Е. Н. Толикина. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1963. С. 170–171.
2. Словарь русского языка : в 4 т. Т. 4. (МАС) / А. П. Евгеньева. М. : Рус. яз., 1988. С. 345.
3. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 3. М. : РИПОЛ классик, 2006. С. 384.
4. *Пелевин В. Т. М.* : ЭКСМО, 2009.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же.

Notes

1. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka : v 17 t.* – Dictionary of modern Russian literary language : in 17 vol. Vol. 15. (BAS) / G. A. Kachevskaya, E. N. Tolikina. M.; L. Publ. AS SSSR. 1963. Pp. 170-171.
2. *Slovar' russkogo yazyka : v 4 t.* – Dictionary of the Russian language: in 4 vol. Vol. 4. (MAS) / A. P. Evgenyeva. M. Rus. yaz. 1988. P. 345.
3. *Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka : v 4 t.* [Explanatory dictionary of living great Russian language: in 4 vol]. Vol. 3. M. RIPOL klassik. 2006. P. 384.
4. *Pelevin V. T.* [T.] M. EKSMO. 2009.
5. Ibid.
6. Ibid.
7. Ibid.
8. Ibid.
9. Ibid.
10. Ibid.
11. Ibid.

Специфика освещения темы благотворительности в социальных медиа

В статье рассматриваются особенности освещения темы благотворительности в социальных медиа на примере деятельности астраханских благотворительных организаций и независимых волонтерских групп. Автор выделяет наиболее распространенные формы представления информации, особенности тематических направлений публикаций. В статье анализируются основные проблемы подготовки и продвижения медиаконтента, посвященного региональной благотворительной деятельности: высокий уровень недоверия аудитории, отсутствие стабильного взаимодействия с журналистским сообществом, недостатки использования метода т. н. «перепоста», «эмоциональное выгорание» аудитории и др. Несмотря на то что в работе рассматривается практика Астраханской области, автор считает, что данные особенности наблюдаются и в других регионах страны. В заключение автор приходит к выводу, что для достижения максимальной эффективности благотворительным организациям и волонтерам необходимо активизировать сотрудничество с региональными журналистами и привлекать студентов-журналистов.

The article considers the peculiarity of coverage of charity in social media on the example of Astrakhan charitable and independent volunteer organisations' activity. The author outlines the most common forms of presentation of information and the features of the thematic focus of publications. The article analyzes the main problems of preparation and promotion of media content devoted to regional charity activity: the low level of the audience's trust, no stable journalist community's interaction, the disadvantages of repost method usage, emotional burnout of the audience, etc. Though the article considers the practice of Astrakhan region, the author believes that these features are observed in other regions of Russia. In the end, the author comes to the conclusion that in order to achieve maximum efficiency charitable organizations and volunteers need to cooperate with regional journalists and involve students-journalists as well.

Ключевые слова: интернет-журналистика, благотворительность, информационный шум, массовые коммуникации, медиаконтент, медиасреда, социальные медиа.

Keywords: online journalism, charity, information noise, mass communications, media content, online media, social media.

Одной из важных составляющих национального самосознания является высокий уровень гражданской активности населения. Как показывает практика, в настоящее время в России уровень гражданского самосознания, в том числе создание инициативных групп, стремление к активизации работы общественных организаций и т. п., пока еще не находится на высоком уровне [1]. В европейских странах благотворительные проекты в основном через личную инициативу граждан.

В России в XIX в. различные слои населения принимали активное участие в благотворительности и общественном обустройстве, меценатство было престижным видом деятельности. В XX в. данная деятельность осуществлялась через государственные учреждения, а граждане привлекались организовано на безвозмездной основе. Это способствовало возникновению среди населения негативного отношения к благотворительности и общественной активности в целом. В настоящее время одной из главных задач развития страны является пропаганда и развитие волонтерства и благотворительности [2]. Следовательно, одной из основных задач современных журналистов является формирование позитивного отношения к данной деятельности, преодоление негативных стереотипов и предубеждений, поддержка в общественном сознании устойчивой системы духовно-нравственных ценностей и ориентиров, помощь в продвижении и реализации проектов данного направления.

С появлением Интернета возможности по развитию общественных организаций значительно расширились. Во-первых, благодаря уникальным свойствам медиаресурсов, в частности низкой стоимости создания контента, высокой скорости и широкому охвату передачи информации, благотворительные организации получают возможность активно распространять новости о проектах и устанавливать многосторонние коммуникации с аудиторией, включая потенциальных волонтеров и спонсоров. Во-вторых, появилась возможность расширенного поиска нужных контактов, например сети волонтеров (организация анкетирования, опросы, предложения различных форм участия

и многое другое). В-третьих, возможность организации взаимодействия через социальные медиа позволяет индивидуализировать процесс информационного обмена, что способствует повышению доверия и активности участников. Общение руководства организации, журналистов и пользователей создает условия для выработки новых идей, творческих планов, обмена информацией (новости, фото-, видеоматериалы участников мероприятий и многое другое).

На территории Астраханской области действует большое количество некоммерческих общественных организаций (НКО) и независимых волонтерских групп (НВГ). Указать точное количество не представляется возможным, во-первых, в связи с отсутствием у ряда групп официальной регистрации, во-вторых, из-за случаев спонтанной организации и проведения экстренных акций (например, срочный сбор помощи беженцам, погорельцам, сбор средств для конкретной семьи, попавшей в трудную жизненную ситуацию, организация поддержки при чрезвычайных ситуациях и многое другое).

Для освещения деятельности некоммерческих общественных организаций и независимых волонтерских групп используются различные виды онлайн-медиа-ресурсов: интернет-издания и информационные порталы государственной власти («Астрахань.РФ», «Астрахань.Ру», «Астробл.Ру», «Astrakhanpost.Ru», «ASIP.Ru» и др.), массовые сервисы (блоги, микроблоги, социальные сети, видеохостинги и др.), сайты – представительства общественных организаций («Шаг навстречу», «Отдел социального служения и благотворительности при Астраханско-Камызякской епархии», «Каритас» и др.). Особый вклад в активное развитие благотворительной общественной деятельности в регионе вносят блогеры и участники массовых социальных сетей (группы «Маленький ангел», «Мама-волонтер», «Добрые люди», «Новый шаг», «ИнтерАктив», «Молодежное Православное Движение» и др.).

На основе анализа контента, размещенного волонтерскими группами в социальных медиа, можно выделить наиболее распространенные формы представления информации: текст (новости, объявления, анонсы, интервью участников, отчеты о мероприятиях и др.), фотографии (фотоотчеты, фотографии участников проекта, людей и иных объектов, нуждающихся в помощи, фотоколлажи и др.), видеоматериалы (видеосюжеты о проводимых мероприятиях, видеообращения, видеоролики социальной рекламы, вебинары и др.). Нередко в социальных медиа публикуются материалы, имеющие развлекательный характер (фотографии, т. н. «мотиваторы», цитаты известных людей, рисунки и т. д.) с целью снижения напряженности.

Анализ интернет-публикаций, представленных региональными благотворительными организациями и независимыми волонтерскими группами, показал, что в целом они совпадают по тематическому направлению с общероссийскими: помощь незащищенным категориям населения (инвалиды, сироты, одинокие матери, многодетные семьи); поддержка людей, попавших в тяжелую жизненную ситуацию (люди без определенного места жительства, освободившиеся из мест лишения свободы, беженцы и др.). Однако публикации отражают и острые региональные проблемы: помощь людям, утратившим жилье в результате пожаров (в области происходит много намеренных поджогов ветхого жилья), защита прав граждан в межэтнических конфликтах (Астраханская область – поликультурный регион с усиленным миграционным потоком), проблемы экологии (уборка мусора в степи и по берегам водоемов, осушение и загрязнение рек) и др.

При явной важности для населения региона информации о подготовке и реализации благотворительных проектов, существует ряд серьезных проблем, негативно влияющих на эффективность освещения данной деятельности, что в свою очередь отражается и на поиске средств, и на вовлечении журналистов, волонтеров, экспертов, и на масштабах реализуемых проектов. В первую очередь это проблема доверия к информации о благотворительной деятельности. Необходимо отметить, что в настоящее время в нашей стране общественные настроения в целом характеризуются высокой степенью недоверия. Согласно исследованиям, больше всего население нашей страны доверяет информации о благотворительной деятельности, полученной от близкого окружения (друзья и знакомые) – (74%), а публикациям, размещенным в социальных медиа, – 20% [3]. При этом очевидно, что социальные медиа в настоящее время стали одним из самых популярных источников новостной информации и местом активных межличностных коммуникаций. Несомненно, основной причиной недоверия является активная деятельность мошенников в сфере благотворительности. Данные представления не могут не отражаться на отношении аудитории к публикациям на тему благотворительности.

В условиях Астраханской области эффективным выходом из сложившейся ситуации является обращение организаторов проектов с просьбой информационной поддержки журналистами, а также к экспертам и авторитетным пользователям конкретной целевой группы в распространении информации, в том числе в широком освещении СМИ. Предоставляемая журналистами, экспертами и лидерами мнений информация более внимательно рассматривается пользовате-

лями и принимается с большим доверием. Часто такая информация становится определяющей для пользователя и в целом может повлиять на его отношение к определенным мероприятиям в рамках реализуемых проектов.

Социальные медиа предоставили пользователям возможность осуществлять распространение публикаций способами автоматического копирования публикаций, т. н. «перепостом» и «репостом». Данные технологии дают возможность расширить аудиторию, привлекают к проблеме большое количество специалистов и волонтеров, желающих осуществить разнообразную поддержку, в том числе информационную. Однако, как показывает практика, технология копирования («перепосты» и «репосты») имеет и отрицательные последствия. Пользователи, бегло просматривая текст, а часто только заголовок и иллюстрации, не задумываясь о сути проблемы, степени достоверности представленных данных, отправляют информацию путем копирования в массовый новостной поток.

Причины данных действий многочисленны: особенности потребления информации в онлайн-медиапространстве (беглое, поверхностное чтение, пропуск длинных текстов), сокращение времени на просмотр текста (быстрые переходы на страницы через гиперссылки), доверие к «друзьям» – подписчикам, стандартная реакция на просьбу о «перепосте» и др. В ходе нашего эксперимента только шесть из 50 человек смогли точно передать содержание публикации, отправленной на «перепост», при этом половина респондентов описали свои действия как «перепостил, а потом прочитал», «не обратил внимание на текст», «привлекла фотография», «испытал жалость», «может кто-то откликнется, а мне некогда» и др.

В результате исследований мы пришли к выводу, что самым главным недостатком автоматической рассылки («перепоста») является тот факт, что пользователь ограничивает себя данным действием, считает свой долг выполненным, при этом реально никакая помощь не оказывается.

Очевидно, желание помочь должно сопровождаться как распространением публикаций (в том числе через «перепосты» и «репосты»), так и активным участием в организуемых мероприятиях. Однако, как показывает практика, многие пользователи социальных медиа на своих страницах высказывают возмущение, призывают решать проблемы, бороться, осуждают действие органов власти и журналистов, но реально, в офлайне, никаких серьезных действий не предпринимает.

Также следует признать, что нередко благотворительные организации и независимые волонтерские группы не умеют предоставлять информационные материалы в привлекательном виде для журналистов, авторитетных блогеров, аудитории в целом. Как показывает практика, участники благотворительных проектов нередко дублируют информацию, размещают для автоматического «перепоста» материалы и т. п., стремясь к расширению аудитории, а в итоге лишь создавая информационный шум и вызывая раздражение пользователей.

На основе анализа контента региональных сообществ социальных сетей, размещающих посты на тему благотворительности, можно сделать вывод, что одним из главных условий стабильного уровня доверия аудитории является предоставление оригинального, качественного медиаконтента – и по содержанию, и по форме публикации: быстро считываемого, компактного (до 500–700 символов), структурированного, разнообразного (текст, фото, видео и т. д.), максимально очищенного от шума, подготовленного с учетом требований интернет-среды. При этом грамотное использование авторами гиперссылок, иллюстраций, вставных конструкций в тексте доказывает оригинальность контента и позволяет объективно анализировать представленное содержание. Оригинальный и качественный контент при нарушении данных требований оценивается пользователями как низкого качества, что в свою очередь рефлексировается аудиторией как недоверие к информации. Узнаваемый дизайн, качественные, проверенные тексты, авторские фото-, видеоматериалы, как правило, имеют сообщества с длительной историей существования (например, «Маленький Ангел», «МПД Молодежное Православное Движение» и др.). Установление эффективной обратной связи с аудиторией, ее расширение, продвижение оригинального медиаконтента, доверие аудитории, эффективный фандрайзинг – все это напрямую связано с уровнем медиаграмотности участников общественных организаций и инициативных групп. Таким образом, членам общественных организаций, независимо от уровня и объема проводимых работ, необходимо развитие умений и навыков работы с новыми коммуникационными технологиями: поиск, критический анализ медиаинформации, стремление к созданию и публикации качественного (грамотного, достоверного, актуального, адаптированного и т. д.) собственного медиаконтента, понимание ответственности и соблюдение правил безопасного поведения в медиасреде.

Анализ публикаций, представленных региональными благотворительными организациями, показал, что большинство жителей региона не знают, чем занимаются данные организации, каких успехов они добились, какие виды помощи им требуются и т. д. Отсюда, соответственно,

высокий уровень недоверия к их деятельности. При подготовке встреч представителей власти, бизнес-структур, образовательных, медицинских учреждений с членами НКО и НВГ традиционно происходит предварительное знакомство с подборкой информационных материалов в СМИ и в сети Интернет о деятельности данных общественных организаций. Поэтому представителям НКО важно именно через популярные медиаплощадки и с помощью авторитетных журналистов и блогеров рассказывать общественности о результатах своей деятельности, регулярно предоставлять отчеты и соответствующие документы, подробно информировать о реализации грантов и т. д. Однако взаимодействие с журналистским сообществом должно включать в себя и инициативу самих представителей массмедиа. Современный журналист обязан стремиться к повышению собственного уровня гражданской ответственности, обладая профессиональными знаниями и навыками, оказывать помощь в реализации общественных проектов. При этом общественные организации и волонтерские группы должны быть сами заинтересованы в плодотворном и долгосрочном взаимодействии. Только при этом условии может быть достигнут максимальный эффект освещения благотворительной деятельности.

Освещая в социальных медиа благотворительную деятельность, необходимо учитывать и т. н. феномен «усталости сострадать», «эмоциональное выгорание», в условиях информационного шума онлайн-медиа. Как показывает практика, ленты социальных медиа переполняют большое количество объявлений о сборе средств. Анализ публикаций обычных пользователей в популярных социальных сетях («ВКонтакте», «Facebook», «Одноклассники») показал наличие большого количества публикаций, содержащих рассказ о людях, попавших в тяжелую жизненную ситуацию (особенно о больных детях, онкобольных взрослых), раненых животных, родственниках погибших в чрезвычайных ситуациях (катастрофы, тяжелая болезнь, убийства и др.). Данные публикации имеют специфические заголовки («Завтра будет поздно», «Спасем умирающего», «Когда опускаются руки» и др.) и соответствующие иллюстрации (чаще фотографии), направленные на вызов сочувствия к героям заметок.

Подчеркнем, эффективность повторения информации и внимание аудитории имеют ограничения. В связи с переполненностью медиaprостранства публикациями негативного содержания (природные катаклизмы, криминал, чрезвычайные происшествия и т. д.) сообщения о проблемах отдельных групп граждан не только теряются в массовом информационном потоке, но и перестают вызывать у аудитории ответную реакцию. Как показали наши опросы (респонденты в возрасте 20–40 лет), в целом пользователи стараются максимально быстро пропустить неприятную для них информацию (фотографии, «мотиваторы», видеоматериалы), редко полностью читают статьи и заметки с призывами о помощи (чтение на уровне заголовков), ограничиваясь «перепостами» или отметками одобрения («лайками»). Таким образом, зафиксированные нами стратегии избирательного уклонения пользователей подтверждают, что многократное повторение сообщений и иллюстраций о благотворительной деятельности негативно сказывается на активности аудитории (скука, отсутствие интереса, потеря чувствительности, раздражение, агрессия и др.).

В заключение отметим, что указанные особенности освещения благотворительной деятельности в социальных медиа выделяются не только на основе анализа медиаконтента астраханских проектов, но присущи и другим регионам. В настоящее время благотворительным организациям и независимым волонтерским группам ввиду отсутствия достаточного финансирования выгодно активно использовать онлайн-социальные медиа. Но данным организациям необходимо усилить сотрудничество с региональными журналистами с целью преодоления совместными усилиями стереотипов недоверия у населения, максимально полно информировать аудиторию о результатах своей деятельности, активно взаимодействовать с лидерами мнений, что, соответственно, отразится на повышении эффективности реализации благотворительных проектов и будет способствовать активизации общественной деятельности в целом. Считаем, что особенно важно привлекать к информационному продвижению данных проектов студентов-журналистов, в том числе в рамках учебных курсов в виде практикоориентированной деятельности, что позволит им не только применять свои знания и формировать профессиональные навыки, но и повысит их уровень гражданского самосознания и социальной ответственности.

Примечания

1. Исследование о помощи взрослым в России // Научный корреспондент. 2015. URL: http://nauchkor.ru/cloud_storage/documents/571e09e85f1be73062b34368.pdf (дата обращения: 5.05.2017)
2. Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 г. // Информация для всех. 17.11.2008. URL: <http://www.ifap.ru/ofdocs/rus/rus006.pdf> (дата обращения: 15.05.2017)
3. Большинство не доверяет постам о благотворительности в соцсетях // theRunet. URL: <http://www.therunet.com/news/2163-bolshinstvo-ne-doveryaet-postam-o-blagotvoritelnosti-v-sotssetyah> (дата обращения: 20.05.2017)

Notes

1. *Issledovanie o pomoshchi vzroslym v Rossii* – A study on aid for adults in Russia // *Nauchnyj korrespondent* – Scientific reporter. 2015. Available at: http://nauchkor.ru/cloud_storage/documents/571e09e85f1be73062b34368.pdf (date accessed: 5.05.2017)

2. *Koncepciya dolgosrochnogo social'no-ehkonomicheskogo razvitiya RF do 2020 g* – The concept of long-term socio-economic development of Russia up to 2020 // *Informaciya dlya vsekh* – Information for all. 17.11.2008. Available at: <http://www.ifap.ru/ofdocs/rus/rus006.pdf> (date accessed: 15.05.2017)

3. *Bol'shinstvo ne doveryaet postam o blagotvoritel'nosti v socsetyah* – Most do not trust the posts on charity in social networks // theRunet. Available at: <http://www.therunet.com/news/2163-bolshinstvo-ne-doveryaet-postam-o-blagotvoritel'nosti-v-sotssetyah> (date accessed: 20.05.2017)

УДК 811.111

Д. Б. Смирнова

Польский взгляд на проблему интеллигенции и революции в романе С. Жеромского «Канун весны»

В статье рассматривается образ революции 1917 г. в соотношении с гамлетовским типом героя в романе Стефана Жеромского «Канун весны». Актуальность исследования связана со значимостью этого исторического события для Польши и с его образом в национальной литературе, а новизна – с отсутствием работ об этом романе в современной России. Проблематика революции в «Кануне весны» позволила Жеромскому рассмотреть в новом ракурсе особый гамлетовский тип героя, который писатель последовательно воплощал в своём более раннем творчестве, включая уже рассмотренные нами роман «Бездомные» и повесть «Верная река». Среди произведений польского писателя роман «Канун весны» выделяется тем, что в нём автор проводит психологический анализ интеллигентского сознания в тесной связи с гамлетовским началом образа главного героя. В романе делается вывод о двух уровнях в исследуемом нами романе: актуально-публицистическом, связанном с решением проблемы русско-польских отношений после революции 1917 г., и «металитературном», сводящемся к функционированию «вечного образа» Гамлета в современном читателю политическом романе.

The article discusses the image of the revolution of 1917 in relation to the hamlet type of character in the novel by Stefan Żeromski "Eve of spring". Relevance of research is connected with the significance of this historic event for Poland and its image in the national literature, and novelty – with the absence of works about this novel in modern Russia. The problems of the revolution in the "Eve of spring" allowed Żeromski to consider a new aspect of hamlet's particular type of hero, which the writer consistently embodied in his earlier works, including already reviewed novels "Homeless" and "The Faithful river". Among the works of the Polish writer novel "Eve of spring" is highlighted by the fact that in it the author provides a psychological analysis of the intellectual consciousness in close connection with the beginning of hamlet's image of the protagonist. The novel concludes two levels in the novel under consideration: relevant non-fiction related to the solution of problems of Russian-Polish relations after the revolution in 1917, and "metaliterature", reducible to the functioning of the "eternal image" of hamlet in a modern reader of the political novel.

Ключевые слова: «вечный образ», революция, интеллигенция, Шекспир, «Гамлет», Жеромский, «Канун весны».

Keywords: "eternalimage", revolution, theintelligentsia, Shakespeare, "Hamlet", Żeromski, "Eveofspring".

В 1924 г. Жеромский написал свой новый роман – «Przedwiośnie» («Канун весны»), первый со времени возникновения независимой Польши. «Канун весны» Жеромского уникален тем, что он отражает не только историю Польши, но и историю России. Данный роман был переведен на русский язык Е. Троповским под названием «Канун весны». Есть также переводы романа под другими названиями: «Весна идет» (под редакцией А. Романского), «Предвесеннее» (перевод С. Н. Гонзаго), «Пред весной», «Ранняя весна» (все это издания 20-х гг.). Проблематика революции в «Кануне весны» позволила Жеромскому рассмотреть в новом ракурсе особый гамлетовский тип героя, который писатель последовательно воплощал в своём более раннем творчестве, включая уже рассмотренные нами роман «Бездомные» и повесть «Верная река». Новизна и актуальность последнего предсмертного романа Жеромского заключалась в том, что Жеромский в нём поста-

вил тему русской революции и постарался художественно отразить значение этого события мировой истории для Польши.

Зародившись в английской культуре, образ Гамлета проник во многие национальные культуры Европы, приобретя местный колорит. По справедливому мнению Б. Н. Гайдина, он принадлежит к тем «константам русской культуры», которые, «будучи для неё изначально чужими, с ходом времени прочно укрепились на её почве» [1]. То же можно сказать и о польской культуре, о чём свидетельствует монография Я. Тшнаделя «Польский Гамлет. Трудности действия» [2], в которой прослеживается генеалогия «гамлетовских» образов в польской литературе XIX и XX вв. Работа Я. Тшнаделя о гамлетовском типе героя приобретает общий и прецедентный характер для полонистики, однако нельзя сказать, что исчерпывающий, так как рассмотрены далеко не все варианты польского воплощения образа Гамлета. Так, в монографии Я. Тшнаделя не рассмотрен гамлетовский тип героя Жеромского, и целью нашего исследования является восполнение этого пробела.

Гамлетовские мотивы и образы присутствуют во всём творчестве Жеромского: в его «Дневниках», рассказах и романах. Сам Жеромский отождествляет себя с Гамлетом: «Я не революционер, я не человек действия. Как я уже писал на первой странице, я рефлектирующий интеллигент, я олицетворенное психологическое самокопание, поэтическая беспомощность, сентиментальность, я романтик в шляпе позитивиста, человек минувшего поколения, который заблудился в современности, я – это шаг назад, нуль, я – Гамлет, Гамлет и еще раз Гамлет ...» (дневник от 20 ноября 1886 г.) [3].

Среди произведений польского писателя роман «Канун весны» выделяется тем, что в нём автор проводит психологический анализ интеллигентского сознания в тесной связи с гамлетовским началом образа главного героя Цезария Барыки. Поэтому, для того чтобы раскрыть типологическую сущность героя романа Жеромского как «польского Гамлета», следует обратиться к социально-психологическому феномену интеллигенции, учитывая тот факт, что известным философом и публицистом Г. С. Померанцем ставится знак равенства между феноменом интеллигенции и «вечным образом» Гамлета: «...в какой-то степени, интеллигент – это Гамлет. Гамлет – это первый тип протоинтеллигенции» [4].

В первой части романа «Стеклянные дома» (Szklanedomy) Жеромский рисует картины гражданской войны в Азербайджане и жизнь в Советской России. Во второй части произведения – «Навлоць» (Nawłóć) автор описывает шляхетскую идиллию в Навлоци, превращающуюся под конец в трагедию. Третья часть – «Ветер с востока» (Wiatrodwschodu) представляет собой гамлетовское метание главного героя Цезария Барыки между патриотизмом и коммунизмом, между патриотическим оптимизмом Шимона Гаевца и отвращением к польской действительности.

Автор «Кануна весны», как отметил советский критик большевистской ориентации Г. С. Каменский, заметил всю «подлость возрожденной буржуазной Польши» [5]. Разочарование в возрожденной отчизне углубилось. Для Жеромского революция представляет собой стихию уничтожения. «Влияние революции – это болезненный психоз разрушения и массовых преступлений, преодолеть который возможно лишь сознательной мобилизацией сил польского общества» [6]. Жеромский пишет в своей книге «Снобизм и прогресс»: «Не только в литературных произведениях можно встретить отклики революции, но и в жизни народа всплывают явления, подражающие феноменам жизни советской России. Революция представлена в лице яростных внешних врагов, среди которых мы находимся из-за нашего географического положения...» [7]. Жеромский осуждает революцию, «обобщает то, что ее сущность являлась отвратительным следствием буржуазного окружения» [8].

Об этом романе не только много писали в послереволюционной Советской России и в Польше после обретения независимости, но и пишут по сей день в современной Польше [9]. Современный польский критик А. Менцвель пишет: «Однако можно ли в Польше не читать это едва ли не документальное произведение Стефана Жеромского? Действительно, “Канун весны” неохотно принимали в некоторых кругах, а, следовательно, неохотно читали, ибо за это автору ставилась в вину не только “литературная ложь”, но и “русский склад ума”» [10]. «“Канун весны” не только был с энтузиазмом принят в Советской России, над ним еще якобы плакали довоенные польские коммунисты, которые чувствовали отдаленность от народа, а Жеромский помогал им это ощущение преодолеть» [11].

Главный герой «Кануна весны», как одно из многочисленных воплощений «польского Гамлета», не является фанатичным польским коммунистом. Он подвержен сомнениям и колебаниям. Мотив призвания сближает Цезария Барыку с Гамлетом, в концепции характера которого мотив миссии играет роль далеко не последнюю: «Распалась связь времен... Я призван, чтобы восстановить её» [12]. Цезарий Барыка представляет собой борца за Польшу. На протяжении всего произведения

мы наблюдаем за эволюцией польского солдата Барыки – «все это представляет собой ноты, отзвуки перелома, совершающегося в сознании широких кругов польской интеллигенции» [13].

Для понимания сущности гамлетовской природы Цезария Барыки оказывается полезным то, как характеризует Тургенев подобный тип героя: «...он весь живет для самого себя, он эгоист; но верить в себя даже эгоист не может; верить можно только в то, что вне нас и над нами. Но это я, в которое он не верит, дорого Гамлету» [14].

Рассматриваемый нами герой Жеромского является сыном польских эмигрантов – Северина и Ядвиги, родившимся в 1900 г. и получившим воспитание и образование в России. В начале романа мы знакомимся с героем, когда ему всего четырнадцать лет, а в последней части ему уже двадцать четыре года, т. е. сам возраст героя и его духовное развитие на протяжении десяти переломных лет позволяет отнести произведение к типу «романа воспитания». Барыка представлен в разных ипостасях. То он выступает революционером, для которого революция – это «неизбежность, которая превыше всего. Это нравственный закон» [15], то любовником Лауры Костенецкой, и в этом случае он предстает перед нами совсем иным: «Какой ты сегодня красивый... Ты изящнее и ловчее всех. Ты сильный, крепкий, стройный», – сказала Лаура [16]. Здесь мы видим свойственную Гамлету двойственность, в которой уживаются аскетический фанатизм и гедонизм, чувственность.

Следует отметить и то, что имя Цезарий (от латинского Caesar – император) вводит мотив царственности в интерпретацию образа, и это является ономастическим ключом к типологическим аналогиям героя Жеромского с принцем Гамлетом.

В «Кануне весны» присутствует любовная линия, связывающая героев романа Цезария Барыку и Лауру Костенецкую: «Она была высокого роста, необычайно стройна, мускулиста и сильна. Глаза ее были цвета чистой лазури. Была естественна и деловита в каждом движении, слове, улыбке» [17]. Цезарий привлекателен в глазах женщин, он способен вызывать «роковые» чувства, приводящие к трагическим последствиям (как история любви Гамлета к Офелии). Помимо Лауры Костенецкой в главного героя романа влюблены еще две девушки: панна Ванда Окшиньская и панна Каролина Шарлотович. Между Барыкой и Шарлотович вспыхивает чувство, но впоследствии мы понимаем, что это чувство оказывается всего лишь влюбленностью. Цезария Барыку и Гамлета объединяют противоречивость и склонность к колебаниям, которые переносятся в сферу любви. Любовь не делает героинь счастливыми, а приносит им только горе и несчастье. Любовь Гамлета, как замечает Тургенев, «чувства его к Офелии, существу невинному и ясному до святости, либо циничны, либо фразисты»; «все его отношение к Офелии для него не что иное, как занятие самим собою» [18]. Цезарий Барыка – это герой нерешительный, который боится своей любви. В герое присутствует сочетание гордой независимости, неподкупной верности долгу, чести и склонности совершать безумные, своевольные поступки.

Герой Жеромского, как Гамлет, остается без отца. У Цезария Барыки другие отношения с родителями, чем у Гамлета, но его объединяет с образом Шекспира то, что роль обоих родителей очень важна в формировании этого противоречивого и склонного к рефлексии главного героя. Анализ взаимоотношений сына с обоими родителями очень важен в раскрытии гамлетовской природы Цезария Барыки. После смерти отца Гамлет полон меланхолии и разочарования в мире. У Цезария Барыки на протяжении романа меняется отношение к родителям. Главный герой Жеромского из-за своего юношеского легкомыслия теряет уважение к матери: «За эти долгие годы войны мать стала по отношению к Цезарию такой податливой, послушной, как будто бы она была его собственным органом, как рука, нога...» [19] Но со временем он стал осознавать, как ему была дорога его мать. Именно тогда, когда его мать умерла: «Цезарий почувствовал гнетущее ярмо одиночества» [20]. Гамлет же теряет уважение к своей матери из-за ее предательства: «Бренность, ты зовешься: женщина! – и башмаков не износив, в которых шла за гробом, как Ниобея, вся в слезах, она – о боже, зверь, лишенный разума, скучал бы дольше! – замужем за дядей» [21]. Здесь прослеживается отход образа Цезария Барыки от героя-прототипа Гамлета, в героях присутствует внутреннее различие при внешнем сходстве.

Неожиданная встреча Цезария Барыки с отцом обрадовала его: «Голова юноши, со вздохом невыразимого счастья, со стоном радости, опустилась на отцовскую грудь» [22]. После встречи с сыном отец рассказал ему о стеклянных домах, которые будто символизировали для него светлое будущее Польши. «Стеклянные дома стоят необычайно дешево, потому что при их стройке не нужно ни каменщиков, ни плотников, ни столяров, ни кровельщиков» [23]. Здесь мы можем отметить утопизм мировоззрения отца Цезария Барыки. В. В. Витт пишет: «Подробный рассказ об утопических мечтах был нужен в произведении, идеей которого было изображение крушения надежд» [24]. На рассказ отца Цезарий Барыка отвечал: «Мечты! Фантазии!» [25] В герое обнаруживается склонность к скептицизму как основное характерологическое совпадение с героем Шекспира.

Главный герой, несмотря на свои трагические переживания в большевистской России, возвращается в Польшу в качестве «сочувствующего» большевизму. Не случайно Северин Барыка указывает своему сыну путь в отечество. Здесь мы можем отметить характерную черту польского Гамлета. С фигурой отца связан патриотизм (*patria* – земля отцов). Именно отец заставляет «польского Гамлета» почувствовать любовь к отечеству, ведь до этого Цезарий Барыка был космополитом. По приезде в Польшу в большевике Барыке в момент борьбы за Варшаву отмечается патриотизм. Его мышление подавляет волю. Хотя в конце Барыка решается и берет в руки знамя революции, как Гамлет – шпагу. В финале романа мы видим: «Манифестанты двинулись вдруг с площади и направились к Бельведеру. В первом ряду большой толпы, держась за руки, идейные представители, в их числе Люлек и Барыка... Барыка отделился немного от шеренги рабочих и пошел вперед, во главе толпы обездоленных, прямо на эту серую стену солдат» [26]. Здесь Цезарий Барыка представляет собой «революционного Гамлета». Конец романа представляет собой момент, когда герой обнаруживает решительность, делает выбор. Общее с Гамлетом заключается в том, что он совершает главный поступок в финале произведения.

У главного героя «Кануна весны» присутствуют политические колебания. На страницах произведения мы их можем встретить в дискуссиях с другим героем Шимоном Гаевцем, который «всячески всеми своими силами стремился изобразить действительную Польшу, такую, какая живет, страдает, радуется, самую, что ни на есть “всамделишную”» [27]. Цезарий Барыка чувствует себя в этих дискуссиях прижатым к стене аргументами Гаевца. После одной из такой дискуссий Барыка больше не возвращается к Шимону Гаевцу, а идет на демонстрацию с коммунистами.

Таким образом, «вечный образ» Гамлета проявился в творчестве С. Жеромского в романе «Канун весны». В перевоплощении Жеромского образ Гамлета теряет свою историческую конкретику и воспринимается как общечеловеческий тип. Он представляет собой вечное выражение изначально присущей человеку способности сомневаться и искать. С. Жеромский создал в своем романе персонажа-вариацию Гамлета, которому автор придал национальные черты.

Примечания

1. Гайдин Б. Н. Образ Гамлета как константа русской культуры: концепция исследования // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2011. № 6. Ноябрь – декабрь. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2011/6/Gaydin_Image-of-Hamlet/
2. Trznadel J. Polski Hamlet. Kłopoty z działaniem. URL: <http://www.jacektrznadel.pl/>
3. Жеромский С. Избранные сочинения : в 4 т. Т. 4. М. : Худож. лит., 1958. С. 421.
4. Померанц Г. Интеллигенция, интеллигенты и интеллигентность. URL: http://www.pomeranz.ru/p/lect_intell.htm
5. Каменьский Г. С. Вступительная статья к «Канун весны». Л. : Рабочее изд-во «Прибой», 1925. С. 6.
6. Брун Ю. Трагедия ошибок Стефана Жеромского. URL: [www/proza.ru/2016/12/20/1908](http://www.proza.ru/2016/12/20/1908)
7. Żeromski S. Snobizm i postęp. URL: <http://literatug.edu.pl/snobizm/index.htm> (Перевод Д. Б. Смирновой).
8. Каменьский Г. С. Указ. соч. С. 12.
9. Kowalczykowa Alina. "Przedwiośnie" Stefana Żeromskiego. Warszawa: "Patria". 1998; Markiewicz H. "Przedwiośnie" Stefana Żeromskiego. Instytut Badań Literackich Polskiej Akademii Nauk. Kraków : Wydawnictwo Literackie. 1953; Hutnikiewicz A. "Przedwiośnie" Stefana Żeromskiego. Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne. 1967; Szypowska I. "Przedwiośnie" Stefana Żeromskiego. Warszawa : Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne. 1993.
10. Менцель А. Отношение к России: взаимопереплетение или насилие? С. 41–54 // Лунатов А. В., Шайтанов И. О. Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание / Рос. гос. гуманит. ун-т, ин-т славяноведения (Рос. акад. наук). М. : Изд-во «Индрик», 2000. С. 39.
11. Там же. С. 46.
12. Шекспир В. Комедии, хроники, трагедии, сонеты. Т. 2. М. : «Рипол Классик», 1998. С. 168.
13. Жеромский С. Канун весны. Л. : Рабочее изд-во «Прибой», 1925. С. 16.
14. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений : в 28 т. // Тургенев И. С. Сочинения. Т. 8. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1964. С. 174.
15. Жеромский С. Канун весны... С. 43.
16. Там же. С. 197.
17. Там же. С. 142.
18. Тургенев И. С. Указ. соч. С. 182.
19. Жеромский С. Канун весны... С. 25.
20. Там же. С. 40.
21. Шекспир В. Указ. соч. С. 146.
22. Жеромский С. Канун весны... С. 58.
23. Там же. С. 71.
24. Витт В. В. Стефан Жеромский. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. С. 329.
25. Жеромский С. Канун весны... С. 73.
26. Там же. С. 318.
27. Там же. С. 269.

Notes

1. Gajdin B. N. *Obraz Gamleta kak konstanta russkoj kul'tury: koncepcija issledovaniya* [The image of hamlet as a constant of Russian culture: study concept] // *Informacionnyj gumanitarnyj portal «Znanie. Ponimanie. Umenie» – Informational humanitarian portal "Knowledge. Understanding. Ability"*. 2011, No. 6. November – December. Available at: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2011/6/Gajdin_Image-of-Hamlet/
2. Trznadel J. *Polski Hamlet. Kłopoty z działaniem*. Available at: <http://www.jacektrznadel.pl/>
3. *ZHeromskij S. Izbrannye sochineniya : v 4 T.* [Selected works : in 4 vol.] Vol. 4. M. Khudozh. lit. 1958. P. 421.
4. *Pomeranc G. Intelligentiya, intelligenty i intelligentnost'* [Intelligentsia, intellectuals and intelligence]. Available at: http://www.pomeranz.ru/p/lect_intell.htm
5. *Kamen'skij G. S. Vstupitel'naya stat'ya k «Kanun vesny»* [Introductory article to "Eve of spring"]. L. Labour publishing house "Priboy". 1925. P.6.
6. *Brun YU. Tragediya oshibok Stefana Zheromskogo* [Tragedy of errors of Stefan Żeromski]. Available at: [www/proza.EN/2016/12/20/1908](http://www.proza.EN/2016/12/20/1908)
7. *Żeromski S. Snobizm i postęp*. Available at: <http://literat.ug.edu.pl/snobizm/index.htm> (Translated by D. B. Smirnova).
8. *Kamiński G. S.* Op. cit. P.12.
9. *Kowalczyk Alina. "Przedwiośnie" Stefana Żeromskiego.* Warszawa: "Patria". 1998; *Markiewicz H. "Przedwiośnie" Stefana Żeromskiego.* Instytut Badań Literackich Polskiej Akademii Nauk. Kraków : Wydawnictwo Literackie. 1953; *Hutnikiewicz A. "Przedwiośnie" Stefana Żeromskiego.* Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne. 1967; *Szypowska I. "Przedwiośnie" Stefana Żeromskiego.* Warszawa : Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne. 1993.
10. *Mencvel' A. Otnoshenie k Rossii: vzaimoperepletenie ili nasilie?* [Attitude to Russia: the mutual entanglement or violence?] Pp. 41-54 // *Lipatov A. V, SHajtanov I. O. Polyaki i russkie: vzaimoponimanie i vzaimoneponimanie* [Poles and Russians: mutual understanding and misunderstandings] / Rus. State. Humanit. University, Institute of Slavic studies (Russ. Acad. of Sciences). M. Publ. "Indrik". 2000. P. 39.
11. Ibid. P. 46.
12. *SHekspir V. Komedii, hroniki, tragedii, sonety* [Comedies, chronicles, tragedies, sonnets]. Vol. 2. M. "Ripol Klassik". 1998. P.168.
13. *Żeromski S. Kanun vesny* [Eve of spring]. L. Labour publishing house "Priboy". 1925. P. 16.
14. *Turgenev I. S. Polnoe sobranie sochinenij : v 28 t.* [Complete works: in 28 vol] // *Turgenev I. S. Sochineniya* [Writings]. Vol. 8. M. Publ. Akad. of Sciences of the USSR, 1964. P. 174.
15. *Żeromski S. Kanun vesny* [Eve of the spring] P. 43.
16. Ibid. P. 197.
17. Ibid. P. 142.
18. *Turgenev I. S.* Op. cit. P. 182.
19. *Żeromski S. Kanun vesny* [Eve of spring...] P. 25.
20. Ibid. P. 40.
21. *Shakespeare W.* Op. cit. P.146.
22. *Żeromski S. Kanun vesny* [Eve of spring...] P. 58.
23. Ibid. P. 71.
24. *Witt V. V. Stefan ZHeromskij* [Stefan Żeromski]. M. Publ. Akad. of Sciences of the USSR. 1961. P. 329.
25. *Żeromski S. Kanun vesny* [Eve of spring...] P. 73.
26. Ibid. P. 318.
27. Ibid. P. 269.

УДК 821.111

Е. В. Мазова

Кукольные пьесы как вставной текст в романе А. С. Байетт «Детская книга»

В статье рассматриваются театральные постановки с элементами пересказа фрагментов сюжета как вставной текст в романе А. С. Байетт «Детская книга» и осуществляется их градация, согласно их функциям. Большое внимание уделяется анализу кукольных (марионеточных) постановок по мотивам известных немецких сказок «Золушка» (братья Гримм) и «Песочный человек» (Э. Т. А. Гофман), а также пьесы «О деве Торе, ее Черве и его золотом ларце», в основе которой лежит осуществленный А. С. Байетт жанровый синтез средневековой скандинавской легенды, исторической хроники средневековой Дании и литературного творчества И. В. Гете. Раскрывается аллюзивная природа рассматриваемых кукольных постановок, которые порождают многоступенчатую зрительскую рефлексию. Также отмечается межтекстовое взаимодействие постановок с основным романским текстом.

The article deals with stage performances with the elements of the retelling of the plot fragments as inserted texts in A. S. Byatt's novel "The Children's Book" and they are ranged according to their functions in the novel. Much attention is given to the analysis of the puppet plays based on the famous German fairy tales "Cinderella" (the Brothers Grimm) and "Sandman" (E. T. A. Hoffmann) as well as the play "Die Jungfrau Thora, ihr Lindwurm, seine Goldkiste" which is based on the genre fusion of a medieval Scandinavian legend, a historical chronicle of medieval Denmark and the literary work by Goethe. The allusive nature of the puppet plays is revealed and the multi-stage audience reaction to the plays is shown. Moreover, the intertextual interaction of the stage performances and the main novel text is noted.

Ключевые слова: А. С. Байетт, роман, вставной текст, театральная постановка, кукольная (марионеточная) постановка, «Золушка», «Песочный человек», Тора, дракон, аллюзия.

Keywords: A. S. Byatt, novel, inserted text, stage performance, puppet play, "Cinderella", "Sandman", Thora, dragon, allusion.

«Проза таких значительных современных писателей, как Г. Грин, У. Голдинг, Д. Фаулз, А. С. Байетт, Дж. Уинтерсон <...> содержит большое разнообразие как интертекстуальных включений, так и вставных конструкций <...>. Структура и жанровая палитра вставных конструкций и интертекстуальных включений в современном романе разнообразна, их литературная география широка» [1], – отмечает Н. Г. Владимирова.

Последний роман английской писательницы Антонии Сьюзен Байетт (Antonia Susan Byatt, род. в 1936 г.) «Детская книга» ("The Children's Book"; 2009) обладает обширной полижанровой иерархией вставных текстов, что определяет многие особенности его поэтики. Среди объемного перечня вставных текстов романа встречаются сказки, стихотворные произведения, эпистолярные включения, рассказы, фрагменты из прозаических произведений, статей для периодических изданий, интервью, дневниковых записей, официальных речей государственных деятелей, трудов научных деятелей, поэтов и писателей, телеграммы, лозунги, плакаты, табличка, а также описания театральные постановки. Последние представляют особую группу вставных текстов «Детской книги», поскольку являются «гибридными» образованиями: изначально обладая драматической природой, они инкорпорируются автором в основную ткань эпического произведения.

Многослойная сюжетика «Детской книги» связана с темой творчества и миром искусства (литература, прикладное искусство, театр). Вмонтированные в основное пространство художественного текста романа описания театральные постановки органично дополняют смоделированный А. С. Байетт образ эпохи конца XIX – начала XX в. На страницах «Детской книги» появляются и причастные к миру театра яркие и запоминающиеся персонажи, создающие ошеломительные постановки, – театральные режиссер Август Штейнинг и немецкий кукольник Ансельм Штерн. Их пьесы могут апеллировать к мировому литературному наследию, адаптируя известные произведения («Золушка» братьев Grimm, «Песочный человек» Э. Т. А. Гофмана, шекспировские «Зимняя сказка» и «Сон в летнюю ночь»), могут быть оригинальным кукольным представлением (пьеса «О деве Торе, ее Черве и его золотом ларце») или постановкой по мотивам сказок главной героини романа детской писательницы Олив Уэллвуд. Кроме того, постановки различаются и тем, кто в них играет – куклы-марионетки, актеры-любители или профессиональные актеры.

В связи с этим выделяется несколько видов таких постановок:

1. *Кукольные (марионеточные) постановки:*

– «Золушка» (братья Grimm), «Песочный человек» (Э. Т. А. Гофман), «О деве Торе, ее Черве и его золотом ларце» (синтез скандинавской легенды, исторической хроники средневековой Дании и литературного наследия И. В. Гете) – пьесы с кровавыми сценами и плохим концом, предвосхищающие в романе трагедию Первой мировой войны, которая жестоко оборвет судьбы многих персонажей в финале «Детской книги»;

– «Ханс майн Игель» [2] (братья Grimm), «Сон в летнюю ночь» (У. Шекспир) – проецируют личные истории персонажей (Дороти Уэллвуд, Олив Уэллвуд и др.);

– «Благородное семейство» – отображает политическую ситуацию в мире на рубеже XIX–XX вв.

2. *Театрализованные постановки с персонажами романа в качестве актеров-любителей:* «Сон в летнюю ночь» и «Зимняя сказка» (У. Шекспир) – «зеркально» преломляют развитие основного романного повествования.

3. *Театральные постановки с профессиональными актерами:* «Питер Пэн, или Мальчик, который не хотел взрослеть» (Дж. Барри), "Elf Scharfrichter" (Ф. Ведекинд) – создают культурный и политический фон романа;

4. Смешанные постановки (с куклами и персонажами романа): «Замок фей», «Том-подземлей» – являются сценическим воплощением писательских задумок Олив Уэллвуд, главной героини «Детской книги».

Остановимся подробнее на анализе кукольных (марионеточных) постановок Ансельма Штерна и Августа Штейнинга. Вставной фрагмент с описанием кукольной постановки сказки «Золушка» [3] (“Aschenputtel” нем.; “Cinderella” англ.) появляется в начале романа в связи с событиями празднования Летней ночи 1895 г. Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что постановщики отдают предпочтение не знаменитой французской версии сказки о Золушке, изданной Ш. Перро в 1697 г. и ставшей в сознании жителей Европы прецедентным текстом («Золушка, или Хрустальная туфелька» [4]), а немецкому варианту бродячего сюжета [5], который принадлежит перу братьев Гримм и отличается невероятной жестокостью. В связи с этим в пьесе наблюдается ряд шокирующе кровавых сцен: ради того, чтобы стать женой принца и надеть золотой башмачок, потерянный Золушкой на балу, одна из дочерей мачехи отрубает себе кухонным ножом большой палец на ноге, в то время как другая лишает себя пятки; а во время свадебной процессии Золушки и принца голубки нападают на злых сестер и оставляют их с «кровавыми ямами вместо глаз» [6]. Неудивительно, что постановка производит неприятное впечатление на маленьких зрителей: «Многие дети потом долгие годы будут вспоминать, как капало красное из башмачка» [7].

Данная группа вставных текстов апеллирует к драматическому искусству, в основе которого, как известно, лежит мимическая игра и диалог актеров. При их адаптации к особенностям эпического жанра происходит усиление эпического начала – описание постановки с элементами пересказа фрагментов сюжета. Это позволяет совместить драматологическую вариацию с повествовательной эпической природой романа. Кроме того, драматическое произведение, представленное сценически, предполагает непременно наличие зрителя и его восприятия спектакля. Поэтому в принимающем романном тексте появляются специфические способы «сопровождения» театральных вставных фрагментов: рассматриваемый нами фрагмент спектакля «Золушка» порождает многоступенчатую зрительскую рефлексию, развернутую в основном романном тексте, которая помогает расставить главные смысловые акценты.

Так, сначала появляются многочисленные ремарки с описанием реакции детей на представление и их комментариями в процессе просмотра: «Дороти захлопала глазами. Крохотные создания странно и страшно ожили. Дороти крепилась, стараясь не поддаваться иллюзии» [8], «Дороти хлопнула глазами и запретила себе что-либо воображать» [9], «– Какой ужас, – сказала Гедда вслух. – И так уже все в крови» [10], «Гризельда сжала губы» [11].

Далее основной романский текст демонстрирует рефлексию маленьких зрителей непосредственно после окончания спектакля, когда они пытаются осмыслить сюжетные расхождения немецкой и французской версий: «Филлис заявила, что сказка совсем неправильная – ни феи-крестной, ни тыквы, ни стеклянной кареты. “И ни крыс и мышей, ни ящерицы”, – закричала Гедда, перевозбужденная и напуганная кровожадными голубками» [12].

И, наконец, романский текст дает ключ к объяснению жестокости сказочного сюжета с многочисленными кровавыми сценами в пояснениях одного из персонажей «Детской книги» Тоби Юлгрива, исследователя фольклорных сюжетов, которому профессиональный филолог А. С. Байетт передоверяет часть своих обширных знаний по литературе и мифологии: «...это лишь две вариации [Тоби имеет в виду французскую и немецкую сказки о Золушке. – Е. М.] из бесконечного числа – в каждой стране, от Финляндии и Шотландии до России, своя версия “Золушки”, где повторяются одни детали и меняются другие – злая мачеха, жадные сестры, животные-помощники, волшебные платья, туфельки с кровью или без крови. Братья Гримм считали, что собираемые ими сказки – часть древних мифов и верований германского народа» [13].

Исследуя проблему генезиса сказки, Е. С. Куприянова отмечает: «Выделившись из мифа, сказка, будучи фольклорным жанром, <...> сохраняет в своей жанровой памяти генетическое родство с ним» [14]. Также подчеркивая связь сказки с мифом, Н. Г. Владимирова считает, что проблема сказочной жестокости лежит именно в генезисе пражанра: «То, что сегодня кажется несовместимым со светлым сказочным началом, палимпсестно скрывается в древнейших слоях сказочного пражанра <...>. В далекие времена человек жил и выживал в условиях жестокой реальности, и сказка, как и миф, отражала в фантастически трансформированном виде суровую действительность, с которой приходилось сталкиваться каждый день» [15].

Небезынтересным представляется наблюдение Х. Дикмана относительно проявлений непомерной жестокости именно в сказках братьев Гримм: «...они форменным образом кишат всеми отвратительными, ужасными и гнусными действиями, какие только в состоянии изобрести мозг садиста. Так, например, в “Красной шапочке” люди пожираются диким зверем, в “Рапунцеле” по-

хищают ребенка, в “Верном Джоне” человек превращается в камень, в “Золушке” обрубают пальцы на ногах, чтобы надеть туфельку...» [16]

Наличие подобных сюжетов Х. Дикман объясняет тем, что «первоначально сказки, вероятно, предназначались совсем не детям» [17]. В связи с этим обращает на себя внимание и еще один очевидный когнитивный диссонанс – недетская жестокость сюжета в спектакле для кукольного театра, который в читательском сознании устойчиво связывается именно с детской зрительской аудиторией. Неудивительно, что в «Детской книге» кукольная постановка немецкой версии сказки «Золушка» со своей чрезмерной жестокостью вызывает у маленького зрителя сперва эмоциональное отторжение, а затем и полное ее неприятие. Исключение представляет лишь девочка Гризельда, которая с восторгом восприняла спектакль, объяснив это своим немецким происхождением.

Этот диссонанс, заявленный во вставном драматологическом фрагменте, сопряжен с магистральной темой всего романа – трагическая судьба многочисленных детских персонажей, лишь немногим из которых удастся выжить в жестоких реалиях начинающегося XX в.

Наряду с пьесой по сказке братьев Гримм «Золушка», на празднике Летней ночи 1895 г. Ансельм Штерн и Август Штейнинг показывают еще одну кукольную пьесу – «Песочный человек» [18] (“Der Sandmann”), поставленную по мотивам одноименной сказочной новеллы Э. Т. А. Гофмана [19]. В основу этой новеллы легла переосмысленная знаменитым немецким писателем-романтиком история о Песочном человеке (“Sandman”) – персонаже европейского фольклора, который является к совершенно не желающим спать детям и сыплет в их глаза песок до тех пор, пока они не вывалятся из глазниц, а затем забирает выпавшие глаза с собой на луну, чтобы покормить своих детей [20].

В новелле, как мы помним, с Песочным человеком отождествляется старый адвокат Коппелиус, который занимается странными опытами с отцом Натанаэля. Еще мальчиком Натанаэль сталкивается с Коппелиусом, намеревающимся отобрать его глаза, однако реализуется это намерение лишь в финале новеллы, когда Натаниэль уже стал взрослым человеком. Интересным представляется и композиционное строение новеллы, часть сюжета которой представлена в виде переписки Натанаэля с его другом Лотаром и с невестой Кларой. Логическим продолжением эпистолярной части является дальнейшее повествование рассказчика о любовной трагедии Натанаэля и его последующей гибели.

Герои романа А. С. Байетт адаптируют новеллу Гофмана для театрализованного кукольного представления, заимствуя из нее лишь ключевые сюжетные блоки, посредством которых выстраивается основная линия спектакля. Так, в начале зрители видят няню Натанаэля, рассказывающую ему о Песочном человеке, и слышат шаги Коппелиуса, поднимающегося по лестнице. Затем появляется сцена секретного опыта Коппелиуса и отца Натанаэля и показывается жестокая смерть последнего. После этого игрой кукол рассказывается история любви Натанаэля к Олимпии и красочно изображается кончина Олимпии, которую разрывают на части ее отец и Коппелиус.

Аллюзивная природа описываемой постановки позволяет акцентировать внимание на расхождениях, которые приносят постановщики в гофмановский сюжет. Среди прочих отличий особенно важным является трактовка финала, где вместо сцены гибели Натанаэля, к которой причастен Коппелиус, появляется сцена борьбы главного героя с собственной тенью, завершающаяся его трагической смертью: «Натанаэль обнимал Клару за голубую талию. А потом тень Натанаэля поднялась, огромная в свете рамп на меркнувшем синем небе, оторвалась от своего хозяина и угрожающе нависла над ним. Он повернулся к ней лицом и начал бой с тенью – качаясь, двигаясь рывками, словно повешенный, танцующий на веревке. <...> Движения Натанаэля становились все более дикими, порывистыми, все менее человеческими, а тень разила его когтями с задника сцены. Натанаэль взмыл вверх, крутя ногами, будто на невидимом велосипеде... на миг взлетел, став невесомым... а затем рухнул через парапет навстречу гибели» [21].

Символическая сцена сражения Натанаэля со своей тенью является знаковой и будет иметь ряд отражений в зеркале романа. Не случайно композиционно к ней примыкает большой фрагмент романного текста с рефлексией спектакля, открывающийся впечатлениями центрального детского персонажа «Детской книги» Тома Уэллвуда, который воспринимает спектакль «болезненно»: «Том переводил дух – словно сам участвовал в схватке и проиграл» [22].

Данная «ремарка», сделанная А. С. Байетт в начале романа повествования, предваряет развитие персонажной истории Тома, обусловленной созданием его личной сказки «Том-под-землей», герой которой принц Том ищет свою тень, похищенную крысой. История Тома Уэллвуда заканчивается трагическим самоубийством, совершенным им после еще одной «болезненной» постановки: роковой спектакль – это сценическая версия его личной («приватной») сказки, обнаруженной матерью-писательницей, где Том видит на сцене Тень, которая отказывается выходить

наружу. Потрясенный Том воспринимает спектакль как собственное поражение, что в итоге приводит его к гибели – переходу в иной мир.

Заметим, что данная композиционная особенность «Детской книги» перекликается с одной из поэтологических особенностей произведений Э. Т. А. Гофмана. В. И. Грешных, исследуя творчество этого немецкого писателя, обращает внимание на тот факт, что в самом начале новеллы «Песочный человек» присутствует маркер, указывающий на трагическую гибель Натанаэля в конце произведения, и отмечает: «Мы можем говорить об изображении Гофманом особого психологического состояния героя – предчувствия ожидаемого. Это состояние довольно часто изображается Гофманом как подготовка к переходу героя в параллельный мир (к открытию параллельного мира)» [23].

Характерно, что рефлексия других персонажей «Детской книги» совершенно иная – дети с удовольствием посмотрели кукольную постановку: «Все захлопали. Том <...> исподтишка поглядывал на Джулиана, Чарльза и Геранта, чтобы понять, как на них подействовал спектакль, и увидел, что все они улыбаются и изо всех сил аплодируют, так что он тоже стал аплодировать» [24]. Данный эпизод «зеркально» преломляется в финальной части «Детской книги»: постановка «Тома-под-землей» приведет в абсолютный восторг всю публику, кроме Тома:

«Аудитория взорвалась <...> криками одобрения и аплодисментами.

– Том, что же ты не хлопаешь? – спросила Филлис, грациозно хлопая.

Том захлопал, лишь бы она отвязалась» [25].

Перечень кукольных представлений, представленных в «Детской книге», расширяет пьеса «О деве Торе, ее Черве и его золотом ларце» [26] (“Die Jungfrau Thora, ihr Lindwurm, seine Goldkiste”), которая ставится Ансельмом Штерном в Германии в 1901 г. и создается посредством жанровой контаминации легенды, исторической хроники и трагедии.

С одной стороны, сюжетная линия постановки представляет собой аллюзию на одну из версий скандинавской легенды о Рагнаре Лодброке (“Ragnar Lodbrok”) [27], согласно которой гатунский король Херрэд (“Herraudr”) преподносит в подарок своей дочери Торе (“Thora”) крохотного золотистого змея (“serpent”), найденного в мистическом золотом яйце. Дева Тора кладет его на золото в своих покоях, а через некоторое время он превращается в огромного дракона (“dragon”), захватывая ее покои вместе с золотом, и делает ее своей заложницей. Принц Рагнар, сын датского короля, узнает об этом и, убив дракона, спасает деву Тору, которая становится его женой.

Кукольное представление максимально точно воспроизводит сюжет легенды, однако постановщик все же привносит свои коррективы: вместо короля подарок деве делает волшебник и преподносит ей маленького червячка (“worm”) в ларце с золотом; червячок, превратившийся в дракона (“dragon”, lindwurm), спит не просто на золоте, а на золоте в ларце; деву Тору пытаются спасти многие рыцари вместо одного; в конце постановки главную героиню спасает не легендарный Рагнар, а принц Фрото – историческая личность, о которой рассказывает в своем многотомном труде «Деяния данов» (“Gesta Danorum”) датский историк Саксон Грамматик. Исторически значимый персонаж, введенный в постановку как главное действующее лицо, создает иллюзию достоверности происходящего на сцене и расширяет аллюзивный спектр пьесы. Как отмечает Саксон Грамматик, существует поверье, что Фрото в свое время стал неимоверно богатым правителем, убив дракона и завладев его сокровищами [28].

Помимо этого в постановке присутствует отсыл и на «Фауста» И. В. Гете, во второй части которого Фауст совершает спуск в подземный мир, существующий вне времени и пространства, – пещеру Матерей – и вызволяет оттуда Елену, с которой сочетается браком. В кукольном представлении принц Фрото, не зная, как победить дракона, отправляется за советом к Матерям (“The Mothers”), которые появляются из подземного мира, и даруют ему цветок шпорник (“larkspur”, “Rittersporn”), чтобы он отвлек им внимание дракона и выиграл битву, освободив Тору. Заметим, что шпорник не случайно появляется в кукольном представлении, ведь, согласно народным поверьям, он оберегает воинов в сражениях [29].

Примечательно, что данная пьеса вызывает особый восторг у публики младшего возраста, хотя является не менее жестокой, чем кукольные постановки «Золушка» и «Песочный человек»: «Рыцари входили туда – иные беспечно и весело, иные с легкой дрожью – и вылетали в виде кровавых кусков, которые описывали дугу, крутились и падали. Дети в зале радостно вопили» [30]. Обращает на себя внимание и беспощадность дракона, которая могла бы привести деву Тору к медленной и мучительной кончине: «Он свернулся, как удав, вокруг самой девы Торы, и она задергалась от боли и страха» [31].

Зверски кровавые сцены, бесчувственные и крайне жестокие герои кукольных (марионеточных) постановок фигурируют в основном тексте романа как маркеры неизбежно надвигающейся катастрофы Первой мировой войны. Созданный фантазией Ансельма Штерна и Августа

Штейнинга театр марионеток наглядно подготавливает своих юных зрителей к реальному театру военных действий 1914–1918 гг. В последней части романа его повзрослевшие персонажи испытывают на себе все превратности военного времени.

Таким образом, на примере инкорпорированных в роман А. С. Байетт «Детская книга» вставных текстов мы можем увидеть, как они дополняют разветвленную иерархию вставных текстов в романе, привнося в его палитру жанровое разнообразие, и как взаимодействуют драматические и эпические жанры, значительно усложняя восприятие сюжетно-композиционной архитектоники романа.

Примечания

1. *Исаев С. Г., Владимирова Н. Г.* Актуальная поэтика: Смена художественной парадигмы : монография. Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2017. С. 208.
2. Калька с немецкого "Hans mein Igel". В переводе на русский язык – «Ганс – мой ежик».
3. *Байетт А. С.* Детская книга / пер. с англ. Т. П. Боровиковой. М. : Эксмо, 2012. С. 71–74.
4. *Будур Н.* Мир сказок. Антология. М. : Олма-Пресс, 2005. С. 120.
5. Там же. С. 120–131.
6. *Байетт А. С.* Указ. соч. С. 74.
7. Там же.
8. Там же. С. 73.
9. Там же. С. 74.
10. Там же.
11. Там же.
12. Там же. С. 74–75.
13. Там же. С. 75.
14. *Куприянова Е. С.* Литературные сказки Оскара Уайльда и сказочно-мифологическая поэтика романа «Портрет Дориана Грея». Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2007. С. 10.
15. *Владимирова Н. Г.* Интертекстуальность. Интермедальность. Интердискурсивность : учеб. пособие. Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2016. С. 81.
16. *Дикман Х.* Юнгианский анализ волшебных сказок. СПб. : Гуманит. агентство «Академ. проект», 2000. С. 136.
17. Там же. С. 154.
18. *Байетт А. С.* Указ. соч. С. 104–108.
19. *Гофман Э. Т. А.* Песочный человек / пер. с нем. М. А. Бекетовой. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2016. 51 с.
20. *Vane Th.* Encyclopedia of Fairies in World Folklore and Mythology. Jefferson, North Carolina, and London: McFarland & Company, Inc., Publishers, 2013. P. 295.
21. *Байетт А. С.* Указ. соч. С. 108.
22. Там же. С. 108.
23. *Грешных В. И.* Мистерия духа: Художественная проза немецких романтиков. Калининград : Изд-во КГУ, 2001. С. 255.
24. *Байетт А. С.* Указ. соч. С. 108–109.
25. Там же. С. 714.
26. Там же. С. 505–507.
27. *Urban S.* Scandinavia and the British Isles // The Gentleman's Magazine. Vol. 5. Jan. – Jun. London : W. Pickering ; John Bowyer Nichols and Son, 1836. P. 39–40.
28. *McCullough J. A.* Dragonslayers: From Beowulf to St. George. Osprey Publishing Ltd., 2013. P. 31.
29. *Patterson R.* A Kitchen Witch's World of Magical Herbs & Plants. URL: https://books.google.ru/books?id=jR_tBAAAQBAJ&printsec=frontcover&dq=A+Kitchen+Witch%E2%80%99s+World+of+Magical+Herbs+%26+Plants.&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwiPq-uhmI7UAhWhE5oKHdzVDnsQ6AEIKjAA#v=onepage&q=A%20Kitchen%20Witch%E2%80%99s%20World%20of%20Magical%20Herbs%20%26%20Plants.&f=false (дата обращения: 09.05.2017).
30. *Байетт А. С.* Указ. соч. С. 506.
31. Там же. С. 506.

Notes

1. *Isaev S. G., Vladimirova N. G.* Aktual'naya poetika: Smena khudozhestvennoy paradigmy: monografiya [Actual poetics: The Change of Artistic Paradigm: monograph]. NovGU n.a. Yaroslav Mudriy. Velikiy Novgorod. 2017. P. 208.
1. The loan translation from German "Hans mein Igel". In translation into Russian "Gans –moy yozhik".
2. *Byatt A. S.* The children's book: a novel. New York, Alfred A. Knopf, 2009. 675 p. (Russ. ed.: Bayatt A. S. Detskaya kniga. M. Eksmo. 2012. Pp. 71–74.).
3. *Budur N.* Mir skazok. Antologiya [The World of Fairy Tales. Anthology]. Moscow. Olma-Press. 2005. P. 120.
4. Ibid. Pp. 120–131.
5. *Byatt A. S.* Op. cit. P. 74.
6. Ibid.

7. Ibid. P. 73.
8. Ibid. P. 74.
9. Ibid. P.
10. Ibid. P.
11. Ibid. Pp. 74–75.
12. Ibid. P. 75.
13. Kupriianova E. S. *Literaturnye skazki Oskara Uail'da i skazochno-mifologicheskaiia poetika romana «Portret Doriiana Greia»* [The literary tales of Oscar Wilde and the fabulously mythological poetics of the novel "The Picture of Dorian Gray"] / NovGU n.a. Yaroslav Mudriy. Velikii Novgorod. 2007. P. 10.
14. Vladimirova N. G. *Intertekstual'nost'. Intermedial'nost'. Interdiskursivnost': ucheb. posobie* [Intertextuality. Intermediality. Interdiscursivity: tutorial] / N. G. Vladimirova. NovGU n.a. Yaroslav Mudriy. Velikii Novgorod. 2016. P. 81.
15. Dieckmann H. *Iungianskii analiz volshebnykh skazok* [Twice-Told Tales: The Psychological Use of Fairy Tales]. SPb. Humanitarian agency «AkademicheskiiProekt». 2000. P. 136.
16. Ibid. P. 154.
17. Byatt A. S. Op. cit. Pp. 104–108.
18. Hoffmann E. T. A. *Pesochnyi chelovek* [The Sandman] / E. T. A. Hoffmann ; transl from Engl. M. A. Beketova. M. Berlin. Direkt-Media. 2016. 51 p.
19. Bane Th. *Encyclopedia of Fairies in World Folklore and Mythology*. Jefferson, North Carolina, and London: McFarland & Company, Inc., Publishers, 2013. P. 295.
20. Byatt A. S. Op. cit. P. 108.
21. Ibid. P. 108.
22. Greshnykh V. I. *Misteriia dukha: Khudozhestvennaia proza nemetskikh romantikov* [The Mystery of the Spirit: The Artistic Prose of German Romantics]. Kaliningrad. Publ. ofKSU. 2001. P. 255.
23. Byatt A. S. Op. cit. Pp. 108–109.
24. Ibid. P. 714.
25. Ibid. Pp. 505–507.
26. Urban S. *Scandinavia and the British Isles // The Gentleman's Magazine*. Vol. 5. Jan. – Jun. London : W. Pickering ; John Bowyer Nichols and Son, 1836. Pp. 39–40.
27. McCullough J. A. *Dragonslayers: From Beowulf to St. George*. Osprey Publishing Ltd., 2013. P. 31.
28. Patterson R. *A Kitchen Witch's World of Magical Herbs & Plants*. Available at: https://books.google.ru/books?id=jR_tBAAAQBAJ&printsec=frontcover&dq=A+Kitchen+Witch%E2%80%99s+World+of+Magical+Herbs+%26+Plants.&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwiPq-uhmI7UAhWhE5oKHdzVDnsQ6AEIKjAA#v=onepage&q=A%20Kitchen%20Witch%E2%80%99s%20World%20of%20Magical%20Herbs%20%26%20Plants.&f=false (accessed: 09.05.2017).
29. Byatt A. S. Op. cit. P. 506.
30. Ibid. P. 506.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНСИМОВА Ольга Константиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Новосибирский государственный технический университет. 630073, г. Новосибирск, просп. К. Маркса, 20.

E-mail: ansimova-ok@yandex.ru

БАЛАБАЕВА Лариса Васильевна – аспирант кафедры философии ВятГУ, старший преподаватель кафедры истории и теории права, Кировский филиал РАНХиГС. 610004, г. Киров, ул. Ленина, 25.

E-mail: larisapocht@yandex.ru

ГАРИФУЛЛИНА Альбина Маратовна – кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет. 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.

E-mail: garifullina-am@mail.ru

ГУБИК Светлана Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет. 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.

E-mail: bashenyovs@mail.ru

ЕРШОВ Михаил Федорович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела истории, археологии и этнологии, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок. 628011, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 14а.

E-mail: mfershov@mail.ru

ЗЫРЯНОВА Светлана Александровна – кандидат филологических наук, ассистент кафедры русского языка № 2, Российский университет дружбы народов. 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая ул., 10, стр. 3.

E-mail: Sv.minakova@yandex.ru

КОРНЕВ Георгий Павлович – доктор философских наук, профессор кафедры права, философии и социальных дисциплин, Арзамасский филиал Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 607220, г. Арзамас, просп. Ленина, 101.

E-mail: swerdlowsk06111948@gmail.com

КУЛАГИНА Наталья Александровна – кандидат философских наук, доцент, директор школы № 167. 6030033, г. Нижний Новгород, ул. Ухтомского, 90.

E-mail: natalia.moss@gmail.com.

ЛАДЫГИНА Ирина Владимировна – кандидат философских наук, заведующая кафедрой информатики, теории и методики обучения информатике, Забайкальский государственный университет. 672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30.

E-mail: lad_irina@yahoo.com

ЛАЗУТКИНА Екатерина Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики, Астраханский государственный университет. 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а.

E-mail: evlazutkina@gmail.com

МАЗОВА Екатерина Викторовна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого. 173003, г. Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41.

E-mail: katerina.mazova2015@yandex.ru.

МАШКОВЦЕВА Виктория Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Вятский государственный университет. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.
E-mail: wikma116@rambler.ru

ОСИПОВА Нина Осиповна – доктор филологических наук, профессор кафедры культурологии, Вятский государственный университет. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.
E-mail: nina.osipova@list.ru

РОМАНОВ Павел Альбертович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии, Марийский государственный университет. 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1.
E-mail: filosof@marsu.ru

СЕМЕНОВА Наталия Леонидовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества и МПИ, Стерлитамакский филиал БашГУ. 453103, г. Стерлитамак, пр. Ленина, 49.
E-mail: natalja_leonid@mail.ru

СМИРНОВА Дарья Борисовна – аспирант института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта. 236041, г. Калининград, ул. Александра Невского, 14.
E-mail: tbd89@mail.ru.

ШАДРИНА Елена Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и биоэтики, Сеченовский университет. 119991, г. Москва, Измайловский бульвар, 8.
E-mail: legem1@yandex.ru

ШАЙДУЛЛИН Раиль Рашитович – соискатель Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. 420111, г. Казань, Кремль, подъезд № 5.
E-mail: i26-05@yandex.ru

ШАКИРОВА Наиля Рауфатовна – кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет. 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.
E-mail: nailya_shakirova@mail.ru

ШВЕЦОВА Татьяна Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и русского языка, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова. 164501, Архангельская обл., г. Северодвинск, ул. Воронина, 6.
E-mail: tavash@yandex.ru

ЯРМУХАМЕТОВА Рамиля Салимьяновна – старший преподаватель кафедры теории и истории музыки, Самарский государственный институт культуры; преподаватель музыкально-теоретических дисциплин, ДШИ № 16 им. И. О. Дунаевского. 443010, г. Самара, ул. Фрунзе, 167.
E-mail: Ramila@nxt.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

ANSIMOVA Olga Konstantinovna – candidate of philological sciences, associate Professor of Russian language Department, Novosibirsk state technical University. 20 K. Marx Ave., 630073, Novosibirsk.
E-mail: ansimova-ok@yandex.ru

BALABAEVA Larisa Vasilyevna – postgraduate student of the Department of philosophy of VyatSU, senior lecturer of the Department of history and theory of law, Kirov branch of the Russian Academy of National Economy and State Government. 25 Lenin str., 610004, Kirov.
E-mail: larisapocht@yandex.ru

GARIFULLINA Albina Maratovna – candidate of philological sciences, associate professor, Bashkir State University. 32, Zaki Validi Str., 450076, Ufa.
E-mail: garifullina-am@mail.ru

GUBIK Svetlana Viktorovna – candidate of philological sciences, associate professor, Bashkir State University, 32, ZakiValidi Str., 450076, Ufa.
E-mail: bashenyovs@mail.ru

ERSHOV Mikhail Fedorovich – candidait of historical sciences, leading researcher of the Research department of history, archaeology and ethnology, Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development. 14A Mira str., 628011, Khanty-Mansiysk.
E-mail: mfershov@mail.ru

ZYRYANOVA Svetlana Aleksandrovna – candidate of philological Sciences, assistant of Department of Russian language № 2, Russian University of Friendship of Peoples. 10/3 Miklukho-Maklay str., 117198, Moscow.
E-mail: Sv.minakova@yandex.ru

KORNEV Georgi Pavlovich – doctor of the philosophical sciences, professor of jurisprudence, Department of philosophy and social disciplines, Arzamas branch of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 101/3 Lenin Ave., 607220 Arzamas, Nizhny Novgorod reg.
E-mail: swerdlowsk06111948@gmail.com

KULAGINA Natalya Aleksandrovna – candidate of philosophical sciences, associate professor, Director of MBOU «School 167» city of Nizhny Novgorod. 90 Uhtomsiy str., 603033, Nizhni Novgorod.
E-mail: natalia.moss@gmail.com.

LADYGINA Irina Vladimirovna – candidate of philosophical sciences, head of Department of informatics, theory and methods of teaching informatics, Transbaikal State University. 30 Alexandro-Zavodskaya str., 672039 Chita.
E-mail: lad_irina@yahoo.com

LAZUTKINA Ekateryna Valeryevna – candidate of philological sciences, associate Professor of Department of theory and history of journalism of Astrakhan state University. 20A Tatishchev str, 414056, Astrakhan.
E-mail: evlazutkina@gmail.com

MAZOVA Ekaterina Viktorovna – postgraduate student of the Department of Russian and foreign literature, Novgorod state University n. a. Yaroslav The Wise. 41 Bolshaya Sankt-Peterburgskaya str., 173003, Veliky Novgorod.
E-mail: katerina.mazova2015@yandex.ru.

MASHKOVTSOVA Viktoria Vyacheslavovna – candidate of historical sciences, associate Professor, Department of Russian history, Vyatka State University. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.
E-mail: wikma116@rambler.ru

OSIPOVA Nina Osipovna – doctor of philological sciences, Professor of Department of culturology, Vyatka state University. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.
E-mail: nina.osipova@list.ru

ROMANOV Pavel Albertovich – candidate of philosophical sciences, associate professor of the Department of philosophy and sociology, Mari State University. 1 Lenin square, 424000 Yoshkar-Ola.
E-mail: filosof@marsu.ru

SEMYONOVA Nataliya Leonidovna – candidate of historical sciences, Associate Professor of the Department of history of the Russia and methods of teaching, Sterlitamak Branch of the Bashkir State University. 49 Lenin Avenue, Sterlitamak.
E-mail: natalja_leonid@mail.ru

SMIRNOVA Daria Borisovna – postgraduate student of Institute of Humanities, Baltic Federal University n.a. I. Kant. 14 Alexander Nevsky str, 236041, Kaliningrad.
E-mail: tbd89@mail.ru.

SHADRINA Elena Nikolaevna – candidate of philosophical sciences, associate Professor of philosophy and bioethics, Sechenov University. 8 Izmailovo Boulevard, 119991, Moscow.
E-mail: legem1@yandex.ru

SH Aidullin Rail Rashitovich – applicant of the Institute of history n. a. S. Mardzhani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Republic of Tatarstan, Kazan, the Kremlin, 5th entrance
E-mail: i26-05@yandex.ru

SHAKIROVA Nailya Raufatovna – candidate of philological sciences, associate professor, Bashkir State University. 32 Zaki Validi str., 450076, Ufa.
E-mail: nailya_shakirova@mail.ru

SHVETSOVA Tatiana Vasilyevna – candidate of philological sciences, associate Professor of Russian language and literature Department, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov. 6 Voronin str., 164501, the Arkhangelsk region, Severodvinsk.
E-mail: tavash@yandex.ru

YARMUKHAMETOVA Ramilya Salimyanova – senior lecturer of the Department of theory and history of music, Samara State Institute of Culture; teacher of musical-theoretical disciplines of musical school № 16 n. a. I. O. Dunaevsky. 167 Frunze str., 443010, Samara.
E-mail: Ramila@nxt.ru

Вестник Вятского государственного университета
Научный журнал № 7 (2017)

16+

Подписано в печать 31.07.2017 г.
Дата выхода в свет 28.08.2017 г.
Формат 60x84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 14,5. Тираж 200. Заказ № 4390.

Научное издательство Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36